

**Данное издание оцифровано
в Воронежской областной
универсальной научной библиотеке
им. И.С. Никитина**

394018, г. Воронеж, пл. Ленина, 2 / ул. Орджоникидзе, 36

Понедельник– четверг 9.00-20.00

Суббота, воскресенье 12.00-20.00

Пятница -выходной

<http://vrnlib.ru>
<http://vk.com/vounb>
e-mail: vounb@mail.ru
+7 (473) 255-05-91

К 4Р
КФ54

Син

**ФИЛОЛОГИЧЕСКІЯ
ЗАПИСКИ.**

ЖУРНАЛЬ,

ПОСВЯЩЕННЫЙ ИЗСЛѢДОВАНИЯМЪ И РАЗРАБОТКѢ РАЗНЫХЪ
ВОПРОСОВЪ ПО ЯЗЫКУ, ЛИТЕРАТУРѢ И ВООБЩЕ ПО СРАВ-
НИТЕЛЬНОМУ ЯЗЫКОЗНАНІЮ И СЛАВЯНСКИМЪ НАРѢЧІЯМЪ.

Изд. А. Хованскимъ.

— ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ —

ВЫПУСКЪ V.

Воронежъ.

Въ Типографіи В. И. Писава.

1888.

СОДЕРЖАНІЕ V ВЫПУСКА.

- Объ изданіи «Филологическ. Записокъ» въ 1889 году.
Къ ученію о словянскомъ глаголѣ. Системы романскихъ языковъ. Системы новоэранскія, съ 4-мя таблицами, представляющими 9 образцовъ спряженія глаголовъ именно—спряженіе итальянское, провансальское, др.-Французское, румынское, испанское, португальское, спряженіе вурдскаго языка, осетинскаго и новоперсидскаго (Продолженіе).
В. М. Добровскаго.
- Опытъ объясненія звуковыхъ измѣненій рѣчи измѣненіемъ работъ органовъ. (Продолженіе).
А. Камскаго.
- СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ.
- Вукъ Караджичъ и его сборникъ народныхъ сербскихъ пѣсенъ.
Ф. А. Веревскаго.
- Библиографическія замѣтки.
- Слово о полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружиной Руси. Трудъ Е. В. Барсова. Москва, 1887 года; два тома.
С. Ольгинъ.
- Матеріалы и замѣтки по старинной славян. литературѣ, Матвѣя Соколова. Выпускъ I.
Его-же.
- Докторъ Францискъ Скорпина.—Его переводы, печатныя изданія и языкъ. Изслѣдованіе П. В. Владимірова.
Его-же.
- Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій о греколатин. школѣ Арсенія Грека въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ.
Его-же.
- Лекціи по исторіи римской литературѣ, читанныя въ Кіевскомъ и С.-Петербур университетехъ В. И. Модестовымъ. Полное собраніе (3 курса) въ одномъ томѣ.
В—р—к.
- Введеніе въ изученіе языка. Къ теоріи и методикѣ сравнит. языкознанія в) классы корней, с) форма корней. II. Имя III. Глаголь и пр. переводъ съ нѣмец. (Продолженіе).
В. П. Преображенскаго.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

К 4р
ф54

ОБЪ ИЗДАНИИ

„ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ“

XXVIII г. въ 1889 году. XXVIII г.

(Журналъ одобренъ Ученымъ Ком. Мин. Народ. Просвѣщенія и рекомендованъ учебнымъ заведеніямъ, также Главнымъ Управленіемъ Военно-Учеб. Заведеній и Совѣтомъ Женскихъ Учеб. Заведеній вѣдомства Императрицы Маріи).

Вступая въ 28-й годъ своего существованія, Редакція „Филол. Записокъ“ будетъ держаться тѣхъ же принциповъ, какимъ столько лѣтъ служила, именно—доставлять филологическія и лингвистическія изслѣдованія по языковѣ вообще, а по русскому языку въ особенности, по литературѣ, классицизму, славистикѣ, мнѣологіи, доставлять библиографическія свѣдѣнія, переводы сочиненій извѣстныхъ иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ, разрабатывать и разъяснять разные грамматическіе вопросы и пр. и пр.; но главной задачей остается вопросъ: 1) о постановкѣ русскаго языка въ школѣ и 2) о составленіи словопроизводственнаго словаря.

5 055550 9

На сколько изданіе наше оправдываетъ и оправдало стремленія Редакціи, мы считаемъ умѣстнымъ привести здѣсь, особенно для тѣхъ, кто вовсе не знакомъ съ нашимъ изданіемъ, слѣдующіе отзывы Ученаго Комитета Мин. Нар. Просв., напечатанные въ Журналѣ Минист. Нар. Просв. (въ 1869 г. Май, стр. 27 и въ 1876 году Май).

„Филологическія Записки—единственное изъ провинціальныхъ изданій, посвященныхъ спеціально языку и литературѣ. При крайней бѣдности средствъ, въ чемъ и сомнѣваться нельзя, оно существовало уже и существуетъ, не только не падая въ своемъ значеніи—случай, рѣдко представлявшійся и въ столичной журналистикѣ,—но даже, по возможности, улучшаясь, благодаря единственно труду и стойкости издателя“....

„Во вниманіе къ несомнѣнному научному достоинству „Филологическихъ Записокъ“ и къ постоянно нimalo вознаграждаемымъ трудамъ издателя ихъ, г. Хованскаго, а также въ видахъ весьма желательнаго для пользы науки поддержанія этого изданія, Учен. Комитетъ призналъ справедливымъ ходатайствовать предъ г. Министромъ Нар. Пр., во-первыхъ, о предложеніи начальствамъ гимназій выписывать „Филологическія Записки“ для бібліотекъ гимназій и, во-вторыхъ, объ оказаніи г. Хованскому нѣкотораго денеж-

Ворож. обл. стная
науч. зап. отдѣленіе
имелъ И. С. Никитина

~~УЧЕНЫМЪ КОМИТЕТОМЪ
М. П. ОБЩЕСТВЕННАГО
УЧЕБНАГО ЗАВѢДЕНІЯ~~

наго вспомошествованія. А такъ какъ было бы весьма полезно, чтобы въ гимназическихъ библіотекахъ находились „Филологическія Записки“ за все время ихъ изданія, то, по мнѣнію Ученаго Комитета, было бы всего лучше свестись съ издателемъ о томъ, имѣется ли у него въ запасъ нужное, по числу гимназій, количество экз. его журнала за прежніе годы и за какую сумму онъ можетъ уступить эти экз. Этимъ способомъ могла бы быть оказана существенная матеріальная поддержка полезному изданію, и вмѣстѣ съ тѣмъ экземплярами онаго были бы снабжены библіотеки гимназій“....

„Во вниманіе къ тому, что издаваемая въ Воронежѣ г. Хованскимъ „Филологическія Записки“ заключаютъ въ себѣ много полезнаго матеріала для занимающихся преподаваніемъ русскаго языка и потому могутъ служить для нихъ полезнымъ пособіемъ,—предложить начальствамъ гимназій, чтобы они *озаботились* приобрѣтеніемъ этого журнала для фундаментальныхъ библіотекъ гимназій по непосредственному сношенію съ г. Хованскимъ“....

Кромѣ того желающіе подробно могутъ ознакомиться съ трудами изданія по изданнымъ брошюрамъ, каковы: 1) «Указатель статей, напечатанныхъ за весь 25-лѣтній періодъ изданія Фил. Зап.» и 2) «Двадцатипятилѣтній юбилей изданія Фил. Записокъ. Юбилейный Сборникъ», въ которомъ помѣщены: 1) Телеграммы (около 100), полученныя Редакторомъ, начиная отъ Г. Министра Нар. Пр. и Академіи Наукъ, отъ разныхъ высшихъ ученыхъ обществъ и учебныхъ заведеній, 2) рѣчи, 3) статьи посвященныя 25-лѣтію Ф. З. и 4) Записка Редактора о возникновеніи изданія. (Цѣна Указателю и Сборнику—по 40 к. съ перес.).

«Филологическія Записки» издаются въ Воронежѣ; выходятъ безсрочными выпусками,—по шести выпусковъ въ годъ.

ЦѣНА годовому изданію **6 руб. 30 к.** съ перес. за границу **7 руб.**

ПОДПИСКА преимущественно принимается въ Редакціи «Филологическихъ Записокъ», въ Воронежѣ; желающіе могутъ подписываться также въ извѣстныхъ столичныхъ и другихъ книжныхъ магазинахъ. Изданіе Фил. Зап. можно выписывать и за прежніе годы.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій.**

КЪ УЧЕНІЮ О СЛОВЯНСКОМЪ ГЛАГОЛѢ.

(Продолженіе).

Системы романскихъ языковъ. Въ романскихъ языкахъ системы съ одною основой не только преобладаютъ, но господствуютъ исключительно. Рядомъ съ одноосновнымъ типомъ спряженія другого не существуетъ. Отъ тѣхъ характерныхъ средствъ, которыми отличается корневое спряженіе въ древнѣйшихъ индоевропейскихъ языкахъ, здѣсь не осталось почти никакихъ слѣдовъ. Говоря кратко, во всей индоевропейской области едва ли найдется еще какой-нибудь языкъ, въ которомъ бы такъ радикально были истреблены слѣды древняго корневого спряженія, какъ напр. въ языкѣ французскомъ. Неправильные глаголы романскихъ языковъ обыкновенно имѣютъ отступленія тоже такого рода, которыя для своего объясненія не требуютъ справокъ въ глубокой древности, за предѣлами языка латинскаго. Такимъ образомъ, романскіе языки отличаются отъ нѣмецкихъ въ дѣлѣ спряженія глаголовъ бѣльшимъ однообразіемъ и слѣд. бѣльшею простотою.

Эта монотонность романскихъ системъ насъ нисколько не должна удивлять. Вспомнимъ, что въ сущности и латинскій языкъ, на почвѣ котораго выросли и создались грамматики языковъ романскихъ, — имѣлъ одинъ только типъ спряженія, и этотъ типъ есть одноосновный. Остатки корневого спряженія въ латинскомъ настолько разнообразны и сравнительно малочисленны (если взять для сопоставленія каждую группу неправильностей порознь), — что не представляютъ изъ себя никакого типа, никакого противовѣса одноосновному спряженію. Не то мы видимъ въ готскомъ; немудрено, что и въ новыхъ нѣмецкихъ языкахъ глаголы корневые продолжаютъ существовать въ такомъ внушительномъ количествѣ, что грамматики нѣмецкихъ языковъ доселѣ не могутъ обойтись безъ „*starke conjugation*“, какъ особаго типическаго спряженія. Романскія грамматики свои неправильные глаголы не могутъ подвести подъ какой-нибудь типъ; это даже само собой разумѣется, потому что уже латинская грамматика не въ состояніи изъ своихъ неправильныхъ глаголовъ создать какое-нибудь типическое спряженіе.

Къ семьѣ романской принадлежатъ языки: итальянскій,

провансальскій, французскій, испанскій, португальскій, румынскій съ ихъ древними и новыми діалектами. Изъ этихъ послѣднихъ отдѣльное мѣсто занимаетъ нарѣчіе рето-романское (Churwälsch; въ Швейцаріи, кантонъ Грюнвальденъ), благодаря большому разнообразію элементовъ, изъ которыхъ оно состоитъ.— Въ Европѣ область распространенія романскихъ языковъ значительно превосходитъ нѣмецкую.

Переходя къ ближайшей характеристикѣ системъ романскихъ *), считаемъ нужнымъ прежде всего остановиться на одномъ явленіи, которое повидимому стоитъ въ противорѣчьи съ упомянутою характеристикой романскихъ системъ. Въ числѣ „неправильныхъ“ глаголовъ, о которыхъ говорится ниже въ примѣчаніяхъ, читатель встрѣтитъ такіе, у которыхъ въ спряженіи корневой вокаль мѣняется. Это явленіе невольно напоминаетъ о нѣмецкихъ „Umlaut“ и „Ablaut“, о санскритскихъ „гуна“ и „връдги“ и т. п. А такъ какъ въ нѣкоторыхъ романскихъ языкахъ число подобныхъ глаголовъ значительно, то читатель въ правѣ заключить, что-де въ нѣкоторыхъ романскихъ языкахъ сохранилась еще живая связь съ корневымъ спряженіемъ, — связь, которая только развѣ очень мало уступаетъ остаткамъ корневого спряженія въ языкахъ нѣмецкихъ. Но такое заключеніе было бы ошибочно. Прежде всего нужно имѣть въ виду что перемѣна главнымъ образомъ состоитъ въ переходѣ простого вокала въ дифтонгъ (въ итальянскомъ, испанскомъ, провансальскомъ, французскомъ), но съ дифтонгованіемъ вокаловъ въ спряженіи латинскій языкъ не былъ знакомъ вовсе. Значитъ, явленіе это новаго происхожденія, и сближать его съ перемѣною вокаловъ въ древнихъ корневыхъ системахъ не приходится уже въ силу этого одного соображенія. Но можетъ быть это, по происхожденію новое явленіе получило въ спряженіи такое-же значеніе, какое

*) Grammatik der Romanischen Sprachen von Friedrich Diez. I, II, III томы (Вопп 1856², 1858², 1860²). Кромѣ тѣхъ свѣдѣній, которыя мы излагаемъ ниже на основаніи этого сочиненія, у Дица мы позаимствовали образцы спряженія и сравнительную табличку формъ романскихъ съ латинскими.

имѣеть въ санскритѣ и языкахъ нѣмецкихъ перегласовка? т. е., можетъ быть, оно служить однимъ изъ средствъ для отправления временныхъ функцій? Въ отвѣтъ на этотъ вопросъ вотъ что читаемъ у Дица (I, 180—83): „Въ виду много-различныхъ перемѣнъ, которымъ подвергается именно во франц. вокаль съ удареніемъ, можно задать вопросъ: существуетъ ли во франц. „Umlaut“ въ смыслѣ нѣмецкой грамматики?.. Но понимать въ этомъ смыслѣ переходы вокаловъ подъ удареніемъ нѣтъ основаній“... „Точно также мало основаній существуетъ, чтобы признавать въ области романской фонетики „Ablaut“, если подъ нимъ разумѣть основанное на извѣстномъ принципѣ измѣненіе корневого вокала, существовавшее въ латинскомъ языкѣ въ извѣстныхъ случаяхъ. Правда, перемѣны корневого вокала существуютъ въ языкахъ, происшедшихъ отъ латинскаго, какъ явленіе обычное; только основаніе этого явленія кроется не въ извѣстныхъ флексивныхъ законахъ (Flexionsgesetzen), но съ одной стороны въ измѣненіи количества (Quantität) и ударенія, съ другой—въ требованіи фонетической ясности *). Насъ удивляетъ, когда мы видимъ, что въ лат. въ фф. *tēnet*, *tēnēmus* звукъ е корня не измѣняется, а во франц. *tient*, *tenons* подвергся перемѣнѣ; но если поищемъ причины этому явленію, то скоро увидимъ, что дифтонгъ *ie* обязанъ краткости ударяемаго е въ *tēnet*; въ формѣ же *tenons* древнее е удержалось потому, что въ лат. формѣ *tēnēmus* краткое е стоитъ не подъ удареніемъ“. Все явленіе, значитъ, основывается на требованіяхъ просодическихъ. Далѣе: „Вліяніе ударенія на корневой вокаль относится къ числу особенностей романскихъ языковъ. Это явленіе можетъ быть отнесено къ числу удачныхъ, потому что вносить разнообразіе, не затемняя формы. Вокаль, имѣвшій

*) Т. е. въ нѣмецкомъ перегласовка вызвана требованіями семасіологическими, какъ въ санскритѣ, др. греческомъ и др. языкахъ. Въ романскихъ же языкахъ перемѣна гласныхъ обусловлена требованіями «фонетической ясности» или благозвучія; потому тутъ причинъ этихъ перемѣнъ слѣдуетъ искать исключительно въ фонетикѣ, а не въ симасіологіи.

на себѣ удареніе въ основномъ языкѣ (латинскомъ), мѣняется по *общимъ* законамъ, безъ ударенія — остается неизмѣннымъ. Эта перемѣна гласнаго важна въ спряженіи; но она имѣетъ большое значеніе и вообще въ словообразованіи. Для наглядности приводимъ нѣсколько примѣровъ. Ит. *brieve brevità, meno minore, pelo piloso, pruvo provare, suora sorella, moglie muliebre*. Рум. *peatre petrariu, doare doresc, barbe berbat* и т. п. Исп. *fiero feroz, liebre lebrato, cebo cibera, hebra fibroso, bueno bondad, pruebo probar, gola guloso*, Фр. *prix précieux, lièvre levrier; relief relever, foi fidel, moins menu, poil peluche, œuf oval, feu fouace, jeu jouer, boeuf bouvier, deuil douleur, loup lupin*“.

„Какъ велика зависимость гласнаго отъ консонанта, за нимъ слѣдующаго, въ этомъ мы можемъ убѣдиться изъ многихъ примѣровъ“ и т. д.—На основаніи этихъ выдержекъ изъ труда Дица, мы не ошибемся, если сравнимъ перемѣны корневыхъ вокаловъ, о которыхъ идетъ рѣчь, съ измѣненіемъ въ русс. и польс. е въ ё (т. е. въ о съ предшествующимъ мягкимъ согласнымъ, йотомъ или шипящимъ): несу: ъосъ (нѣсъ); везу: в’озъ (вѣзь); д’лаешъ||ид’ошъ и т. д. Въ польс. *nese, neseś... niosa; veze, veześ... vioza* и т. д.

Итакъ, единственное явленіе, которое могло бы довольно сильно, хоть и чрезъ „неправильные“ глаголы, сближать романское спряженіе съ корневымъ, оказывается вовсе не имѣющимъ связи съ древними системами ни по своему значенію ни по времени и причинѣ происхожденія. Намъ неизвѣстно, въ какой степени современные романскіе языки подчиняются тому фонетическому закону, которому обязано упомянутое явленіе. Быть можетъ въ большинствѣ случаевъ теперь законъ этотъ нарушается въ нѣкоторыхъ языкахъ, такъ что само явленіе собственно принадлежитъ прошлому и нынѣ сохраняется лишь въ силу традиціи въ меньшинствѣ случаевъ.

Затѣмъ прилагаемъ образцы спряженія глаголовъ въ итальянскомъ, провансальскомъ, французскомъ древнемъ (изъ нарѣчія бургундскаго), испанскомъ, португальскомъ и румынскомъ.

Спряженіе итальянское.

Спряженіе др-французское.

	I.	II.	III.	IV.	I.	II.	III.	IV.
Indicativus.	Praes. cant-o cant-i cant-a cant-iámo cant-áte cant-ano.	vend-o vend-i vend-e vend-iámo vend-éte vénd-ono.	part-o part-i part-e part-iámo part-iéte part-ono.	flor-isco flor-isci flor-isce flor-iámo flor-ité flor-iscono.	chant*	vend ven-s,-z vend,-et vend-ons	part par-s,-z part,-et part-ons	flor-is flor-is flor-ist flor-issons
	Imprf. cant-áva cant-avi cant-ava cant-avámo cant-avate cant-ávano.	vend-eva vend-evi vend-eva vend-evámo vend-evate vend-évano.	part-iva part-ivi part-iva part-ivámo part-ivate part-ivano.	flor-íva и т. д.	chant-ent. chant-eiz, ez chant-ent. chant-eve chant-eves chant-évet chant-iens	vend-eiz vend-ent vend-oié vend-oiés vend-oit vend-iens	part-eiz part-ent part-oié и т. д.	flor-isseiz flor-issent. flor-issoie flor-isoies flor-issoit flor-issiens flor-issioient. flor-i
	Prf. cant-ai cant-asti cant-ò cant-ammo cant-aste cant-árono.	vend-éi vend-esti vend-è vend-emmo vend-este vend-érono.	part-fi part-isti part-i part-immo part-iste part-irono.	flor-fi и т. д.	chant-ames chant-astes chant-arent. chant-erai chant-eras chant-erat chant-erons	vend-i vend-is vend-it vend-imes vend-istes vend-irent.	part-i и т. д.	flor-irai и т. д.
	Fut. cant-erò cant-erai cant-erà cant-eremo cant-erete cant-eranno.	vend-erò vend-erai vend-erà vend-eremo vend-erete vend-eranno.	part-irò part-irai part-irà part-iremo part-irete part-iranno.	flor-irò и т. д.	chant-eront. chant-e chant-es chant-et chant-iens chant-iez chant-ent	vend-rai vend-ras vend-rat vend-rans vend-reiz vend-ront.	part-irai part-iras part-irat part-irons part-ireiz part-iront. part-e и т. д.	flor-irai и т. д.
	Praes. cant-i cant-i cant-iámo cant-iate cant-ino.	vend-a,-i vend-a vend-iámo vend-iate vénd-ano.	part-ia и т. д.	flor-isca flor-isca flor-isca flor-iámo flor-iate flor-iscano.	chant-ent chant-asse chant-esses chant-ast chant-assiens chant-assiez chant-assent	vend-e vend-es vend-et vend-iens vend-iez vend-ent. vend-isse vend-isses vend-ist vend-issiens vend-issiez vend-issent.	part-isse и т. д.	flor-isse flor-isses flor-isset flor-issiens flor-issiez flor-issent flor-isse и т. д.
	Imprf. cant-assi cant-assi cant-asse cant-ássimo cant-aste cant-assero.	vend-essi vend-essi vend-esse vend-éssimo vend-este vend-éssero.	part-issi part-issi part-isse part-issimo part-iste part-issero.	flor-issi и т. д.	chant-eroie chant-eroies chant-eroit chant-eriens chant-eriez chant-eroient. chant-e chant-eiz chant-eir,-er chant-ant.	vend-roie vend-roies vend-roit vend-riens vend-riez vend-roient. vend vend-eiz. vend-re. vend-ant.	part-iroie part-iroies part-iroit part-iriens part-iriez part-iroient. part part-eiz. part-ir part-ant	flor-iroie и т. д.
	Condit. 1. cant-eré 2. cant-eresti cant-erebbe cant-eremmo cant-ereste cant-erébbero.	vend-eré vénd-eresti vend-erebbe vend-eremmo vend-ereste vend-erebbero.	part-iréi part-iresti part-irebbe part-iremno part-ireste part-irebbero.	flor-iria. flor-iriré и т. д.	flor-isco flor-isci flor-ite. flor-ire. flor-endo. flor-ete flor-ito.	vend-uit,-nie.	part-it,-ie	flor-is flor-isseiz. flor-ir. flor-isant. — flor-it,-ie.
	Imprat. cant-a cant-ate.	vend-i vend-ete.	part-i part-ite.	flor-isci flor-ite. flor-ire. flor-endo. flor-ete flor-ito.	chant-ait,-eie.			
	Inf. Ger. cant-ando. Part. praes. cant-ante. praet. cant-ato.	vénd-endo. vend-ente. vend-uto.	part-endo. part-ente. part-ito.					

Спряженіе провансальское.

Спряженіе румынское.

	I.	II.	III.	IV.	Ind. Praes.	Imprf.	Perf.	Plusqp.	Conj. Praes.	Imprat.	Inf. Ger.	Part. praes. praet.
Indicativus.	Praes. chant-i chant-as chant-a chant-ám chant-átz	vend,-i vend-es vend vend-ém vend-étz	part,-i и т. д. (как во II).	flor,-isc flor-isses flor-is flor-ém flor-etz	kánt kántz-i kánt-ь kánt-ím kánt-atzi kánt-ь. kánt-ám kánt-ai kánt-à kánt-ám kánt-atzi kánt-à.	vind vinz-i vind-e vind-em vind-etzi vind. vind-eám vind-eai vind-eà vind-eám vind-eatzi vind-eà.	mintz mintz-i mintz-e mintz-ím mintz-itzi mintz. mintz-eám и т. д.	flor-esk flor-ésti flor-este flor-ím flor-itzi flor-esk flor-eám и т. д.				
	Imprf. chant-ava chant-avas chant-ava chant-avám chant-avátz chant-ávan.	vend-ia vend-ias vend-ia vend-iám vend-iátz vend-ian	part-ia и т. д.	flor-íscón и т. д.	kánt-áí kánt-ási kánt-à kánt-úrám kánt-úrbitzi kánt-úrь. kánt-ásem kánt-áseși kánt-áse kánt-ásetzi kánt-áse.	vind-úí vind-uși vind-ù vind-úrám vind-úrbitzi vind-úrь. vind-úsem vind-úseși vind-úse vind-úsem vind-úsetzi vind-úse.	mintz-fi mintz-iși mintz-i mintz-írám mintz-írbitzi mintz-írь mintz-ísem mintz-íseși mintz-ísem mintz-ísetzi mintz-íse.	flor-fi и т. д.				
	Prf. chant-est chant-et chant-em chant-etz chant-eron. chant-arai chant-aras chant-ará chant-arem chant-aretz chant-aran	vend-est vend-et vend-em vend-etz vend-eron. vend-rai vend-ras vend-rá vend-rem vend-retz vend-ran.	part-ist part-it part-im part-itzi part-iron. part-irai part-iras part-irà part-irem part-iretz part-iran	flor-i и т. д.	kánt-áí kánt-ási kánt-à kánt-úrám kánt-úrbitzi kánt-úrь. kánt-ásem kánt-áseși kánt-áse kánt-ásetzi kánt-áse.	vind-úí vind-uși vind-ù vind-úrám vind-úrbitzi vind-úrь. vind-úsem vind-úseși vind-úse vind-úsem vind-úsetzi vind-úse.	mintz-í mintz-írám mintz-írbitzi mintz-írь mintz-ísem mintz-íseși mintz-ísem mintz-ísetzi mintz-íse.	flor-isk flor-ésti flor-easkь flor-ím flor-itzi flor-easkь flor-éste. flor-itzi. flor-i. flor-ind. flor-itoriu. flor-it.				
	Fut. chant-erai chant-aras chant-ará chant-arem chant-aretz chant-aran	vend-erai vend-ras vend-rá vend-rem vend-retz vend-ran.	part-irai part-iras part-irà part-irem part-iretz part-iran	flor-irai и т. д.	kánt-áí kánt-ási kánt-à kánt-úrám kánt-úrbitzi kánt-úrь. kánt-ásem kánt-áseși kánt-áse kánt-ásetzi kánt-áse.	vind-úí vind-uși vind-ù vind-úrám vind-úrbitzi vind-úrь. vind-úsem vind-úseși vind-úse vind-úsem vind-úsetzi vind-úse.	mintz-í mintz-írám mintz-írbitzi mintz-írь mintz-ísem mintz-íseși mintz-ísem mintz-ísetzi mintz-íse.	flor-isk flor-ésti flor-easkь flor-ím flor-itzi flor-easkь flor-éste. flor-itzi. flor-i. flor-ind. flor-itoriu. flor-it.				
	Praes. chan,-t-e chant-es chant-e chant-ém chant-étz chant-en.	vend-a vend-as vend-a vend-ám vend-átz vénd-an.	part-a и т. д.	flor-isca flor-iscas flor-isca flor-iscám flor-iscátz flor-iscan.	kánt-áí kánt-ási kánt-à kánt-úrám kánt-úrbitzi kánt-úrь. kánt-ásem kánt-áseși kánt-áse kánt-ásetzi kánt-áse.	vind-úí vind-uși vind-ù vind-úrám vind-úrbitzi vind-úrь. vind-úsem vind-úseși vind-úse vind-úsem vind-úsetzi vind-úse.	mintz-í mintz-írám mintz-írbitzi mintz-írь mintz-ísem mintz-íseși mintz-ísem mintz-ísetzi mintz-íse.	flor-isk flor-ésti flor-easkь flor-ím flor-itzi flor-easkь flor-éste. flor-itzi. flor-i. flor-ind. flor-itoriu. flor-it.				
	Imprf. chant-esses chant-essém chant-essétz chant-essen.	vend-ess vend-esses vend-essés vend-essétz vend-essen.	part-iss part-isses part-iss part-issém part-issétz part-issen.	flor-isc и т. д.	kánt-áí kánt-ási kánt-à kánt-úrám kánt-úrbitzi kánt-úrь. kánt-ásem kánt-áseși kánt-áse kánt-ásetzi kánt-áse.	vind-úí vind-uși vind-ù vind-úrám vind-úrbitzi vind-úrь. vind-úsem vind-úseși vind-úse vind-úsem vind-úsetzi vind-úse.	mintz-í mintz-írám mintz-írbitzi mintz-írь mintz-ísem mintz-íseși mintz-ísem mintz-ísetzi mintz-íse.	flor-isk flor-ésti flor-easkь flor-ím flor-itzi flor-easkь flor-éste. flor-itzi. flor-i. flor-ind. flor-itoriu. flor-it.				
	Condit. chant-éra chant-eras chant-era chant-erám chant-erátz chant-éran.	vend-éra vend-eras vend-era vend-erám vend-erátz vend-éran.	part-irai part-iras part-irà part-irem part-iretz part-iran	flor-ira и т. д.	kánt-áí kánt-ási kánt-à kánt-úrám kánt-úrbitzi kánt-úrь. kánt-ásem kánt-áseși kánt-áse kánt-ásetzi kánt-áse.	vind-úí vind-uși vind-ù vind-úrám vind-úrbitzi vind-úrь. vind-úsem vind-úseși vind-úse vind-úsem vind-úsetzi vind-úse.	mintz-í mintz-írám mintz-írbitzi mintz-írь mintz-ísem mintz-íseși mintz-ísem mintz-ísetzi mintz-íse.	flor-isk flor-ésti flor-easkь flor-ím flor-itzi flor-easkь flor-éste. flor-itzi. flor-i. flor-ind. flor-itoriu. flor-it.				
	Imprat. chant-a chant-átz.	vend-i vend-étz.	part-i part-étz.	flor-isc flor-étz. flor-ir. и т. д.	kánt-áí kánt-ási kánt-à kánt-úrám kánt-úrbitzi kánt-úrь. kánt-ásem kánt-áseși kánt-áse kánt-ásetzi kánt-áse.	vind-úí vind-uși vind-ù vind-úrám vind-úrbitzi vind-úrь. vind-úsem vind-úseși vind-úse vind-úsem vind-úsetzi vind-úse.	mintz-í mintz-írám mintz-írbitzi mintz-írь mintz-ísem mintz-íseși mintz-ísem mintz-ísetzi mintz-íse.	flor-isk flor-ésti flor-easkь flor-ím flor-itzi flor-easkь flor-éste. flor-itzi. flor-i. flor-ind. flor-itoriu. flor-it.				
	Inf. Ger. chant-ar. Part. praes. chant-ans. praet. chant-at. Ger. chant-an.	vénd-ans. vend-ut. vend-en.	part-ans. part-it. part-en.	flor-it. flor-en.	kánt-áí kánt-ási kánt-à kánt-úrám kánt-úrbitzi kánt-úrь. kánt-ásem kánt-áseși kánt-áse kánt-ásetzi kánt-áse.	vind-úí vind-uși vind-ù vind-úrám vind-úrbitzi vind-úrь. vind-úsem vind-úseși vind-úse vind-úsem vind-úsetzi vind-úse.	mintz-í mintz-írám mintz-írbitzi mintz-írь mintz-ísem mintz-íseși mintz-ísem mintz-ísetzi mintz-íse.	flor-isk flor-ésti flor-easkь flor-ím flor-itzi flor-easkь flor-éste. flor-itzi. flor-i. flor-ind. flor-itoriu. flor-it.				

Спряжение испанское.

Спряжение португальское.

	I.	II.	III.	I.	II.	III.			
I n d i c a t i v u s .	Praes.	cant-o cant-as cant-a cant-amos cant-ais cant-an. cant-aba cant-abas cant-aba cant-ábamos cant-ábais cant-aban.	vend-o vend-es vend-e vend-emos vend-eis vend-en. vend-ia vend-ias vend-ia vend-íamos vend-íais vend-ian.	part-o part-es part-e part-imos part-is part-en. part-ia и т. д. (какъ во II).	cant o cant-as cant-a cant-amos cant-ais cant-ão. cant-ava cant-avas cant-ava cant-avamos cant-avais cant-avao. cant-ei cant-asti cant-ou cant-amos cant-astes cant-arão. cant-arei cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arán.	vend-o vend-es vend-e vend-emos vend-eis vend-em. vend-ia vend-ias vend-ia vend-íamos vend-íais vend-íao. vend-i vend-esti vend-eo vend-emos vend-estes vend-éao. vend-erei vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erão.	part-o part-es part-e part-imos part-is part-em. part-ia и т. д. (какъ во II).		
	Imprf.	cant-é cant-aste cant-ó cant-amos cant-ásteis cant-aron. cant-aré cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arán	vend-í vend-iste vend-íó vend-imos vend-ísteis vend-ieron. vend-eré vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erán.	part-í и т. д.	cant-ei cant-asti cant-ou cant-amos cant-astes cant-arão. cant-arei cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arão.	vend-i vend-esti vend-eo vend-emos vend-estes vend-éao. vend-erei vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erão.	part-í и т. д.		
	Perf.	cant-é cant-aste cant-ó cant-amos cant-ásteis cant-aron. cant-aré cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arán	vend-í vend-iste vend-íó vend-imos vend-ísteis vend-ieron. vend-eré vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erán.	part-í и т. д.	cant-ei cant-asti cant-ou cant-amos cant-astes cant-arão. cant-arei cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arão.	vend-i vend-esti vend-eo vend-emos vend-estes vend-éao. vend-erei vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erão.	part-í и т. д.		
	Fut.	cant-é cant-aste cant-ó cant-amos cant-ásteis cant-aron. cant-aré cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arán	vend-í vend-iste vend-íó vend-imos vend-ísteis vend-ieron. vend-eré vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erán.	part-í и т. д.	cant-ei cant-asti cant-ou cant-amos cant-astes cant-arão. cant-arei cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arão.	vend-i vend-esti vend-eo vend-emos vend-estes vend-éao. vend-erei vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erão.	part-í и т. д.		
	C o n j u n c t i v u s .	Praes.	cant-e cant-es cant-e cant-emos cant-eis cant-en. cant-ase cant-ases cant-ase cant-ásemos cant-áseis cant-asen. cant-are cant-ares cant-are cant-áremos cant-áreis cant-aren.	vend-a vend-as vend-a vend-amos vend-ais vend-an. vend-iese vend-ieses vend-iese vend-ísemos vend-íseis vend-iesen. vend-iere vend-ieres vend-iere vend-iéremos vend-íreis vend-ieren.	part-a и т. д.	cant-e cant-es cant-e cant-emos cant-eis cant-em. cant-asse cant-asses cant-asse cant-ássemos cant-ásseis cant-assem. cant-ar cant-ares cant-ar cant-armos cant-ardes cant-arem.	vend-a vend-as vend-a vend-amos vend-ais vend-ão vend-esse vend-esses vend-esse vend-essemos vend-esseis vend-essem. vend-er vend-eres vend-er vend-ermos vend-erdes vend-erem.	part-a и т. д.	
		Imprf.	cant-é cant-aste cant-ó cant-amos cant-ásteis cant-aron. cant-aré cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arán	vend-í vend-iste vend-íó vend-imos vend-ísteis vend-ieron. vend-eré vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erán.	part-iese и т. д.	cant-ei cant-asti cant-ou cant-amos cant-astes cant-arão. cant-arei cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arão.	vend-i vend-esti vend-eo vend-emos vend-estes vend-éao. vend-erei vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erão.	part-isse part-isses part-isse part-íssemos part-ísseis part-íssem. part-ir part-ires part-ir part-irmos part-irdes part-irem.	
		Perf.	cant-é cant-aste cant-ó cant-amos cant-ásteis cant-aron. cant-aré cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arán	vend-í vend-iste vend-íó vend-imos vend-ísteis vend-ieron. vend-eré vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erán.	part-iese и т. д.	cant-ei cant-asti cant-ou cant-amos cant-astes cant-arão. cant-arei cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arão.	vend-i vend-esti vend-eo vend-emos vend-estes vend-éao. vend-erei vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erão.	part-isse part-isses part-isse part-íssemos part-ísseis part-íssem. part-ir part-ires part-ir part-irmos part-irdes part-irem.	
		Fut.	cant-é cant-aste cant-ó cant-amos cant-ásteis cant-aron. cant-aré cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arán	vend-í vend-iste vend-íó vend-imos vend-ísteis vend-ieron. vend-eré vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erán.	part-iese и т. д.	cant-ei cant-asti cant-ou cant-amos cant-astes cant-arão. cant-arei cant-arás cant-ará cant-aremos cant-areis cant-arão.	vend-i vend-esti vend-eo vend-emos vend-estes vend-éao. vend-erei vend-erás vend-erá vend-eremos vend-ereis vend-erão.	part-isse part-isses part-isse part-íssemos part-ísseis part-íssem. part-ir part-ires part-ir part-irmos part-irdes part-irem.	
		C o n d i t .	1.	cant-ara cant-aras cant-ara cant-áramos cant-árais cant-aran. cant-aria cant-arias cant-aria cant-áramos cant-árais cant-arian	vend-iera vend-ieras vend-iera vend-íramos vend-írais vend-ieran. vend-eria vend-erías vend-eria vend-éramos vend-érais vend-erian.	part-iera и т. д.	cant-ara cant-aras cant-ara cant-áramos cant-árais cant-arão. cant-aria cant-arias cant-aria cant-áramos cant-árais cant-ariao.	vend-era vend-eras vend-era vend-éramos vend-érais vend-erão. vend-eria vend-erías vend-eria vend-eríamos vend-eríais vend-eríao.	part-ira part-iras part-ira part-íramos part-ireis part-irao. part-iria part-irias part-iria part-iriamos part-iriais part-irião.
			2.	cant-ara cant-aras cant-ara cant-áramos cant-árais cant-aran. cant-aria cant-arias cant-aria cant-áramos cant-árais cant-arian	vend-iera vend-ieras vend-iera vend-íramos vend-írais vend-ieran. vend-eria vend-erías vend-eria vend-éramos vend-érais vend-erian.	part-iera и т. д.	cant-ara cant-aras cant-ara cant-áramos cant-árais cant-arão. cant-aria cant-arias cant-aria cant-áramos cant-árais cant-ariao.	vend-era vend-eras vend-era vend-éramos vend-érais vend-erão. vend-eria vend-erías vend-eria vend-eríamos vend-eríais vend-eríao.	part-ira part-iras part-ira part-íramos part-ireis part-irao. part-iria part-irias part-iria part-iriamos part-iriais part-irião.
			Imperat.	cant-a cant-ad.	vend-e vend-ed.	part-e part-id.	cant-a cant-ai.	vend-e vend-ei.	part-e part-i.
			Inf.	cant-ar.	vend-er.	part-ir.	cant-ar.	vend-er.	part-ir.
			Ger.	cant-ando.	vend-iendo.	part-iendo.	cant-ando.	vend-endo.	part-indo.
Part. praes.			(cant-ante).	(vend-iente).	(part-iente).	—	—	—	
» praet.			cant-ado.	vend-ido.	part-ido.	cant-ado.	vend-ido.	part-ido.	

Примѣчанія къ образцамъ.

1. О составѣ простыхъ формъ. Praesens, perfectum, imperfectum ind. сохранились вездѣ отъ латинской эпохи. Отъ тѣхъ-же временъ уцѣлѣлъ и praesens conj.—Imperfectum conj. формально есть латинскій плюсквамперфектъ того-же склоненія; испан. и порт. futurum conj. съ той-же стороны есть латинское futurum exactum ind.; исп., порт. и пров. conditionalis 1 (cantara; cantéра) съ морфологической стороны есть латинскій плюсквамперфектъ изъяв. накл. Такимъ образомъ, эти формы представляютъ замѣчательнѣйшее явленіе въ исторіи грамматическихъ функций флексивныхъ языковъ.—Новыя образования изъ числа простыхъ формъ: futurum conditionalis общій почти всѣмъ языкамъ (ит. canteria, порт. cantarei, исп. cantaria, пров. cantara; фр. chanterai) и въ ит. cond. 2 canterei. О происхожденіи этихъ новообразованій см. немного ниже примѣчанія.

Представляемъ здѣсь табличку простыхъ формъ пяти романскихъ языковъ сравнительно съ таковыми же формами латинскаго спряженія:

лат.	ит.	исп.	пров.	фр.	рум.
canto	canto	canto	chanti	chante	кѣнт
cantabam	cantava	cantaba	chantava	chantais	кѣнтѣм
cantavi	cantai	canté	chantei	chantai	кѣнтай
cantaram	—	cantara	chantéra	—	—
cantabo	—	—	—	—	—
cantaro	—	cantare	—	—	—
cantem	canti	cante	chante	chante	кѣнт
cantarem	—	—	—	—	—
cantarim	—	—	—	—	—
cantassem	cantassi	cantase	chantés	chantasse	кѣнтасем
canta	canta	canta	chanta	chante	кѣнтѣ
cantare	cantare	cantar	chantar	chanter	кѣнта
cantando	cantando	cantando	chantan	chantant	кѣнтѣнд
cantans	cantante	cantante	chantans	chantant	—
cantatus	cantato	cantado	chantat	chanté	кѣнтат
cantare	canteró	cantaré	chantarai	chanterai	—
habeo					

cantare	canteria	cantaria	ebantaria	chanterais	—
habebam					
cantare	cantarei	—	—	—	—
habui					

а) Futurum, соотвѣтствующее латинской перифразѣ *cantare habeo*, состоитъ въ романскихъ языкахъ изъ инфинитива спрягаемаго глагола и формы презенса вспом. глагола съ значеніемъ *habēre*: ит. *ho, hai, ha, abbiamo, avete, hanno*; исп. *he, has, ha, hemos, habeis, han*; порт. *hei, has, ha, havemos (hemos), haveis (heis), hão*; пров. *ai (ei), as, a, avem, avetz, an*; фр. *ai, as, a, avons, avez, ont*. Въ рум. эта форма осталась описательною, но вспом. глаголомъ является здѣсь „хочу“: *voiu cânta*.—б) формы *cond.*, которыя соотвѣтствуютъ латинской перифразѣ *cantare habebam*, состоятъ тоже изъ инфинитива и имперфекта *ind.* того-же всп. глагола. Напр. исп. порт. *cantaria* произошло изъ *cantare habia, cantar avia* и т. д. По своему составу эти формы должны бы были принадлежать т. о. къ формамъ *indicativi*; тутъ случился, значить, опять скачокъ въ исторіи значенія. Что касается самаго названія *conditionalis* (условное), то Дицъ говоритъ (II, 113 — 14), что оно всего менѣе подходитъ къ дѣйствительной функціи этихъ формъ, потому что онѣ выражаютъ „желаніе“ (*Wunsch*) и соотвѣтствуютъ латинской ф. *cantaturus essem*.—в) наконецъ, ит. *cantarei* произошло изъ описанія *cantare ebbi||cantare habui*. Также должна бы имѣть значеніе индикативное. *Cond. canteria* въ ит. употребляется лишь въ высокому слогѣ, у поэтовъ, и то лишь въ 1 и 3 *sing.* и 3 *plur.*

2) О дифтонгованіи и измѣненіяхъ корневого вокала. Дифтонгованіе—явленіе особенно распро-

странено въ испанскомъ, но встрѣчается въ итальянскомъ и др. Въ испанскомъ Дицъ насчитываетъ около 50 глаголовъ I спряженія, 10—II-го и 12—III спр., которые въ *praes. ind.*, *impr.* измѣняютъ корневое *e* въ *ie* въ тѣхъ лицахъ, гдѣ удареніе падаетъ на корень:

Ind. niego, niegas, niega, negámos, negáis, niegan.
Conj. niegue, niegues, niegue, neguemos, neguéis, nieguen.

Imprat. niega, negád.

Корневое *o* въ тѣхъ-же формахъ и при томъ-же условіи измѣняется въ *ue*: въ I спряженіи такихъ глаголовъ около 40, во II—12, въ III—2. Значитъ, дифтонгованіе въ испанскомъ есть явленіе послѣдовательное, составляющее результатъ въ полной силѣ дѣйствующаго фонетическаго закона. Не то мы видимъ въ другихъ романскихъ языкахъ. Не говоря о португальскомъ, въ которомъ дифтонгованія совсѣмъ нѣтъ (Дицъ I, 179; II, 178), въ провансальскомъ и французскомъ мы встрѣчаемъ это явленіе, какъ архаизмъ, среди лишь неправильныхъ глаголовъ, какъ напр. фр. *mourir: meurs, mourons, meurent; meure; mourrai; mort.*—*boire: bois, buvons, boivent; buvais; bus; bu.* Въ итальянскомъ дифтонгуютъ *e* въ *ie* два, а *u* въ *ou*—6 глаголовъ I спр. Въ рум. изрѣдка встрѣчается переходъ *u* въ *oa*: *doare* отъ *durea* (*dolere*), *doarme* отъ *dormi*, *poate* отъ *putea* (*posse*).

Другія измѣненія корневого вокала, вообще въ области романскаго спряженія, встрѣчаются несравненно рѣже, чѣмъ дифтонгованіе, и они еще менѣе способны смущать насъ насчетъ нарушенія принципа одноосновности. Изъ этихъ измѣненій особенно обращаетъ на себя вниманіе въ рум. ослабленіе *a* въ *ъ* (*praes. bag, inf. bǎgǎ*), *o* въ *u* (*port. purtà*); въ исп. чередованіе *e* съ *i* (*conj. praes. sienta,—as,—a, sintamos, sintais, sientan; imprf. sentria,—as,—a* и т. д. отъ *inf. sentir*) и ослабленіе *o* въ *u* (*prf. отъ dormir: dormí,—iste, durmió, dormimos, dormisteis, durmieron*). Эти измѣненія или вовсе не имѣютъ принципа или объясняются условіями чисто фонетическими.

Одно только явленіе въ романскомъ спряженіи стоитъ въ связи съ корневымъ и имѣетъ значеніе, по выраженію Дица, — „флективное“: это — аттракція (II, 180). Напр. въ порт. *saber* (*sapere*): *saibo*, *sabes*; *saiba*; *soube*; *cabido*; — *saber* (*sapere*): *sei*, *sabes*; *saiba*; *soube*; *sabido*. Срав. въ греч. *φαίνω*, *τείνω* и под. вм. **φανίω* **τενίω*. Но это явленіе въ романскомъ спряженіи встрѣчается очень рѣдко, составляя, такъ сказать, одну каплю въ ведрѣ воды.

Такимъ образомъ, какъ въ русс. языкѣ мы не можемъ признавать, по примѣру нѣмецкихъ грамматикъ, „сильнаго“ склоненія на томъ основаніи, что существуютъ водоизмѣненія корневого вокала въ родѣ: *весло*: *вёсла*, *метло* (а): *мётла*, *ведро*: *вёдра* и т. д., — или „сильнаго“ спряженія на основаніи *везу*: *вёзъ*, *гребу*: *грёбъ* и т. п., такъ точно и въ романскихъ языкахъ упомянутыя измѣненія корневого вокала еще не даютъ достаточно основаній для того, чтобы признать въ нихъ существованіе корневого спряженія въ смыслѣ санскритскаго, греческаго, латинскаго, нѣмецкаго и др. языковъ.

3. Объ описательныхъ формахъ. Сверхъ простыхъ формъ въ романскихъ системахъ есть много описательныхъ, выражающихъ особыя категоріи спряженія. Этотъ фактъ впрочемъ важенъ для исторіи симазіологіи индоевропейскаго глагола *).

*) Въ итал. обращаетъ на себя вниманіе флексія 1 plur. *praes ind.* — *iato*, заимствованная очевидно изъ *praes. conj.* Ср. въ лат. *audiamus*, *faciamus*. — Кроме того отмѣтимъ здѣсь, что между италіанскими діалектами есть такіе, въ которыхъ спряжений всего-на-всего два вмѣсто четырехъ: до такой степени далеко языкъ ушелъ по пути упрощенія глагольныхъ измѣненій! Дицъ II, 155. — Въ провансальскомъ, подобно итальянскому, есть двойкій *conditionalis*; въ образцахъ мы помѣстили только одинъ.

Системы новоэрансія, судя по тѣмъ, образцы которыхъ мы здѣсь прилагаемъ, принадлежать тоже къ типу одноосновныхъ; лишь среди неправильныхъ *) глаголовъ встрѣчаются въ нихъ остатки также и корневого спряженія.

Въ исторіи обособленія индоевропейскихъ языковъ эранская семья долгое время должна была жить въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ праязыкомъ словянъ—какъ въ Азіи, такъ, быть можетъ, и въ Европѣ. Уже въ силу этого одного обстоятельства эранскіе языки требуютъ, согласно теоріи Шмидта, особаго вниманія къ себѣ со стороны исследователя словянскихъ языковъ—на ряду съ западными сосѣдями языка словянскаго, языками нѣмецкими и литовскимъ. Къ величайшему сожалѣнію, дѣло ознакомленія съ новоэранскими языками подвигается впередъ чрезвычайно медленно **); особенно скудны свѣдѣнія статическія, которыя бы обрисовывали современный грамматическій обликъ этихъ языковъ болѣе или менѣе ясно, рельефно.

Что касается лично пишущаго эти строки, то онъ имѣетъ особья, такъ сказать—спеціальныя причины жаловаться на эту отсталость въ дѣлѣ изученія новоэранскихъ языковъ. Когда намъ пришлось заглянуть въ первую, попавшую намъ въ руки, новоэранскую грамматику, то тотчасъ же стало ясно, что новоэранскія системы спряженія изъ всѣхъ индо-

*) Читатель могъ замѣтить, что термину «неправильныя формы» мы вновь даемъ право гражданства въ грамматикѣ. Противъ этого термина возражаютъ лингвисты-историки, и они конечно правы съ своей точки зрѣнія. Но въ грамматикѣ не менѣе правъ имѣетъ и другая точка зрѣнія—статическая. А съ этой точки зрѣнія упомянутый терминъ для случаевъ, уклоняющихся отъ общей нормы, вполне подходитъ какъ наиболѣе выразительный и мѣткій, такъ какъ «неправильныя» формы во всякомъ случаѣ стоятъ въ противорѣчій съ тѣми законами языка, которые дѣйствуютъ въ данную, извѣстную эпоху. Обыкновенно неправильныя формы суть устарѣлыя явленія (архаизмы)—результатъ потерявшихъ силу законовъ; онѣ мало-по-малу исчезаютъ изъ языка, уступая свое мѣсто формамъ нормальнаго типа.

***) Срав. у Э. Диллена, стрн. 17: «Армянскіе этюды». Харьковъ, 1884.

европейскихъ, древнихъ и новыхъ, *всего ближе подходятъ къ системѣ славянской*. Уже это одно — фактъ большой важности, — тѣмъ больше, что онъ устанавливается, а дальше и разъясняется, въ первый разъ. Но если мы примемъ во вниманіе, что возникновеніе специфическихъ особенностей новоэранскихъ системъ — особенностей, очень родственныхъ съ видовыми особенностями системы старославянской, — восходитъ къ эпохѣ, граничащей со временемъ христіанской эры, то генетическая связь между нѣкоторыми отличительными чертами системъ новоэранскихъ и старославянской становится не только возможною, но и вѣроятной. Къ сожалѣнію, въ данномъ вопросѣ исторія отнимаетъ у лингвиста лишній шансъ для подтвержденія его гипотезы: исторія сама ищетъ помощи у лингвиста, чтобы рѣшить вопросъ, кто, т. е. какого племени народъ или народы, — сосѣдили съ славянами на востокѣ въ эпоху Рождества Христова.

Эранскіе языки дѣлятся на двѣ группы — сѣверную и южную (*Handbuch der Avestasprache. Grammatik, Chrestomathie und Glossar von W. Geigner etc. Erlangen, 1879*). Къ сѣверной группѣ относятся два нарѣчія Авесты: позднѣйшее, на которомъ написана большая часть этой книги (Вендидатъ, Веспередъ, половина Ясны и Яшга), и болѣе древнее, на которомъ написаны священные гимны, приложенные къ Яснѣ, и которое извѣстно подъ именемъ діалекта Gāthās. Оба эти нарѣчія употреблялись въ той части Персіи, гдѣ находятся города Реи, Гамаданъ, Испаганъ и др. Прежде думали, что языкомъ Авесты говорили въ Бактріи. — Южная группа языковъ Эрана распадается въ своей исторіи на три вѣтви: языкъ древнеперсидскихъ надписей эпохи Ахеменидовъ, отъ VI и до половины IV вѣка до Р. X. *); среднеперсидскій временъ ди

*) Языкъ древнеперсидскихъ надписей изъ всѣхъ эранскихъ самый древній. Оба діалекта Авесты значительно позднѣе его. Что касается шрифта, которымъ писаны древнѣйшія рукописи

настін Сасанидовъ *), приблизительно отъ 200 по Р. Х. и до 1000; новоперсидскій—начиная съ эпохи поэта Фирдуси около 1100 по Р. Х.

Это дѣленіе впрочемъ далеко неполно. Оно годилось тогда, когда свойства многихъ современныхъ языковъ Средней и Малой Азіи были не выяснены. Въ настоящее время, установлено, что къ эранской семьѣ относятся также языки: афганскій, курдскій, фригійскій, армянскій, осетинскій и нѣкоторые другіе. (Изъ нихъ принадлежность армянскаго къ эранской семьѣ и по сію пору впрочемъ еще является главнымъ тезисомъ изслѣдованій по армянскому языку **)).

Мы имѣли возможность изъ системъ новозранскихъ ознакомиться въ большей или меньшей степени съ спряженіемъ *новоперсидскимъ*, *курд-*

Авесты, то онъ позднѣе даже, чѣмъ шрифтъ одного изъ діалектовъ среднеперсидскихъ—«Гузвареша». Такъ какъ прежде думали, что языкъ Авесты необычайной древности и во всякомъ случаѣ самый древній изъ эранскихъ, то F. Spiegel во Введеніи къ своей сравнительной грамматикѣ обстоятельно останавливается на опроверженіи этого предположенія.

*) Среднеперсидскій дѣлится на два діалекта—болѣе древн. Гузварешъ и болѣе поздн. Парси. Гузварешъ, обыкновенно называемый Пехлеви, есть языкъ эпохи первыхъ Сасанидовъ, отличается массою семитскихъ примѣсей, именно арамейскаго языка, и, по догадкамъ Шпигеля, употреблялся въ провинціи Sevad, гдѣ находится Иракъ-аравійскій (Huzvaresch—Grammatik, von F. Spiegel). Парси—языкъ временъ послѣднихъ Сасанидовъ и составляетъ переходъ отъ Гузвареша къ новоперсидскому языку эпика Фирдуси; памятники языка Парси всѣ переведены съ памятниковъ, писанныхъ языкомъ Гузварешъ, и отличаются отъ послѣднихъ полнымъ устраненіемъ примѣсей семитскихъ. Парси иначе называютъ Пазендъ, что собственно есть названіе книги. Термину «Пехлеви» Шпигель даетъ особое значеніе; онъ вообще протестуетъ противъ употребленія этого названія въ смыслѣ «Гузварешъ».

**) Этой темѣ посвящены напр. упомянутые выше «Армянскіе этюды» Дпалена.

скимъ и осетинскимъ. Прежде чѣмъ приступить къ очерку системъ спряженія въ этихъ языкахъ, считаемъ нужнымъ ознакомить съ свойствами источниковъ, изъ которыхъ мы заимствовали свои свѣдѣнія.

1. Grammatica linguae persicae, cum dialectis antiquioribus persicis et lingua sanscrita comparatae. Scripsit Iohannes Augustus Vullers etc. Gissae, MDCCCLXX². Текстъ латинскій; персидскія слова передаются персидскимъ шрифтомъ. Последнее обстоятельство насъ чрезвычайно затрудняло, потому что нужно было сначала выучиться разбирать персидское письмо, чтобы извлечь изъ этой грамматики какую-нибудь пользу. Мы и выучились этому, пользуясь указаніями, содержащимися въ самой книгѣ, хотя нѣкоторыхъ словъ такъ и не могли разобрать. Впрочемъ самъ авторъ даетъ правила для произношенія персидскихъ словъ — искусственныя. „Haec praecepta“, говоритъ онъ, — „sufficiant cognoscendam Persarum pronuntiationem, quam tamen, nisi commercium habeas cum ipsis Persis et consuetudine quotidiana cum illis conjunctus sis, minime addisces. Nostrae vero institutiones quum non inserviant sermoni, qualis nunc est, Persarum addiscendo, sed cognatis dialectis comparatis ad severiora artis praecepta conscriptae sint, quo ad literarum potius persicarum monumenta aditus aperiatur, antiquiorem praetulimus pronuntiationem, qualem etiam praebent linguae cognatae, zendica et sanscrita, et dialecti antiquiores persicae“. § 27 p. 19. Этимъ только и можно себѣ объяснить, почему авторъ рѣшается давать совѣты напр. такого рода, что де известное сочетаніе знаковъ можно читать въ одномъ и томъ же мѣстѣ „какъ \bar{i} и \bar{e} “, другое — „какъ \bar{u} и \bar{o} “.

2. *Kurdische Grammatik* von Ferdinand Justi. Sprburg, 1880. Курдскій языкъ состоитъ изъ множества нарѣчій, потому что курды издавна не составляютъ сплошной массы населенія, а разбросаны поселками и гнѣздами среди другихъ народовъ — персовъ, армянъ, турокъ и др. Ядро курдскаго племени, живущаго главнымъ образомъ разбоемъ, находится въ горныхъ странахъ верхняго Евфрата и по лѣвому берегу Тигра. „Грамматика“ Юсти, судя по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя въ ней сообщаются о глаголѣ, въ сущности есть сборникъ различныхъ грамматическихъ свѣдѣній по курдскому языку. Она отличается отрывочностію, сбивчивостію и неопредѣленностію данныхъ, хотя конечно въ общемъ читатель увидитъ въ ней тотъ же самый порядокъ главъ, какой онъ привыкъ видѣть во всякой индоевропейской „грамматикѣ“ въ собственномъ смыслѣ. Трудъ Юсти, кромѣ его собственныхъ наблюденій, составленъ на основаніи данныхъ, собранныхъ гг. Гарцони (Garzoni), Реей (Rhea), Лерхомъ (Lerch), Ябой (Jaba), Сосеномъ (Socin), Ходзько, Березинымъ и др. А такъ какъ почти каждый изъ этихъ изслѣдователей имѣлъ дѣло съ какимъ-нибудь особымъ нарѣчіемъ, то Юсти объ одной и той же формѣ курдскаго „языка“ приводитъ часто весьма разнообразныя свѣдѣнія: не знаешь, какой видъ этой формы распространеннѣе, употребительнѣе; какой видъ какому говору или діалекту принадлежитъ... Этотъ эклектизмъ главнымъ образомъ и вноситъ въ трудъ Юсти ту сбивчивость и неопредѣленность, которая насъ такъ затрудняла. — Другой недостатокъ: грамматика Юсти — „строго научная“, т. е. говоря иначе, односторонняя (съ ошибками Шлейхера): на корень, основу, флексіи курдскихъ формъ авторъ смотритъ съ точки зрѣнія языковъ древнѣйшихъ (праязыка, санскрита, др.-эранскихъ) и, поста-

виль своей главнѣйшей задачей уяснить генезисъ формъ курдскаго языка, по обыкновенію историковъ-лингвистовъ забываетъ выяснить для себя и читателя сначала современное состояніе курдскаго языка съ достаточною полнотою и ясностью. Въ грамматикѣ Юсти мы не встрѣчаемъ даже образцовъ спряженія, за исключеніемъ кое-какихъ отрывковъ. Тѣ образцы, которые здѣсь прилагаются, составлены нами самими, за исключеніемъ спряженія глагола *kenim*, и представляютъ вѣроятно первый опытъ систематизаціи современныхъ измѣненій курдскаго глагола *).

3. „Осетинская грамматика съ краткимъ словаремъ осетинско-россійскимъ и россійско-

*) Въ таблицѣ образцовъ знакъ долготы мы въ большинствѣ случаевъ опускали вслѣдствіе неопредѣленности указаній изсѣдователей.—Далѣе мы ввели знакъ ̣ для обозначенія неопредѣленнаго звука, существующаго въ большинствѣ новоэранскихъ языковъ. Объ этомъ звукѣ Юсти говоритъ: «Обозначеніе неопредѣленнаго вокала чрезъ *i* по примѣру Лерха удержано, потому что звукъ *i* болѣе чѣмъ другіе гласные, приближается къ нему. Рея передаетъ его то чрезъ *ä*, то чрезъ *ü*, а Гарцони по большей части чрезъ запятую. Въ армянскомъ онъ приближается къ *e* и *n*, значить, можно бы было передавать его чрезъ *e*; въ афганскомъ—къ *a*, почему *Tghrrr* обозначаетъ его чрезъ *a*, въ осетинскомъ—къ *i* или *ü*, такъ что *Lepsius* тагаурское *γ* Шёгрена (*Sjögren*) выражаетъ чрезъ *i*». Р. 2. Дѣло очевидно идетъ о глухихъ звукахъ *z* и *z*, природа и свойства которыхъ такъ хорошо извѣстны всякому славянскому языковѣду. А. Шёгрень въ своей «Осетинской грамматикѣ» (см. далѣе въ текстѣ) еще лучше выясняетъ свойства глухого звука въ осетинскомъ, говоря: «Буквою *γ* я, послѣ долгихъ, въ разныя времена повторяемыхъ соображеній, рѣшился выразить самый бѣглый и темнѣйшій изъ всѣхъ Тагаурскихъ, уже и вообще весьма непостоянныхъ, гласныхъ звуковъ, показавшійся мнѣ сначала то бѣглымъ *e*, то *i*, то болѣе германскимъ *ö* и *ü*, то русскимъ *ы*, то чѣмъ-то среднимъ между послѣдними». Стр. 26. Вѣроятно, въ однихъ эранскихъ языкахъ есть глухой *z*, въ другихъ—*z*, а въ нѣкоторыхъ, быть можетъ,—тотъ и другой.

Спряжения курдскаго языка.

а) *Съ одную основой*

I. ке (f)-t-i-n конаты.

	Aor.	(Praes. Fut.)	Praes.	Fut.	Imprat.	Perf.	Plusq.	Imperf.
S.	1. az	kev im	дъ-kev im	въ-kev im	—	min ke-t, kef-t.	ke-tibu	az (min) ke-tim
	2. tu	kev i	дъ-kev-i	въ-kev-i	(въ) kev-e	te >	>	tu (te) ke-ti
	3. av	kev e	дъ-kev-e	въ-kev-e	—	vi >	>	av (vi) ke-te
P.	1. am	kev-in	дъ-kev-in	въ-kev-in	(въ) kev-in	me >	>	am (me) ke-tin
	2. ungho	kev in	дъ-kev-in	въ-kev in	>	ve >	>	ungho (ve) ke-tin
	3. wan	kev in	дъ-kev in	въ-kev in	>	vau >	>	wan (evan) ke-tin

II. ters-an бояться.

S.	1. az	ters-um	дъ-ters-um	въ-ters-um	—	min ters-ā	ters-ābu	az (min) ters-am
	2. tu	ters it	дъ-ters-it	въ-ters-it	(въ) ters (-e?)	te >	>	tu (te) ters-a
	3. av	ters it	дъ-ters it	въ-ters it	—	vi >	>	av (vi) ters-a
P.	1. am	ters-in	дъ-ters-in	въ-ters-in	(въ) ters-in	me >	>	am (me) ters-an
	2. ungho	ters-in	дъ-ters-in	въ-ters in	>	ve >	>	ungho (ve) ters-an
	3. wan	ters-in	дъ-ters-in	въ-ters in	>	van >	>	wan (evan) ters-an

III. ters-and-in устрашать.

S.	1. az	ters inum	дъ-ters-inum	въ-ters-inum	—	min ters and	ters andibu	az (min) ters-andim
	2. tu	ters-init	дъ-ters-init	въ-ters-init	(въ) ters-in(-e?)	te >	>	tu (te) ters-andit
	3. av	ters-init	дъ-ters init	въ-ters-init	—	vi >	>	av (vi) ters-andit
P.	1. am	ters-inin	дъ-ters-inin	въ-ters-inin	(въ) ters-inin	me >	>	am (me) ters-andin
	2. ungho	ters-inin	дъ-ters-inin	въ-ters-inin	>	ve >	>	ungho (ve) ters-andin
	3. wan	ters-inin	дъ-ters-inin	въ-ters-inin	>	van >	>	wan (van) ters-andin

IV) ken-i-n смѣяться.

S.	1. az	ken-im	дъ-ken im	въ-ken im	—	ken-ima	ken-ibum	ken-im
	2. tu	ken-i	дъ-ken-i	въ-ken i	(въ) ken-a	ken-i	ken-ibu	ken-īe
	3. av	ken-it	дъ-ken-it	въ-ken-it	—	ken-īya	ken-ibu	ken-ī
P.	1. am	ken-in	дъ-ken-in	въ-ken-in	(въ) ken in	ken-īna	ken-ibun	ken-īn
	2. hun	ken-in	дъ-ken in	въ-ken-in	>	ken-īna	ken-ibun	ken-īn
	3. wan	ken-in	дъ-ken in	въ-ken-in	>	ken-īna	ken-ibun	ken-īn

б) *Корневое.*

e-s-m-a-r-t-i-n мѣрять.

S.	1. az	esmer-um	d'esmer-um	b'esmer-um	—	min esmar-t	esmar-tibu	az esmar-tim
	2. tu	esmer-it	d'esmer-it	b'esmer-it	(b) esmer	te >	>	tu esmar-tit
	3. av	esmer-it	d'esmer-it	b'esmer-it	—	vi >	>	av esmar-tit
P.	1. am	esmer-in	d'esmer-in	b'esmer-in	(b) esmer in	me >	>	am esmar-tin
	2. ungho	esmer-in	d'esmer in	b'esmer in	>	ve >	>	ungho esmār-tin
	3. wan	esmer in	d'esmer-in	b'esmer in	>	wan >	>	wan esmar-tin

Спряжение языка осетинского.

а) Сь одною основой:

I. f ы s s - ы п и с а т ь .

Praes.-ind.	Conj.	Fut. I.	Fut. II.	Imprat. I.	Praet.-ind.	Conj.	Perf.-ind.	Conj.	Part. praes. fss-ag.
S. 1. fss-yn	fss-in	fss-on	fss-dzinen	—	fss-ton	fss-tajn	fädän.	fauin	fss-ag.
2. fss-ys	fss-is	fss-aj	fss-dzine	fss	fss-taj	fss-tajs	fädä.	fauis	fss-ag.
3. fss-čj	fss-id	fss-a	fss-dzeni	fss-äd	fss-ta	fss-tajd	fäcij.	fauid	fss-ag.
P. 1. fss-äm	fss-ikkam	fss-am	fss-dzstäm	fss-äm	fss-tam	fss-tajkkam	fstäm.	fauikkam	fss-ag.
2. fss-uth	fss-ikkath	fss-ath	fss-dzstuth	fss-uth	fss-tath	fss-tajkkath	festuth.	fauikkath	fss-ag.
3. fss-čnc.	fss-ikkoj.	fss-oj.	fss-dzstřj.	fss-čnth.	fss-toj.	fss-tajkkoj.	festřj.	fauikkoj.	fss-ag.

II. п ы т а - и п с и т а т ь .

S. 1.	п ы т а - и н	п ы т а - jn	п ы т а - jon	п ы т а - jdzinen	—	п ы т а - dtön	п ы т а - dtajn	fädän.	fauin
2.	п ы т а - и s	п ы т а - js	п ы т а - jaj	п ы т а - jdzine	п ы т а - j	п ы т а - dtaj	п ы т а - dtajs	fädä.	fauis
3.	п ы т а - j	п ы т а - jd	п ы т а - ja	п ы т а - jdzeni	п ы т а - jed	п ы т а - dta	п ы т а - dtajd	fäcij.	fauid
P. 1.	п ы т а - jem	п ы т а - jkkam	п ы т а - jam	п ы т а - jdzstäm	п ы т а - jem	п ы т а - dtam	п ы т а - dtajkkam	fstäm.	fauikkam
2.	п ы т а - juth	п ы т а - jkkath	п ы т а - jath	п ы т а - jdzstuth	п ы т а - juth	п ы т а - dtath	п ы т а - dtajkkath	festuth.	fauikkath
3.	п ы т а - čnc.	п ы т а - jkkoj.	п ы т а - joj	п ы т а - jdzstřj.	п ы т а - jenth.	п ы т а - dtöj.	п ы т а - dtajkkoj.	festřj.	fauikkoj.

б) К о р н е в о е :

с а у - п и д и (ц а у н).

S. 1.	с а у - п	с а у - in	с а у - on	с а у - dzinen	—	с ь - dtän	с ь - dajn	fädän.	fauin
2.	с а у - is	с а у - is	с а у - aj	с а у - dzine	с u	с ь - dtä	с ь - dajs	fädä.	fauis
3.	с а у - j	с а у - id	с а у - a	с а у - dzeni	с u - od	с ь - dij	с ь - dajd	fäcij.	fauid
P. 1.	с а у - om	с а у - ikkam	с а у - am	с а у - dzstäm	с u - om	с ь - dčstäm	с ь - dajkkam	fstäm.	fauikkam
2.	с а у - th	с а у - ikkath	с а у - ath	с а у - dzstuth	с u - th	с ь - dčstuth	с ь - dajkkath	festuth.	fauikkath
3.	с а у - ence.	с а у - ikkoj.	с а у - oj.	с а у - dzstřj.	с u - onth	с ь - dčstřj.	с ь - dajkkoj.	festřj.	fauikkoj.

№В. Вспомогат. глагол.

S. 1.	dän	ajn	uon	udzinen	—	udtän	udaju	fädän.	fauin
2.	dä	ajs	uaj	udzine	u	udtä	udajs	fädä.	fauis
3.	čj	ajd	na	udzeni	uod	udij	udajd	fäcij.	fauid
P. 1.	stäm	ajkkam	uom	udzstäm	uom	udčstäm	udajkkam	fstäm.	fauikkam
2.	stuth	ajkkath	uath	udzstuth	uath	udčstuth	udajkkath	festuth.	fauikkath
3.	střj.	ajkkoj.	uoj.	udzstřj.	onth.	udčstřj.	udajkkoj.	festřj.	fauikkoj.

Спряжение новоперсидского языка *).

	I.	II.	III.	I.	II.	III.	
Praes.	mē-purs-am mē-purs-ē mē-purs-ad mē-purs-ēm mē-purs-əd mē-purs-and.	mē-kan-am mē-kan-ē mē-kan-ad mē-kan-ēm mē-kan-əd mē-kan-and.	mē-kuš-am mē-kuš-ē mē-kuš-ad mē-kuš-ēm mē-kuš-əd mē-kuš-and.	1. mē-purs-ədēm 2. mē-purs-ədēd 3. mē-purs-ədand. Perf. am ē ast ēm əd and. Plusq. bōdam bōdē bōdad bōdēm bōdēd bōdand. Fut. I. kähām kähē kähād kähēm kähēd kähand. Fut. II. bāšām bāšē bāšād bāšēm bāšēd bāšand.	mē-kan-dēm mē-kan-dēd mē-kan-dand. kan-dandē. am ē ast ēm əd and. bōdam bōdē bōdad bōdēm bōdēd bōdand. kähām kähē kähād kähēm kähēd kähand. kan-dan, kan-d.	mē-kuš-ēm mē-kuš-tēd mē-kuš-tand. kuš-tandē. am ē ast ēm əd and. bōdam bōdē bōdad bōdēm bōdēd bōdand. kähām kähē kähād kähēm kähēd kähand. bāšām bāšē bāšād bāšēm bāšēd bāšand.	
Aor.	(bi) purs-am (bi) purs-ē (bi) purs-ad (bi) purs-ēm (bi) purs-əd (bi) purs-and.	(bi) kan-am (bi) kan-ē (bi) kan-ad (bi) kan-ēm (bi) kan-əd (bi) kan-and.	(bi) kuš-am (bi) kuš-ē (bi) kuš-ad (bi) kuš-ēm (bi) kuš-əd (bi) kuš-and.				
Praes.-fut.							
Imprat. s. 2.	purs.	kan.	kuš.				
Part. praet.	purs-ədag. Inf. purs-edan. Praet. (bih) purs-ədām » purs-ədə » purs-əd » purs-ədēm » purs-ədēd » purs-ədand	(bih) kan-dam » kan-dē » kan-d » kan-dēm » kan-dēd » kan-dand	(bih) kus-tam » kuš-tē » kuš-t » kuš-tēm » kuš-tēd » kuš-tand.				
Impf.	1. mē-purs-ədām, purs-ədame. 2. mē-purs-ədə. 3. mē-purs-əd, purs-ədə.	mē-kan-dam, kan-damē. mē-kan-dē. mē-kan-d.	mē-kuš-tam, kuš-tamē. mē-kuš-tē mē-kuš-t.				

* По Вуллеру везд, гдѣ е долгое, можно читать также долгое і, а гдѣ краткое а, можно читать еще е, тоже краткое.—2) Образца корневого спряжения не помѣщаемъ, хотя такое въ ипр. и существуетъ.—3) Part. praes. имѣть тую форму: purs-andah, purs-an, purs-a; kan-andah, kan-an, kan-a; kuš-andah, kuš-an, kuš-a.—4) Формы имперфекта, не имѣющія префикса me-, имѣютъ эту частицу въ концѣ, такъ что напр. purs-damē ⇐ purs-dam mē и т. д.

осетинскимъ А. Шёгрена^а, 1844. Спб. Этотъ трудъ по своему характеру противоположенъ „грамматикъ“ Юсти. Андрей Шёргенъ (Sjörgen) больше извѣстенъ, какъ знатокъ финскихъ языковъ; съ новой наукой объ индоевропейскихъ языкахъ и съ ея результатами, конечно, онъ въ 1844 году не могъ быть знакомъ настолько, чтобъ быть въ состояніи написать осетинскую грамматику на исторической индоевропейской почвѣ: единственная точка зрѣнія, для него доступная, была статическая. Кромѣ этой невольной односторонности „Осетинская грамматика“ страдаетъ тѣмъ, что авторъ иногда сходитъ съ почвы фактовъ, которыми вообще его трудъ очень небогатъ, и становится на почву теоріи—такъ называемой „логической“ грамматики. У него поэтому встрѣчаются выдуманныя времена въ спряженіи и выдуманныя формы для отдѣльныхъ глаголовъ *).

Общій недостатокъ всѣхъ упомянутыхъ источниковъ—тотъ, что авторы ихъ несловянскаго происхожденія и вовсе не дѣлаютъ сравненій формъ изслѣдуемаго ими языка съ формами старословянскими или вообще какого-нибудь языка словянскаго.

Послѣ этихъ замѣчаній, приступимъ къ самому очерку системъ спряженія въ новоперсидскомъ, курдскомъ и осетинскомъ языкахъ **).

При первомъ взглядѣ на образцы новоперсидскаго и курдскаго спряженія вамъ бросается въ глаза явленіе, котораго мы не видѣли ни въ одной изъ ранѣе обозрѣнныхъ индоевропейскихъ системъ спряженія: это, именно, какіе-то

^а) Въ осетинскомъ различаются два главныхъ нарѣчій: тагаурское и дигорское. Образцы, нами представленные, принадлежатъ первому. Дигорское нарѣчіе, повидному, сохраняетъ больше древнихъ чертъ.

**) См. таблицы курдскаго № 17, осетинскаго и новоперсидскаго спряженій №№ 18, 19.

своеобразныя наросты въ разныхъ формахъ спряженія. Больше всего они напоминаютъ старословянскія приставки; но принявъ во вниманіе, что эти наросты всегда одинаковы, что при этомъ одинъ изъ нихъ бываетъ всегда въ одной группѣ формъ, другой—въ другой, вы тотчасъ убѣждаетесь, что имѣете дѣло въ данномъ случаѣ съ совершенно оригинальнымъ приѣмомъ, употребляемымъ нѣкоторыми новозранскими языками для выраженія какой-то симазіологической категоріи спряженія. На этомъ выдающемся явленіи мы прежде всего и остановимся.

I. О происхожденіи наростовъ *mē-*, *bi-*, *d̄-*. Въ новоперсидскомъ двѣ частицы являются какъ бы сросшимися съ извѣстными глагольными формами: *mē-* и *bi-*. Обѣ эти частицы при тѣхъ-же самыхъ формахъ и въ томъ-же значеніи могутъ стоять и отдѣльно передъ глагольными формами, принимая впрочемъ болѣе полный видъ: *hamē* и *bih*.

Вопросъ о происхожденіи первой рѣшенъ вполнѣ удовлетворительно. Въ новоперсид. частица *hamē* употребляется также и въ видѣ нарѣчія съ значеніемъ „semper“. *Hamē* есть *hamatha* языковъ древнеэранскихъ. Шпигель въ своей сравнительной грамматикѣ, стрн. 490, говоритъ: „Длительное дѣйствіе въ древнеэранскихъ языкахъ выражается чрезъ прибавленіе *hamatha* „semper“ передъ формою презенса. Ясно, что мы здѣсь имѣемъ передъ собою начатки новоперсидскаго презенса, который всегда требуетъ подкрѣпленія черезъ *hamē*, чтобы отличаться отъ такъ-называемаго аориста. Въ этомъ приѣмѣ я не вижу никакого нововведенія. Я думаю, что онъ восходитъ къ арійской эпохѣ, такъ какъ *hamatha* близко родственно индійскому *sma*, которое въ *Brahmanas* употребляется совершенно въ такомъ-же смыслѣ передъ глаголомъ. Равнымъ образомъ, какъ въ санскр. при *rugā* „раньше, прежде“, такъ и въ Авестѣ при *raḡa*, *rauga* встрѣчаемъ *praesens* въ значеніи *praeteriti*“. Тутъ, кажется, ничто не можетъ вызывать сомнѣній.

Совсѣмъ не столь ясно происхожденіе другого новоперсидскаго нароста. Единственное серьезное мнѣніе, кото-

рое намъ извѣстно, не выдерживаетъ строгой критики. Именно, Вуллерсъ въ § 134, not. 1 говоритъ: „Конечно, весьма трудно навѣрное установить настоящее происхожденіе частицы *bih*; однако предположеніе, что эта частица происходитъ отъ зендскаго корня *bu*, который является образовательнымъ элементомъ въ нѣкоторыхъ формахъ другихъ родственныхъ языковъ, — слѣдуетъ признавать вѣроятнымъ. Такимъ образомъ частица *bi-*, *bih* выполняетъ роль персидскаго вспомогательнаго глагола *bōdan*“. Мы охотно бы согласились съ этимъ мнѣніемъ, еслибы знали хоть одинъ достовѣрный примѣръ подобнаго происхожденія частицъ, появляющихся въ нѣкоторыхъ индоевропейскихъ языкахъ передъ глагольными формами: въ словянскомъ наросты, принимающіе участіе въ дѣлѣ отправленія функцій глагольныхъ, — предлоги; въ нѣмецкомъ частица *ga-* или *ge-* тоже произошла изъ предлога; въ кельтскомъ, какъ увидимъ ниже, глагольные частицы, соотвѣтствующія новоэранскимъ, производятся изъ латинскихъ *pro* и *in*; наконецъ, въ самомъ новоперсидскомъ наростъ *mē-* есть лишь видоизмѣненіе нарѣчія. Корень *bu-* или *bhu-*, правда, появляется нерѣдко образовательнымъ элементомъ въ индоевропейскихъ системахъ, какъ напр. въ спряженіи латинскомъ и курдскомъ, но не въ качествѣ префикса, а суффикса. Вотъ почему намъ кажется, что и новоперсидскую частицу *bih* слѣдуетъ сближать съ какимъ-нибудь предлогомъ, нарѣчіемъ, а не съ глаголомъ.

Мнѣніе Юсти о томъ-же вопросѣ нельзя считать серьезнымъ—по крайней мѣрѣ въ той формѣ, въ какой оно имъ высказано: „Частица *be-* въ *Pārsi* произносится какъ *bi*, *bē*, въ Гилянскомъ нарѣчій *be* и есть древнебактрійская „*immer, stets*“. По-гомеровски это есть $\varphi\eta$, $\varphi\eta$, по-литовски *ba*“. Стр. 174. Если принять во вниманіе только то, что частица *bih* является органомъ преимущественно перфективной функціи, то мнѣніе Ф. Юсти сейчасъ-же станетъ неправдоподобнымъ. Чтобы читатель могъ лучше оцѣнить эту этимологию частицы, выписываемъ изъ словаря Фика (Vergl. Wörterbuch der Indogermana-

nischen Sprachen, von August Fick. Göttingen, 1874³. I—IV) слѣдующую справку: „bha Partikel, wie, gleichwie; allerdings: φή, φῆ wie bei Homer+lit. ba allerdings, ja wohl, ar-ba oder, in Fragen, bēt aber, sonder, bei und (eigentlich «wie»), preuss. ba, be und, beggi (d. i. be-gi) denn.—ksl. bo denn.—goth.—ba bildet Adverbia aus Adjectiven, arni-ba, glaggvu-ba u. s. w. Vrgl. zend. bā, bāt wahrlich, immer“. I, 686.

Примѣч. 1. Частица bi- мѣняетъ свой фонетическій видъ—какъ въ самомъ персидскомъ языкѣ, такъ и въ другихъ новоэранскихъ языкахъ и нарѣчіяхъ, сообразно фонетическому составу того слова, къ которому прибавляется. Такъ Вуллеръ говоритъ: „Частица bi-“... „часто съ глаголами какъ-бы сростается, и число такихъ глаголовъ персидскіе лексикографы представляютъ большое. При этомъ сложеніи префиксъ bi- произносится съ гласнымъ i, но часто также читается какъ ba- или bu- и въ нѣсколькихъ глаголахъ, въ однихъ и тѣхъ-же, употребляется два или три способа произношенія. Въмѣсто bi- встрѣчается pi- или pa-, и иногда въ одномъ и томъ-же глаголѣ эта частица является въ томъ и другомъ видѣ, какъ напр. bisudan и pisudan“. § 124 p. 90. Въ курдскомъ она произносится be, bi, bo, bu, такъ что этотъ неопредѣленный и измѣнчивый гласный мы обозначили чрезъ ъ. Въ нарѣчій Gileki она является при повелительномъ въ видѣ fa, fā, vā, ū; въ діалектѣ Tat—bu, въ мазандеранскомъ — be, ba. Есть остатки этой приставки и въ осетинскомъ, гдѣ она произносится ba, bā, bai, fā, fe. Срав. у Юсти стр. 173—4.

Прим. 2. Возвращаясь къ вопросу о происхожденіи занимающей насъ частицы, мы не можемъ съ своей стороны не указать на предлогъ-

приставку новоперс. языка *bah* (*in*) и *ba* (*cum*): тогда бы происхожденіе нароста *bi-* напоминало собою происхожденіе готскаго префикса *ga-*. Можно сближать *bih* съ нарѣчіемъ нпрс. *baz* или *paš deinde* || словянск. *по*, литовск. *paskui*, санскр. *paśca*, *paścāt*, латин. *pos-t*. Тогда бы напр. нпрс. *futurum bi-pursam* собственно означало бы: „я спрашиваю потомъ, послѣ“, т. е. буду спрашивать, спрошу. Но мы не знаемъ, насколько возможно такое производство съ точки зрѣнія фонетическихъ законовъ эранскихъ языковъ.

Неясно и происхожденіе курдской частицы *дѣ-* (которой произношеніе бываетъ столь же различно, какъ и частицы *вѣ-*: *de*, *di*, *du*, *do*, *da*, *d*, *te*, *t* и т. п.). По словамъ Юсти, *Trumpp* въ этой частицѣ склоненъ видѣть *impertivus* отъ глагола съ значеніемъ „дать, давать“; но самъ авторъ курдской грамматики охотнѣе признаетъ въ этомъ *дѣ-* „отпрыскъ мѣстоименнаго корня *da*, который въ афганскомъ произвелъ два указательныхъ мѣстоименія и приставку *de* (*in*)“. — Кромѣ *дѣ-*, появляющагося въ презенсѣ, различаютъ другое *дѣ-*, которое участвуетъ въ образованіи будущаго. Эту послѣднюю приставку „можно производить“, говоритъ Юсти, — „отъ глагола *t'vem* (по Гарцони) или *de-ven* (по Березину) = хотѣть, желать“. Въ восточно-курдскомъ нарѣчій, по свидѣтельству Березина, при помощи 3 *sing.* этого глагола образуется будущее слѣдующимъ образомъ: *min devet zānem* я буду знать, *tu devet zānit* ты будешь знать, *au devet zānit* онъ будетъ знать, *am devet zānim* мы будемъ знать и т. д. Дѣйствительно, подобный приѣмъ напоминаетъ словянское будущее съ *хощѣ*, *хочу*; но мы знаемъ, что этотъ вспомогательный глаголѣ, снизойдя на степень словообразовательнаго элемента, ни въ одномъ словянскомъ языкѣ не является въ качествѣ префикса, а только суффикса (=флекси). Склоняясь къ мнѣнію Юсти относительно происхожденія *дѣ-*, образующаго презенсѣ, мы съ своей стороны рѣшительно не видимъ достаточнаго основанія двоить этимологию этой частицы, принимая во вниманіе одно лишь значеніе: мы знаемъ, что

въ исторіи индоевропейскихъ языковъ нѣкоторыя морфемы и формы мало-по-малу доходили до значеній, противоположныхъ ихъ значенію исконному. А въ данномъ случаѣ, кромѣ того, можетъ быть и другой выходъ, о чемъ см. ниже.

О значеніи глагольныхъ наростовъ. Какъ ясно и не подлежитъ сомнѣнію происхождение новоперсидскаго префикса *me-*, въ такой же степени ясно и определенно его значеніе: *me* или *hame* есть органъ имперфективной или длительной функціи. Будучи прибавлена къ т. н. аористу, эта частица сообщаетъ ему значеніе презенса, *praeteritum absolutum* обращаетъ въ *imperfectum*; нужно думать, что соотвѣтственнымъ образомъ измѣняетъ она и значеніе повелительнаго наклоненія, хотя Вуллерсъ и говоритъ о ней, что «*imperativo autem si adjungitur, significationem vix immutat et plerumque expletiva esse videtur*». § 135. Несомнѣнно, что длительное значеніе *imperativi* при частичкѣ *me-* дѣлается гораздо болѣе определеннымъ, чѣмъ безъ нея; та-же самая форма при другой частичкѣ (*bi-*), вѣроятно, выражаетъ перфективную функцію.

Что касается префикса *bi-* или *bih*, то судя по парадигмамъ Вуллера, онъ можетъ участвовать въ формахъ *futuri simplicis* (образующагося изъ т. н. аориста), *imperativi*, *praeteriti absoluti*, *futuri*, образующагося при помощи вспомогат. глагола *kāham* (*bih kāham pursēdan*)*), *perfecti* (*pursēdag am* или *bih pursēdag am*) и *participii praeteriti* (*pursēdag vel bipursēdag*). Такимъ образомъ, мы видимъ частичку эту всё въ такихъ случаяхъ, гдѣ можно ожидать ее въ качествѣ органа перфективной функціи. То-же представленіе о значеніи этого префикса выносится при взглядѣ на образцы курдскаго спряженія, а равно и тогда, когда читаешь слѣдующія строки у Юсти: „Эранскіе языки не всегда согласны въ употребленіи частицы *be*. Она является въ императивѣ въ нарѣчійхъ *Tat*, *Talisch*, *Gileki*, *Mazanderanisch*; впрочемъ въ *Talisch* является и *de*, въ *Gileki*—*fa*, *fā*, *vā*, *dā*, *ū*

*) Вуллерсъ это *futurum* почему-то называетъ «*simplex*».

(Berezin, p. 69). Далѣе, передъ формою perfecti: въ Tat—bu, въ Gileki—be, vā, da, въ Maz.—be, ba. Передъ futurum: въ Tat—ba, въ Talisch—ba, въ Gileki—be, въ Maz.—ba, da». p. 174. Удивляешься, въ чемъ же тутъ несогласіе?... *) Такимъ образомъ, повидимому нѣтъ достаточныхъ причинъ, которыя бы мѣшали частицу bih или префиксъ bi-, be признавать органомъ функціи перфективной.

См. подстрочное примѣчаніе, гдѣ указывается на фактъ употребленія частицы bъ- въ нарѣчій Пъшту при имперфектѣ. Но пока этотъ фактъ не будетъ поставленъ внѣ всякаго сомнѣнія, пока онъ не будетъ раскрытъ съ надлежащею полнотою въ примѣрахъ, до того времени можно и не придавать большого значенія простому указанію на него.

Курдская частица dъ-, повидимому, вполне соотвѣтствуетъ новоперсидской те-. 1) Ея мѣсто въ презенсѣ. Гарцони говоритъ, что эта частица не бываетъ во временахъ прошедшихъ; Юсти хотя и стремится опровергнуть вѣрность этого замѣчанія, но неубѣдительно—по крайней мѣрѣ для насъ. Вообще нужно сказать, что г. Юсти, какъ иноземецъ, не одаренный природнымъ чутьемъ улавливать видовыя тонкости и видимо не имѣющій правильнаго представленія о видахъ,—большой мастеръ запутывать вопросы, касающіеся такъ или иначе видовыхъ функцій... 2) Что касается того факта, что dъ- участвуетъ, по наблюденіямъ Реи, Ябы и др., въ образованіи формы futuri, то еще вопросъ: не есть ли это futurum durativum vel imperfectivum и не изобре-

*) Судя по этому выводу, который дѣлаетъ Юсти, т. е. что «эранскіе языки не всегда согласны».. можно думать, что Юсти, какъ человѣкъ несловянскаго происхожденія, полагаетъ, что перфективную функцію языки могутъ различать только въ прошедшихъ временахъ.... Но вотъ дѣйствительно несогласно съ значеніемъ органа перфективной функціи, когда онъ, по словамъ Трумпа, присутствуетъ при формѣ имперфекта въ нарѣчій Пъшту. Вулл. § 134, not. 1.

но ли оно языкомъ въ pendant формѣ futuri prfv. съ вѣ-? Мы вообще не доверяемъ въ данномъ случаѣ изслѣдователямъ происхожденія нѣмецкаго, французскаго, итальянскаго и т. п. и полагаемъ, что вполне сможетъ одолѣть вопросъ о видахъ въ спряженіи языковъ новоэранскихъ—или словянинъ или природный персь, курдъ, вооруженный при этомъ знаніемъ сравнительной индоевропейской грамматики.—3) Третье мѣсто, гдѣ является дѣ-, есть императивъ. Подобно новоперсидской приставкѣ me-, она вѣроятно сообщаетъ этой формѣ вполне опредѣленное длительное значеніе въ противовѣсъ императиву съ частицею вѣ-.

Судя по образцамъ, осетинское спряженіе вовсе не знаетъ префиксовъ, которымъ бы этотъ языкъ навязалъ отправлять какую-нибудь глагольную функцію. Но это было бы не совсѣмъ вѣрное сужденіе. Дѣло въ томъ, что вспомогательный глаголъ въ 1 и 2 sing praes вполне ясно сохранилъ въ себѣ частицу дѣ—(dä-n, dä), а perfectum ego отличается отъ praesentis только тѣмъ, что имѣетъ приставку fä, fe: fä-dän, fä-dä и т. д. Это fä—есть видоизмѣненіе be. Чрезвычайно интересно знать: когда осетинскій глаголъ замѣнилъ очевидно когда-то существовавшій въ немъ приѣмъ курдскаго и персидскаго спряженія настоящимъ способомъ образованія перфективныхъ и имперфективныхъ формъ?

II. Теперь перейдемъ къ другой характерной чертѣ новоэранскихъ системъ. Объ этой особенностяхи Ф. Юсти говоритъ слѣдующее: „Тема въ курдскомъ спряженіи, какъ и во всѣхъ индогерманскихъ языкахъ,—двойкая, смотря по тому, какое дѣйствіе представляется: оконченное или еще развивающееся. Но различіе темы praesentis, органа неоконченнаго дѣйствія, отъ темы формъ другихъ частныхъ временъ не основывается уже на томъ, что вокализмъ ея усиливается въ одномъ случаѣ (въ презенсѣ), тогда какъ въ другомъ корень является въ чистомъ или слабомъ видѣ, какъ это бываетъ напр. въ древнеэранскомъ. Новоэранскіе языки образовали своеобразную систему. Уже въ Пехлеви, древнѣйшемъ представителѣ новоэранскихъ языковъ, проведена эта система, которая состоитъ именно въ

томъ, что въ основаніи формъ частныхъ (*generellen*) лежитъ *participium praet. medii (sive passivi)*, тогда какъ въ аористѣ, презенсѣ, императивѣ сохраняется древняя тема *praesentis*“, р. 185—6.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы всмотримся въ формы напр. новоперсидскаго спряженія, какъ онѣ приведены въ образцахъ, то скоро замѣтимъ, что по составу своихъ флексій формы эти всѣ распадаются на двѣ группы: у одной флексіи будутъ простыя, у другой сложныя. Чтобы убѣдиться въ томъ, возьмемъ для сравненія

	aor.	и	praet. absol.
1.	purs-am		purs-ēd+am
2.	purs-ē		purs-ēd+ē
3.	purs-ad		purs-ēd (+d)
1.	purs-ēm		purs-ēd+ēm
2.	purs-ēd		purs-ēd+ēd
3.	purs-and		purs-ēd+and.

И эта черта присуща въ такой-же степени новоперсидскому, въ какой осетинскому и курдскому языку. Очевидно, что всѣ формы прошедшаго времени дѣйствительно имѣли и отчасти, можно сказать, имѣютъ свою особую основу, отъ которой произошли,—форму *part. praet.*, въ противоположность императиву, аористу, презенсу, которые прямо производились и производятся отъ основы общеглагольной.

Послѣ этого намъ могутъ спросить, по какому праву мы отнесли новоэранскія системы къ типу одноосновныхъ. --Очень просто: *participium praet.* само производится отъ той-же общеглагольной основы, которая у глаголовъ правильныхъ не мѣняетъ своего вокализма въ цѣломъ спряженіи; а тѣ глаголы, у которыхъ корневой вокаль измѣняется въ формѣ *part. praet.*, усиливаясь или ослабляясь, очевидно относятся къ спряженію корневому. Это первое. --Второе основаніе: намъ кажется, что суффиксъ причастія во многихъ случаяхъ такъ крѣпко сросся съ первичными флек-

сіями, что составляетъ вмѣстѣ съ ними одно цѣлое нераздѣльное, какъ напр. въ курдскомъ 2-мъ спряженіи. Чутье народа едва-ли сознавало причастную тему даже тамъ, гдѣ составъ формъ очень повидимому ясенъ. По крайней мѣрѣ персидскіе грамматики не видѣли участія причастной темы въ образованіи формъ прошедшаго времени. Вуллерсъ, который руководствовался при составленіи своего труда указаніями персидскихъ ученыхъ, составилъ себѣ совѣтъ иное представленіе о производствѣ формъ персидскаго спряженія, чѣмъ то, которое даетъ своимъ читателямъ Юсти и котораго дѣйствительно требуетъ исторія этихъ формъ. Въ главѣ „*Temporum et modorum formatio*» Вуллерсъ говоритъ: „*Quum verbi persici tempora aut ab imperativo terminatione destituto tanquam a verbi radice aut ab infinitivo formentur, in disponendis temporibus et modis, derivatione maxime ratione habita, tempora modo, a quo unumquoque ducitur, semper subjuncta sunt, quo facilius totius verbi persici formationis conspectus exhibeatur*». — «*Primum igitur locum occupat imperativus terminatione destitutus, a quo tanquam a verbi radice formantur imperativi forma optativa *)*, aoristus, praesens et participium praesentis; deinde sequitur infinitivus, a quo, praeter participium praeteriti, originem trahunt praeteritum absolutum, praeteritum continuum sive imperfectum, praeteritum conditionale et optativum*), perfectum*), plusquamperfectum, futurum simplex et futurum exactum». § 138. Согласно съ этимъ общимъ представленіемъ преподаются и частныя правила образованія формъ. Такъ напр.: „*Infinitivus verbi regularis formatur addito radici suffixo*

*) Въ нашихъ образцахъ опущены.

-tan vel-dan». — «Participium praeteriti formatur infinitivi terminatione-tan vel-dan cum suffixo-tag vel-dag permutata: e. g. kan-dag, kuš-tag» и т. д. Приходится лишь удивляться, зачѣмъ Вуллерсу понадобилось это раздѣленіе формъ правильнаго спряженія, съ точки зрѣнія способа образованія ихъ, на двѣ группы. Вѣдь въ правильномъ спряженіи infinitivus terminatione destitutus тоже содержитъ въ себѣ чистый корень, какъ и imperativus terminatione destitutus! Не лучше-ль было бы всѣ формы производить прямо отъ корня? Секретъ этотъ очевидно объяснить могутъ только глаголы корневые или „неправильные“, у которыхъ корень нерѣдко бываетъ одного вида въ инфинитивѣ и другого въ императивѣ. Для насъ впрочемъ несравненно важнѣе, говоримъ, тотъ фактъ, что ни Вуллерсъ, ни повидимому сами ученые персы, трудами которыхъ Вуллерсъ пользовался, не чуютъ того значенія основы participii praeteriti, которое она несомнѣнно имѣла въ исторіи образованія формъ прошедшаго времени, и считаютъ, согласно съ нашимъ представленіемъ, причастный суффиксъ *d* или *t* входящимъ въ составъ глагольныхъ флексій“.

III. Сравненіе новоэранскихъ видовыхъ системъ съ словянскою. Мы имѣемъ по крайней мѣрѣ 80 шансовъ изъ 100 уже теперь утверждать, что новоэранскіе языки владѣютъ видовыми системами въ своемъ спряженіи, что формы ихъ спряженія распадаются на перфективныя и имперфективныя и что, наконецъ, перфективность и имперфективность, входя въ извѣстное соотношеніе съ функціями временными—подобно тому, какъ въ славянскихъ языкахъ,—имѣютъ особые органы выраженія. Юсти, какъ мы видѣли, прямо высказываетъ общее положеніе, что категоріи оконченнаго и неоконченнаго дѣйствія были причиною распадѣнія на двѣ группы формъ новоэранскихъ системъ, со временъ Пехлеви (Гузвареша), Вуллерсъ высказы-

ваетъ такое-же положеніе въ отношеніи къ спряженію новоперсидскому: „Tria omnino sunt tempora, in quae actio cadat necesse est: praesens, perfectum et futurum. Quum autem actio aut imperfecta aut perfecta esse possit, e mutua actionis cum temporibus relatione octo oriuntur tempora, quorum quatuor—Aoristus, qui et praesentis et futuri significationem obtinet, Praesens, Praeteritum continuum sive Imperfectum, Futurum simplex,—ad actionem imperfectam et quatuor reliqua—Praeteritum absolubum, Perfectum, Plusquamperfectum, Futurum exactum—ad actionem perfectam referuntur. Conditionalis vel Optativus unius tantum est temporis“. § 132. Наконецъ и Шёгрень подобнымъ же образомъ раздѣляетъ въ свою очередь формы спряженія осетинскаго. Маленькая бѣда только въ томъ, что эти общія положенія всѣ эти авторы оставляютъ втуне, лишь только переходятъ къ дальнѣйшему разсмотрѣнію системъ и не возвращаются къ нимъ даже тогда, когда имѣютъ дѣло съ фактами, повидимому, противорѣчащими. Мы уже имѣли случай убѣдиться въ этомъ *). Принявъ эти общія положенія г.г. Юсти, Шёгрена и Вуллера за соотвѣтствующія приблизительно дѣйствительности, сравнимъ новоэранскую видовую систему съ словянскою.

Мы знаемъ, что въ словянскомъ существуетъ три типа спряженія: съ одною основой, аугментовое-двуосновное и двуосновное въ тѣсномъ смыслѣ. Спрашивается: къ какому изъ нихъ ближе всего подходитъ спряженіе новоэранское? Новоперсидское и курдское спряженіе, очевидно, ближе всего подходятъ къ славянскому аугментовому спряженію. Вся разница заключается въ томъ, что славянское спряженіе съ наращеніемъ подвинулось на одинъ шагъ впередъ, и этотъ

*) Прошу читателя припомнить напр. мнѣніе Юсти о происхожденіи частицы *bi*—Требуется разъясненія еще одно обстоятельство: если въ курдскомъ (а также и въ осетинскомъ) всѣ формы, происходящія отъ темы *participiī praeteriti*, выражаютъ перфективную функцію, то какія формы тамъ отправляютъ категорію *imperfecti*?

шагъ сдѣлалъ его изъ спряженія типа одноосновнаго—двуосновнымъ: курдскій и новоперсидскій языкъ, поручивъ приставкамъ отправлять видовыя функціи, избрали для этой цѣли только извѣстные префиксы—одинъ для выраженія перфективности и одинъ для выраженія имперфективности. Славянское аугментовое спряженіе давно уже пережило этотъ періодъ и не можетъ считаться одноосновнымъ: въ этомъ спряженіи, кажется, всякая а приставка, за исключеніемъ отрицательныхъ *не* и *безъ*—, можетъ быть въ качествѣ аугмента; при чемъ, если приставка имѣетъ свое конкретное значеніе, то оно парализуется, такъ сказать, таковымъ же значеніемъ глагольной основы, такъ что на долю всякой аугментовой приставки падаетъ въ концѣ-концовъ выраженіе лишь видовой, и именно перфективной, функціи. Что касается осетинскаго спряженія, которое когда-то владѣло пріемомъ языка курдскаго въ дѣлѣ образованія перфективныхъ и имперфективныхъ формъ, то оно въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, сравнительно съ курдскимъ и новоперсидскимъ, сдѣлало шагъ назадъ отъ того пути, по которому шло развитіе между прочимъ и словянскаго аугментоваго спряженія. Въ осетинскомъ глаголѣ перфективныя и имперфективныя функціи выражаются, какъ и въ словянскомъ спряженіи съ одною основой,—лишь глагольными флексіями. Этотъ понятный шагъ въ исторіи осетинскаго глагола самъ собою напоминаетъ таковыя-же явленія въ исторіи глагола нѣмецкаго, гдѣ раньше частица *ga*—или *ge*—могла участвовать въ нѣсколькихъ перфективныхъ формахъ, а потомъ осталась, какъ-бы окаменѣвъ, только въ *part. praet.*, да и то далеко не во всѣхъ современныхъ языкахъ.

Въ новоэранскихъ языкахъ, какъ такихъ, которые обладаютъ системами одноосновными, не можетъ быть дѣленія „глаголовъ“ на перфективныя и имперфективныя, какъ въ словянскомъ. Неопредѣленное наклоненіе тамъ вездѣ безцвѣтно въ видовомъ отношеніи; таковъ же аористъ безъ префикса и императивъ. Но уже одно то обстоятельство, что новоэранскіе языки владѣютъ видовыми категоріями и особыми органами для выраженія ихъ,—будь этимъ

органомъ просто тема или префиксъ, все равно, — одно это обстоятельство, говоримъ мы, выдѣляетъ системы спряженія этихъ языковъ изъ числа прочихъ индоевропейскихъ системъ и приближаетъ ихъ къ словянскому глаголу. Этотъ послѣдній, безъ всякаго сомнѣнія, когда-то былъ въ подобномъ-же положеніи, въ какомъ находится теперь новоэранскій глаголъ, мало, какъ оказывается, измѣнившійся со временъ Рождества Христова (Пехлеви или Гувварешъ, какъ говоритъ Юсти, имѣетъ спряженіе новоэранскаго типа).

Здѣсь мы должны отмѣтить еще одну весьма характерную частность, сближающую новоэранское спряженіе съ старословянскимъ. Такъ называемый „аористъ“, который безъ приставки выражаетъ то будущее, то настоящее время, есть форма въ сущности настоящаго времени — аrioевропейскій *praesens*, а названъ онъ аористомъ потому, что безъ приставки его значеніе „неопредѣленно“, отгадывается по контексту рѣчи. Въ такомъ случаѣ этотъ новоэранскій „аористъ“ не составляетъ принадлежность однихъ новоэранскихъ языковъ: эту форму мы находимъ въ большемъ еще употребленіи въ старословянскомъ языкѣ и какъ-разъ то съ значеніемъ будущаго времени, то настоящаго. Въ старословянскомъ этотъ „аористъ“ существуетъ именно въ спряженіи съ одною основой, и мы обстоятельно раскрыли его свойства на своемъ мѣстѣ, когда еще, какъ говорится, — „ни слухомъ, ни духомъ“ не знали, не вѣдали о существованіи точь-въ-точь такого-же явленія въ новоэранскихъ языкахъ *).

*) Осетинскій новоэранскаго аориста не имѣетъ. Но его спряженіе представляетъ одно любопытнѣйшее явленіе со стороны синтазіологической. Тѣ самыя категоріи опредѣленности и неопредѣленности дѣйствія, которыя отличаютъ напр. греческій или старосл. перфектъ и аористъ, въ осетинскомъ языкѣ проникли не только въ формы прошедшаго времени, но еще будущаго и имперфектива. Вотъ чѣмъ объясняется, если вѣрить Шёгрёну, тотъ фактъ, что осетинское спряженіе имѣетъ четыре формы для будущаго времени: двѣ для *futuri perfectivi* и двѣ для *fut. imperfectivi*. Императивъ, имѣющій двѣ формы, не различаетъ видовъ, но только упомянутыя категоріи.

Есть въ новоэранскихъ языкахъ и такіе глаголы, которые, не принимая нароста, въ формѣ аориста отправляютъ постоянно функцію будущаго. Изъ курдскаго Юсти, ссылаясь на Ябу, приводитъ слѣдующіе:

F u t.		Praes.		F u t.		Praes.	
herim	пойду	diherim		revim	полечу	direvim	
kevim	паду	dikevim		širim	погребу	diširim	
kim	сдѣлаю	dikim		malim	очищу	dimalim	
ra-zim	засну	ra-di-zim		myrim	умру	dimyrim	

р. 173—4.

Эти глаголы Шлейхеръ и раздѣляющіе его взглядъ на исторію видовъ, какъ напр. Мартенсъ и др., назвали бы „перфективными по природѣ“.

Примѣч. Если глаголъ съ приставкой, то видовая частица занимаетъ мѣсто обыкновенно между приставкой и основой глагола, т. е. приставка съ конкретнымъ значеніемъ стоитъ въ началѣ, передъ видовой: срав. ra-zim || ra-di-zim. Это напоминаетъ намъ такого рода формы изъ старословянскаго, какъ про-ко-с-тѣжи, съ-по-жикъ и т. п. Супр.-првл.

Со стороны морфологіи, наконецъ, новоэранскія системы представляютъ еще одно не менѣ замѣчательное сходство съ старословянскою: ихъ перфективная основа произошла путемъ *обратной* абсорпціи, поглотивъ въ себя суффиксъ participii praeteriti, подобно тому какъ и стрсл. дополнительные основы произошли отъ имперфекта путемъ той же самой абсорпціи. Прежде чѣмъ причастный суффиксъ отошелъ въ составъ глагольныхъ флексій, онъ вѣроятно долго (отчасти, можетъ быть, и доселѣ)—сознавался ясно принадлежащимъ къ темѣ, такъ что новоэранскія системы всѣ безъ исключенія пережили періодъ двусловнаго состоянія.

В. Добровскій.

Безъ въ новопечатныхъ изданіяхъ и такія глаголы, ко-
торые не имѣли мѣста въ древнихъ славянскихъ рукописяхъ,
составили бы часть языка, который не имѣлъ бы
никакого отношенія къ славянскому языку.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ въ рукописяхъ
встрѣчаются глаголы, которые не имѣютъ
никакого отношенія къ славянскому языку,
они принадлежатъ къ другимъ языкамъ,
и потому не могутъ считаться за славянскіе.
Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ въ рукописяхъ
встрѣчаются глаголы, которые не имѣютъ
никакого отношенія къ славянскому языку,
они принадлежатъ къ другимъ языкамъ,
и потому не могутъ считаться за славянскіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ въ рукописяхъ
встрѣчаются глаголы, которые не имѣютъ
никакого отношенія къ славянскому языку,
они принадлежатъ къ другимъ языкамъ,
и потому не могутъ считаться за славянскіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ въ рукописяхъ
встрѣчаются глаголы, которые не имѣютъ
никакого отношенія къ славянскому языку,
они принадлежатъ къ другимъ языкамъ,
и потому не могутъ считаться за славянскіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ въ рукописяхъ
встрѣчаются глаголы, которые не имѣютъ
никакого отношенія къ славянскому языку,
они принадлежатъ къ другимъ языкамъ,
и потому не могутъ считаться за славянскіе.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, гдѣ въ рукописяхъ
встрѣчаются глаголы, которые не имѣютъ
никакого отношенія къ славянскому языку,
они принадлежатъ къ другимъ языкамъ,
и потому не могутъ считаться за славянскіе.

ОПЫТЪ ОБЪЯСНЕНІЯ ЗВУКОВЫХЪ ИЗМѢНЕНІЙ РЪЧИ ИЗМѢНЕНІЕМЪ РАБОТЫ ОРГАНОВЪ.

(Продолженіе).

Измѣненіе длительного звука *г*: *гы—ги—ги—*
жы... гэ—ге—же...

Длительный звук *г* отличается отъ мгновеннаго *г* тѣмъ, что при его артикуляціи образуется узкій проходъ по срединѣ языка въ задней части рта, а при мгновенномъ *г* ротъ совсѣмъ закрывается приближеніемъ корня языка къ нёбу. Такая разница въ артикуляціяхъ происходитъ вслѣдствіе того, что при длительномъ *г* усиленіе работаютъ шило-язычный и подбородочно-язычный мускулы, а при мгновенномъ *г*—та и другая половины второй группы. Усиленная работа собственно язычныхъ мускуловъ при длительномъ *г* и дѣлаетъ его измѣненіе нѣсколько непохожимъ на измѣненіе мгновеннаго *г*; разница прежде всего заключается въ томъ, что длительный *г* можетъ легче получиться передъ *ы*, тогда какъ мгновенный скорѣе передъ *э*, потому что согласный и гласный (слогъ) въ большинствѣ случаевъ артикулируются заразъ одною и тою же работою какаго либо мускула.

Если *г* явится передъ *ы*, то вслѣдствіе захожденія работы подбородочно-язычнаго мускула сочетаніе *гы* скоро измѣнится въ *ги* и потомъ въ *жи*, но не въ *ди*, потому что шило-язычный мускулъ не перестаетъ работать и потому не дастъ языку опереться о нёбо для образованія *д*. Вслѣдствіе же переработки этого мускула, когда *ги* измѣнится въ *жи*, звукъ *и* измѣнится въ *ы*, какъ это мы уже и видѣли; но вмѣстѣ съ такой работою, особенно при ускореніи артикуляціи, захожденіе и усиленіе работы шило-язычнаго мускула будетъ поднимать передніе края языка и конецъ его кверху, а потому *з* измѣнится въ *ж* (сперва мягкое); такимъ образомъ, постепенность измѣненія будетъ приблизительно такова: *г—г'—з'—ж'—ж*, и рядомъ: *ы—и—и'—и—ы*. Дальнѣйшее же измѣненіе *жи* будетъ происходить, какъ и измѣненіе мгновеннаго *г*.

Сочетаніе длительного *г* съ *э* отличается отъ сочетанія его съ *ы* тѣмъ, что при *гэ* требуется больше опускать среднюю часть языка книзу, а это движеніе происходитъ отъ работы подбородочно-язычнаго мускула и частью отъ ослабленія всей второй группы; поэтому, когда мы будемъ про-

износить *э*, то подбородочно-язычный мускуль будетъ работать сильнѣе, слѣдовательно онъ не будетъ давать шилоязычному мускулу болѣе скоро и болѣе прямо отдергивать языкъ назадъ, когда артикуляція сочетанія *э* подвинется впередъ; отсюда произойдетъ то, что конецъ языка еще скорѣе и больше поднимется кверху, и языкъ еще долѣе пріотстанетъ у нѣба и не подвинется назадъ такъ далеко, какъ это можетъ быть при *жы*; поэтому изъ *э* еще скорѣе получится *жэ*, чѣмъ изъ *и*—*жи*,— и даже прямо изъ *е*—*жэ*, не переходя чрезъ ступень *зе*. Сочетаніе *жэ* будетъ измѣняться далѣе обычнымъ порядкомъ, какъ это было объяснено выше.

Измѣненіе глухихъ звуковъ *хы*—*хи*—*си*—*шы*...
хэ—*хе*—*ше*... *кы*—*ки*—*ци*—*чы*... *кэ*—*ке*—*че*...

До сихъ поръ мы разсматривали измѣненіе звонкихъ звуковъ, т. е. такихъ, при артикуляціи которыхъ голосовыя связки напрягаются и дрожатъ. Если при произношеніи какого либо звука такого дрожанія голосовыхъ связокъ нѣтъ, то онъ будетъ глухимъ. О томъ, какимъ образомъ изъ звонкихъ звуковъ являются глухіе, будемъ говорить ниже, а теперь посмотримъ, какую разницу представляютъ измѣненія глухихъ согласныхъ звуковъ отъ соответствующихъ имъ звонкихъ.

Двѣ главныя причины заставляютъ глухіе согласные звуки измѣняться нѣсколько не такъ, какъ измѣняются звонкіе. Первая причина заключается, конечно, прежде всего въ томъ, что при звонкихъ голосовыя связки напрягаются, а при глухихъ нѣтъ; эта работа не можетъ не подѣйствовать на движеніе органовъ рта, такъ какъ мускулы голосовыхъ связокъ прикрѣпляются отчасти къ тѣмъ же органамъ, къ которымъ прикрѣпляются и нѣкоторые изъ мускуловъ дна полости рта, и слѣдовательно имѣютъ съ ними непосредственную связь. Изъ такихъ мускуловъ надобно прежде всего замѣтить тѣ, которые прикрѣплены къ надгортаннику,— къ нему съ одной стороны прикрѣпляются нѣкоторые изъ боковыхъ пучковъ подбородочно-язычнаго мускула, а съ другой противоположной стороны прикрѣплены нѣкоторые изъ пучковъ, работающихъ при напряженіи голосовыхъ связокъ (*m. tyreo-ary-epiglotticus*), такъ что эти мускулы явля-

ются антагонистами другъ другу. Кромѣ этихъ мускуловъ и вся вообще вторая группа мускуловъ, а въ особенности ея передняя половина, будетъ антагонистомъ мускуламъ, напрягающимъ голосовыя связки, такъ какъ всякое движеніе дна полости рта впередъ и вверхъ тянетъ въ ту же сторону переднюю стѣнку гортани и тѣмъ удлиняетъ, напрягаетъ и голосовыя связки, а напряженіе ихъ въ свою очередь будетъ тянуть дно полости рта и языкъ назадъ. Поэтому, если при артикуляціи язычныхъ будетъ работать подбородочно-язычный мускуль, то при той же самой силѣ сокращенія онъ будетъ оттягивать языкъ далѣе впередъ при глухихъ согласныхъ, тогда какъ при артикуляціи звонкихъ ему будутъ препятствовать мускулы голосовыхъ связокъ, которые будутъ тянуть надгортанникъ и отчасти все дно полости рта назадъ, и потому языкъ неподвинется такъ далеко, какъ онъ подвинулся бы въ томъ случаѣ, если бы не было напряженія голосовыхъ связокъ, т. е. звонкости. Но такъ какъ мускулы голосовыхъ связокъ очень коротки и слабы, то работа ихъ можетъ оказать значительное вліяніе на движеніе языка только въ томъ случаѣ, если онъ подвинется очень далеко впередъ, что бываетъ при артикуляціи мгновенныхъ переднеязычныхъ, и тогда, когда это движеніе происходитъ главнымъ образомъ вслѣдствіе работы подбородочно-язычнаго мускула. При артикуляціи заднеязычныхъ работа мускуловъ голосовыхъ связокъ не можетъ оказать значительное вліяніе на движеніе языка, такъ какъ онъ и безъ того находится далеко назадъ; это же отчасти относится къ артикуляціи и переднеязычныхъ длительныхъ, а кромѣ того и то, что здѣсь незначительное движеніе языка назадъ, какое можетъ быть вслѣдствіе работы мускуловъ голосовыхъ связокъ, не можетъ значительно измѣнить самый звукъ, тогда какъ при мгновенныхъ звукахъ уже самое незначительное измѣненіе въ уложеніи языка можетъ совершенно измѣнить мгновенный звукъ въ длительный, потому что достаточно языку не дойти до нѣба на самое незначительное разстояніе, чтобы вмѣсто полного затвора рта получился узкій проходъ, который можетъ увеличиться вслѣдствіе движенія черезъ него воздуха; а такъ какъ глухіе и соответствующіе имъ звонкіе будутъ

естественно стремиться артикулироваться при одинаковой работѣ мускуловъ, то если при глухихъ языкъ касается нѣба, то при звонкихъ при той же работѣ, но вмѣстѣ съ работою голосовыхъ связокъ, онъ можетъ и не дойти до него, т. е. вмѣсто мгновеннаго образовать длительный звукъ. Кромѣ того, только при артикуляціи переднеязычныхъ имѣетъ самое важное значеніе работа подбородочно-язычнаго мускула, которой противодѣйствуетъ работа мускуловъ голосовыхъ связокъ, а при артикуляціи другихъ звуковъ она имѣетъ меньшее значеніе, поэтому все сводится къ тому, что звонкость должна оказать самое значительное вліяніе на измѣненіе переднеязычныхъ мгновенныхъ звуковъ, — они будутъ отличаться отъ соответствующихъ глухихъ болѣе слабой артикуляціей, а разница въ измѣненіи и артикуляціи между другими глухими и звонкими язычными звуками будетъ не такъ замѣтна.

Другая, болѣе общая причина, которая заставляетъ измѣняться глухіе нѣсколько не такъ, какъ звонкіе, должна оказать большее вліяніе на измѣненіе главнымъ образомъ тѣхъ же звуковъ. Эта причина заключается въ томъ, что затворъ во рту при образованіи звонкихъ долженъ быть короче и слабѣе, чѣмъ при глухихъ, такъ какъ при сильномъ и продолжительномъ затворѣ, какъ увидимъ далѣе, звонкость можетъ исчезнуть; а такъ какъ эта разница можетъ быть всего замѣтнѣе при образованіи мгновенныхъ, то отсюда и происходитъ болѣе большая разница въ измѣненіи мгновенныхъ глухихъ и мгновенныхъ звонкихъ: звонкіе артикулируются быстрѣе и слабѣе, вслѣдствіе чего и захожденіе работъ должно быть чаще, слѣдовательно и измѣненіе звонкихъ должно происходить быстрѣе, но за-то эти измѣненія не могутъ быть такъ полны и отчетливы, какъ измѣненія глухихъ мгновенныхъ согласныхъ звуковъ. Отчасти это было причиною того, что въ славянскомъ не было мгновеннаго *г* (*g*), а былъ только длительный звукъ *г* (*h*), такъ что то, что мы выше говорили объ измѣненіяхъ мгновеннаго *г*, не можетъ быть вполнѣ отнесено къ славянскому языку (въ немъ, напр., нѣтъ измѣненія *ди* въ *дзи* *).

*) Ф. И. Буслаевъ. Истор. грамм. рус. языка. Изд. 2-е. § 36.

Все, что выше говорилось, вполне подтверждается тѣми измѣненіями, какія существуютъ въ славянскомъ и русскомъ языкахъ. Измѣненіе длительныхъ согласныхъ глухихъ почти ни чѣмъ не отличается отъ измѣненія соотвѣствующихъ имъ длительныхъ звонкихъ; такъ, постепенность измѣненія *x* будетъ такая же, какъ и *г* (*h*), т. е. —*x*—*x'*—*c'*—*ш'*—*ш*, и рядомъ: *ы*—*и*—*и'*—*и*—*ы*. Что же касается глухихъ мгновенныхъ, то тамъ разница замѣчается главнымъ образомъ въ измѣненіи переднеязычныхъ. Звукъ *к* сперва измѣняется, какъ и *д*, т. е. *к*—*к'*—*ц'*, но далѣе уже замѣчается нѣкоторая разница.

Вслѣдствіе того, что при глухихъ согласныхъ переднеязычныхъ подбородочно-язычный мускулъ двигаетъ языкъ далѣе впередъ, чѣмъ при звонкихъ, происходитъ большее усиленіе и захожденіе работы шило-язычнаго мускула для оттягиванія языка назадъ; поэтому, когда подбородочно-язычный мускулъ приведетъ языкъ въ уложеніе *т* и нѣсколько ослабнетъ, то работа шило-язычнаго мускула приведетъ языкъ сперва въ уложеніе *с*, а потомъ прямо въ *ы*, если раньше послѣ *к* было *и*; если же на мѣстѣ *т* было *д*, то при тѣхъ же условіяхъ не только не получилось бы *с*, но и звукъ *и* не измѣнился бы въ *ы*, такъ какъ языкъ опирался бы о нѣбо слабо, а слѣдовательно шило-язычный мускулъ и при меньшей работѣ скоро оттянулъ бы языкъ прямо назадъ и только до *и*. Усиленная работа подбородочно-язычнаго мускула при глухихъ переднеязычныхъ не можетъ такъ скоро исчезнуть и замѣниться работою шило-язычнаго мускула, какъ это бываетъ при звонкихъ, поэтому въ русскомъ языкѣ *д* уже измѣнилось въ *ж*, а *т* только въ *ц* (*тс*), которое соотвѣтствуетъ звонкому *дз*.

Если за *к* слѣдуетъ *э*, то мускулъ подбородочно-язычный будетъ работать еще сильнѣе, чтобы послѣ *т'* опустить среднюю часть языка для *э*: это будетъ высшая степень напряженія этого мускула, а потому онъ сперва приведетъ языкъ въ уложеніе *т'*, потомъ конецъ языка будетъ больше подниматься вверху и загибаться, потому что онъ не можетъ скоро отойти отъ нѣба, и потомъ уже отодвинется, но

не столько назадъ, сколько внизъ; значить, получится *че* (т'ш'э), а не *це* или *тшэ* (твердое ч). Не будетъ *и*, потому что болѣе сильная и болѣе ранняя работа подбородочно-язычнаго мускула заставитъ языкъ сперва прійти въ уложеніе *т'*, а не *т* (твердое); потомъ она же не дастъ другимъ мускуламъ поскорѣе отдернуть языкъ назадъ, и они вмѣсто того сперва будутъ загигать конецъ языка кверху, а потому не получится и *с*, а *ш*, которое будетъ мягкимъ, потому что при этомъ средняя часть языка опускается отъ нѣба; не получится также и *ы*, потому что подбородочно-язычный мускулъ будетъ оттягивать языкъ книзу.

Въ русскомъ языкѣ соотвѣтствующее указанному сейчасъ сочетаніе звонкое измѣнилось уже въ *же* и даже въ *жо*, а глухое остановилось еще только на ч (т'ш'), которое соотвѣтствуетъ звонкому *д'ж'*, совсѣмъ въ русскомъ языкѣ не существующему.

Дальнѣйшее измѣненіе сочетанія глухихъ согласныхъ съ гласными будетъ происходить какъ и въ соотвѣтствующихъ звонкихъ сочетаніяхъ.

Надо полагать, что *к* раньше произносилось (и артикулировалось) не такъ, какъ теперь, а вмѣстѣ съ *х*, какъ теперь вмѣсто *т* иногда является *и* и *ч* (*тс* и *т'ш'*); теперь изъ *к* является *т*, а если раньше являлось больше *и* и *ч*, то очень вѣроятно, что *к* равнялось *кх*, тѣмъ болѣе, что и обозначалось—СН. Отсутствие такого сочетанія въ настоящемъ показываетъ, что это сочетаніе явилось раньше *и* и *ч* и развилось на столько, что оба звука этого сочетанія стало возможнымъ артикулировать отдѣльно. Это обусловлено, конечно, большимъ развитіемъ органовъ и новымъ ихъ отношеніемъ другъ къ другу, слѣдствіемъ чего явилась возможность артикулировать мгновенные язычные безъ длительныхъ, т. е. заставлятъ органы работать на столько и приводить ихъ въ такое отношеніе другъ къ другу, чтобы получилась артикуляція того звука, который раньше составлялъ часть сочетанія. Особенно скоро это могло явиться въ томъ случаѣ, когда мгновенный исчезалъ и оставался одинъ длительный, или наоборотъ.

Измѣненіе мягкихъ *д* и *т* предъ широкими гласными: *д'*—*жд*—*ж*... *т'*—*шт*—*щ*—*ч*...

Измѣненія мягкихъ звуковъ *д* и *т* (*д'* и *т'*) въ томъ случаѣ, если ихъ потребуется произнести предъ гласными съ болѣе широкимъ среднеязычнымъ растворомъ, т. е. не *и* и не *е*, представляютъ такія особенности, которыя проливаютъ свѣтъ и на другія измѣненія переднеязычныхъ, такъ что послѣ ихъ объясненія не трудно будетъ понять и всѣ другія измѣненія переднеязычныхъ, которыя на первый взглядъ кажутся необъяснимыми.

Особенность указанныхъ измѣненій заключается въ томъ, что они представляютъ явленія, обратныя указаннымъ выше; здѣсь происходитъ захожденіе работы не шило-язычнаго мускула, а подбородочно-язычнаго, или, лучше сказать, происходитъ захожденіе ослабленія мускула шило-язычнаго. Если за *д* или *т* раньше слѣдовали *и* или *е*, въ такомъ случаѣ работалъ, какъ мы знаемъ, шило-язычный мускулъ, но если *и* или *е* нѣтъ, въ такомъ случаѣ шило-язычному мускулу приходится работать меньше, потому что оттягивать языкъ назадъ до *и* или *е* не требуется. Такимъ образомъ, при этомъ отношеніи напряженія мускуловъ, при которомъ языкъ отдергивается отъ нѣба, наступаетъ нѣсколько раньше, т. е. уложеніе длительного наступаетъ раньше уложенія мгновеннаго; но послѣ этого языкъ не отдергивается отъ нѣба, а приближается къ нему, вслѣдствіе того, что далѣе слѣдуетъ усиленная работа подбородочно-язычнаго мускула и ослабленіе шило-язычнаго, а не наоборотъ, какъ это мы видѣли выше. Такъ какъ далѣе не слѣдуетъ *и* или *е*, т. е. не требуется болѣе сильная работа шило-язычнаго мускула, то поэтому послѣ мгновеннаго снова длительный получиться не можетъ. Точно также, предъ мгновеннымъ не получится и *з* или *с*, вмѣсто *ж* и *ш*, такъ какъ при усиленіи и захожденіи работы подбородочно-язычнаго мускула, а слѣдовательно при ослабленіи шило-язычнаго мускула въ данномъ случаѣ сила сокращенія того и другого придетъ сперва въ наименьшее отношеніе, т. е. такое, при которомъ оба мускула будутъ работать приблизительно одинаково, а въ

такомъ случаѣ, какъ мы видѣли, получается *ж* или *ш*, а не *з* или *с*. Вслѣдъ за тѣмъ при быстромъ усиленіи работы подбородочно-язычнаго мускула языкъ быстро переходитъ въ уложеніе *д* или *т*, такъ что между *ж* и *д*, *ш* и *т*—еще *з* и *с* тоже не получатся.

Дальнѣйшія измѣненія сочетаній *жд* и *шт* уже не будутъ параллельны, что произойдетъ вслѣдствіе той разницы въ артикуляціяхъ звонкихъ и глухихъ, о которой было говорено выше; по этой причинѣ языкъ при артикуляціи *жд* можетъ и не дойти до нѣба, т. е. не образовать *д*, а потому останется одно *ж*,—тогда какъ при той усиленной артикуляціи, какая бываетъ при глухихъ согласныхъ переднеязычныхъ, подбородочно-язычный мускулъ не только заставитъ языкъ коснуться нѣба, но еще для того, чтобы его отдернуть, потребуется снова работа шило-язычнаго мускула, а потому языкъ снова можетъ прийти въ уложеніе *ш*, т. е. получится *шш*; но при этомъ старая работа шило-язычнаго мускула будетъ постепенно сливаться съ новой и *шш* измѣнится сперва въ *щ* (*ш'т'ш'*), а потомъ въ *ч*. Понятно, что въ подобныхъ случаяхъ могутъ быть весьма значительныя колебанія въ измѣненіяхъ какъ артикуляцій, такъ и звуковъ, что мы и можемъ наблюдать на самомъ дѣлѣ.

Пусть теперь читатель самъ объяснитъ другіе факты измѣненій передне-язычныхъ; какъ, напр.: *з'ж'*—*зж*—*ж*; точно также и то, что въ русскомъ языкѣ есть *ц* (*тс*), а нѣтъ *сш*, есть *ч'* (*т'ш'*), а нѣтъ изъ *ч* не только *ш*, но даже *тш* (твердое *ч*),—даже предъ *ы* слышится *ч'* (*чиж*—*т'ш'ыш*); нѣтъ также *дж* (звонкаго *ч*); нѣтъ ни *ж'д'ж*, ни *ждж* (или *здж*), а есть *щ* (*ш'т'ш'*), и нѣтъ *штш*.

Громадное количество фактовъ для подтвержденія всего сказаннаго, а также и того, что будетъ говорится ниже, читатель можетъ найти въ грамматикахъ Буслаева, Колосова и друг., въ „Отрывкахъ изъ лекцій по фонетикѣ и морфологіи русскаго языка“ И. Бодуэна-де-Куртенэ, у Я. Грота въ „Филологическихъ Разысканіяхъ“ и во многихъ другихъ сочиненіяхъ по фонетикѣ русскаго и славянскаго языковъ, если только не подберетъ ихъ самъ достаточное количество.

Третій круговоротъ измѣненій.

Третій круговоротъ звуковыхъ измѣненій точно также, какъ и второй, представляетъ по отношенію къ первому круговороту болѣе позднее явленіе, поэтому тѣ же результаты, какіе являются вслѣдствіе раскрытія рта въ первомъ круговоротѣ, получаютъ въ третьемъ круговоротѣ отъ причинъ гораздо болѣе слабѣйшихъ; но такъ какъ условія возникновенія ихъ различны, поэтому и звуковыя измѣненія будутъ похожи другъ на друга только въ общемъ.

Звукъ *э* въ первомъ и второмъ круговоротахъ является вслѣдствіе раскрытія рта, въ третьемъ же онъ является при раскрытомъ ртѣ; эта основная разница въ причинахъ и дѣлаетъ ихъ измѣненія въ частностяхъ совершенно различными.

Къ третьему круговороту надобно отнести два главныхъ измѣненія: одно, болѣе похожее на измѣненія перваго круговорота, это имѣненіе *ai* или *эi*, и другое, болѣе похожее на измѣненія второго, это измѣненіе *yi* или *oi* *).

Разсмотримъ каждое изъ нихъ въ отдѣльности.

Измѣненіе *ai—э—и—йи—йэ—йа...*

При артикуляціи звука *а* ротъ бываетъ раскрытымъ приблизительно одинаково, какъ въ передней, такъ и въ задней его части, а потому при этомъ, какъ мы знаемъ, бываетъ болѣе напряжена первая группа мускуловъ и потомъ третья, вторая же будетъ напряжена менѣе; чтобы образовать послѣ этого уложеніе звука *и*, дно полости рта должно двинуться кверху, вторая группа будетъ работать, а первая и частью третья будутъ ослабѣвать; такимъ образомъ, захожденіе и усиленіе работы, какое должно явиться съ теченіемъ времени вслѣдствіе ускоренія артикуляціи, должно пасть на вторую группу мускуловъ, — она усилится до того, что станетъ работать одинаково съ первой и третьей и одновременно съ ними, а потому всѣ три группы будутъ приводить ротъ въ индифферентное уложеніе, т. е. уложеніе звука *э*; значить, на мѣстѣ *а* явится *э*.

*) На мѣстѣ *i* здѣсь вездѣ можно поставить *й*, — это для насъ не будетъ имѣть значенія.

Рядомъ съ этимъ отдѣльная артикуляція звука *i* должна также исчезнуть и слиться съ *э*; произойдетъ это такимъ образомъ, — когда органы остановятся на уложеніи *э*, то эта остановка произойдетъ вслѣдствіе работы, обратной той, которая привела органы въ уложеніе этого звука; если, напр., дно полости рта двинулось кверху вслѣдствіе работы второй группы, то чтобы остановить его, потребуется работа первой и третьей группъ; но вся суть въ томъ, что эта работа не можетъ быть равною работѣ второй группы, что необходимо для остановки органовъ на *э*, а будетъ сильнѣе ея, потому по инертности дно полости рта въ такомъ случаѣ ушло бы дальше того, сколько нужно, и все таки ослабило бы вторую группу и заставило работать первую и третью. Такимъ образомъ, если органамъ удалось остановиться на *э*, то значитъ тотчасъ же они двинутся обратно, т. е. не къ *и*, а потому оно и не получится. Артикуляція звука *и* въ данномъ случаѣ, собственно говоря, не исчезнетъ, а скорѣе сольется съ артикуляціею звука *э*, такъ какъ артикуляціи ихъ очень близки другъ къ другу, тѣмъ болѣе, что *э*, какъ сейчасъ увидимъ, получится болѣе мягкое, переднее, близкое къ *и*.

Вновь получившійся звукъ *э*, какъ мы уже говорили, отличается отъ другихъ тѣмъ, что онъ получился при раскрытомъ ртѣ, а не во время раскрытія, слѣдовательно нижняя челюсть остается при этомъ почти неподвижною, а потому не принимаетъ участія въ измѣненіи новаго *э*; эта причина даетъ возможность новому *э* легче и скорѣе измѣниться въ *и* и *я* (йа), тогда какъ *э* въ другихъ случаяхъ, какъ мы видѣли, скорѣе измѣняется въ *йэ* и потомъ въ *йо*. Разъяснимъ это: когда *э* получается во время раскрытія рта, то движеніе нижней челюсти книзу быстро ослабляетъ вторую группу мускуловъ, а потому она легко можетъ поднять дно полости рта сразу до *й*; теперь же такой быстрой и сильной переработки быть не можетъ, а вторая группа усиливаться и забѣгать будетъ понемногу, — поэтому *э* можетъ измѣниться только въ *и*. Далѣе, та же причина давала возможность и *йэ* легко измѣниться въ *йо*, теперь же этого тоже быть не можетъ, такъ какъ опять вслѣдствіе большей

устойчивости нижней челюсти измѣненія въ артикуляціяхъ будутъ происходить въ области дна полости рта и будутъ незначительны, а слѣдовательно и не будутъ въ свою очередь оказывать значительнаго вліянія на движеніе нижней челюсти,—при всѣхъ движеніяхъ дна полости рта она останется неподвижною, опущенною; и это тѣмъ болѣе вѣроятно, что для удержанія ея въ этомъ положеніи можетъ принять участіе, какъ мы видѣли, подкожный шейный мускулъ, противодѣйствующій третьей группѣ; слѣдовательно, напряженіе или ослабленіе второй группы не можетъ оказать значительнаго вліянія на нижнюю челюсть, можетъ даже совсѣмъ не оказать никакого вліянія. Такимъ образомъ, полный путь измѣненія *ai* (или *zi*) будетъ приблизительно таковъ: *ai—э—и—йи—йэ* (ѣ)—*йа* (я). Первая половина этого измѣненія можетъ пройти очень быстро, такъ какъ вторая группа работаетъ при этомъ значительно сильнѣе (движеніе отъ *a* до *i*), но далѣе произойдетъ остановка въ развитіи; поэтому у насъ есть только прямыя факты измѣненія *ai* въ *н*, *и* и *я*.

Дальнѣйшее измѣненіе сочетанія *йа* (я) было разсмотрѣно выше.—Изъ сказаннаго видно, на сколько третій круговоротъ, точно такъ же, какъ и второй, обширнѣе, точнѣе и полнѣе перваго круговорота, и на сколько за то оба они отстали отъ него въ своемъ развитіи.

Измѣненіе *yi—ы*...

Сочетаніе *yi* сходно съ сочетаніемъ *ai* тѣмъ, что впереди его также нѣтъ мягкаго *й*, т. е. движенія дна полости рта къ небу, а оно слѣдуетъ уже за ними,—это и дѣлаетъ ихъ до нѣкоторой степени сходными между собою и противоположными измѣненію *йэ—йо* (*е—ё*). Но сочетаніе *yi* отличается отъ *ai* тѣмъ, что при *yi* нижняя челюсть бываетъ поднята, а при *ai* опущена,—отсюда и вся разница въ ихъ измѣненіяхъ.

Если положить, что при артикуляціи *ai* дно полости рта двигается вверхъ и впередъ, при артикуляціи первоначальнаго *э*—вверхъ, то при *yi* оно должно будетъ подниматься вверхъ и назадъ, а потому совершенно тѣмъ же путемъ, какимъ *ai* измѣняется въ *и*, и сочетаніе *yi* (или *oi*,

ы) измѣнится въ *ы*. Можетъ быть сперва и не получится чистый звукъ *ы*, а болѣе заднее *э*, но съ теченіемъ времени обѣ эти весьма близкія артикуляціи неминуемо сольются; это произойдетъ потому, что когда *уі* измѣнится въ *э*, близкое къ *ы*, то нижняя челюсть вслѣдствіе условій артикуляціи можетъ опускаться ниже, чѣмъ было при *у*, а потому для артикуляціи задняго *э* потребуется усиленная работа задней половины второй группы, которая и измѣнитъ окончательно *э* въ *ы*. Кромѣ того, опущеніе нижней челюсти ослабляетъ переднюю половину второй группы и заставляеть работать заднюю, а въ такомъ случаѣ мы видѣли, что *э* также измѣняется въ *ы*, потомъ въ *ыы* и т. д.

Такъ какъ въ сочетаніи *аі* для образованія *і* второй группѣ приходится работать больше, чѣмъ при *уі*, то и захожденіе ея работы можетъ быть скорѣе; поэтому *аі* чаще и скорѣе измѣнится въ *э*, чѣмъ *уі* въ *ы*, и первое измѣненіе далеко опередило въ своемъ развитіи второе, — *аі* уже измѣняется въ *я*, а *уі* еще только въ *ы*. Но это относится лишь къ развитію гласныхъ, такъ какъ согласные тѣхъ же сочетаній представляютъ совершенно обратное явленіе, — при *аі* развитіе согласнаго нейдетъ дальше *й*, тогда какъ при *ы* можетъ явиться *г*, которое измѣняется гораздо разнообразнѣе, чѣмъ всѣ другіе звуки. Такая разница въ измѣненіяхъ сочетаній *аі* и *уі* происходитъ вслѣдствіе разницы ихъ артикуляцій, — при *а* нижняя челюсть опущена, а при *у* поднята, — одно это и заставляеть ихъ согласные и гласные развиваться до нѣкоторой степени обратно другъ другу. Происходитъ это такимъ образомъ: когда за *у* слѣдуетъ *і*, то для артикуляціи этого послѣдняго звука требуется работа второй группы, которая опускаетъ и нижнюю челюсть; поэтому захожденіе и усиленіе работы второй группы измѣнятся сперва *уі* въ *ы*, а потомъ будетъ опускаться нижняя челюсть, потому что захожденіе работы второй группы въ этомъ случаѣ будетъ сперва приводить мускулы въ одинаковое напряженіе, т. е. растворъ рта изъ *у* превратится въ индифферентный растворъ *э*, при чемъ *э* будетъ близко къ *ы*, такъ какъ челюсть при *у* поднята; когда же *уі* измѣнится въ *ы*, то захожденіе работы второй группы, какъ

мы сказали, будетъ опускать нижнюю челюсть, а такое движеніе ослабляетъ переднюю половину второй группы, вслѣдствіе чего, какъ мы видѣли, и развивается отдѣльная работа задней половины, а потомъ начинаетъ ей противодѣйствовать и развиваться передняя половина, т. е. развивается артикуляція звука *г* и слѣдующихъ за тѣмъ согласныхъ, которые являются на мѣстѣ *г*. Если же теперь мы представимъ артикуляцію *і* послѣ *а*, то увидимъ, что такой отдѣльной работы той и другой половиной второй группы получиться не можетъ, потому что нижняя челюсть и безъ того достаточно опущена, а потому не можетъ ослаблять передней половины. По аналогіи съ измѣненіемъ *ы* надо бы и здѣсь ожидать сперва усиливающуюся работу передней половины, какъ тамъ задней, но дѣло въ томъ, что это можетъ быть въ томъ случаѣ, когда нижняя челюсть уже опущена и своимъ подъемомъ стала бы напрягать вторую группу, а слѣдовательно прежде ея переднюю половину; но такой подъемъ можетъ оказать значительное вліяніе на измѣненіе только тогда, когда онъ будетъ значительнымъ, а этого-то и нѣтъ при измѣненіи *аі* въ *я* и далѣе. Онъ можетъ легче произойти при измѣненіи *йэ* — *йо*, а еще скорѣе тогда, когда вслѣдствіе морфологическихъ или какихъ либо другихъ условій послѣ *й* или, еще лучше, вмѣстѣ съ нимъ будетъ артикулироваться губной согласный; въ такомъ случаѣ дѣйствительно разовьется артикуляція, обратная артикуляціи *г*, но она заставитъ измѣниться звукъ *й* не тогда, когда онъ находится въ сочетаніи *йа* (*я*), явившагося изъ *аі*, а въ другихъ случаяхъ, до нѣкоторой степени противоположныхъ данному. Къ разсмотрѣнію этого новаго измѣненія мы теперь и перейдемъ.

Четвертый круговоротъ измѣненій.

Измѣненіе *й* — *л* (*в'* — *вл*).

Какъ во второмъ круговоротѣ звуковыхъ измѣненій опущеніе нижней челюсти вызываетъ ослабленіе передней половины второй группы мускуловъ и работу задней половины, такъ въ четвертомъ круговоротѣ поднятіе челюсти

напрягаетъ переднюю половину и заставляетъ её работать, потому что напряжение ея равносильно ослабленію задней половины. Но какъ во 2-мъ круговоротѣ это можетъ случиться скорѣе тогда, когда вторая группа работаетъ сильнѣе, такъ точно и въ 4-мъ работа второй группы также ускоряетъ измѣненіе, но все же при этомъ имѣетъ большее значеніе захожденіе и усиленіе третьей группы. Работа третьей группы образуетъ какой либо губной согласный (в, б, ф, п, м), а работа второй артикулируетъ *й* (мягкость предъидущихъ).

Для уясненія измѣненія артикуляціи *й* въ артикуляцію *л* сравнимъ два сочетанія: *ви* и *вию*; при артикуляціи того и другого сочетанія сперва нижняя губа приближается къ верхнему ряду зубовъ (в) и языкъ къ нѣбу (й), — первое движеніе происходитъ вслѣдствіе работы третьей группы мускуловъ, а второе — второй; но третья должна работать сильнѣе, чтобы не дать второй группѣ оттянуть нижнюю челюсть, которая движется вверхъ, потому что артикуляція губныхъ согласныхъ необходимо должна происходить съ раскрытаго рта; съ теченіемъ времени усиленіе третьей группы далеко опередитъ усиленіе второй, и потому артикуляція *й* будетъ получаться послѣ *в*, или можетъ исчезнуть, если за *в* нѣтъ артикуляціи, поддерживающей работу второй группы; а такъ какъ въ данномъ случаѣ слѣдуетъ артикуляціи гласныхъ, для которыхъ потребуется опущеніе нижней челюсти послѣ *в*, поэтому артикуляція *й* не исчезнетъ безслѣдно, а только запоздаетъ. Далѣе, подъемъ нижней челюсти напрягаетъ и заставляетъ работать переднюю половину второй группы и ослабляетъ заднюю; если за *в* слѣдуетъ *и*, то послѣ *в* потребуется усиленная работа второй группы, чтобы низко опустить нижнюю челюсть, а потому усиленная работа передней ея половины ступается, не выдѣлится изъ общей работы и только заставитъ нижнюю челюсть опуститься скорѣе; кромѣ того, и языкъ при этомъ не потребуетъ оттянуть назадъ, — значить и работѣ задней половины второй группы также явиться не откуда. Но если за *в* слѣдуетъ *у*, то нижнюю челюсть много опускать не потребуется, значить, усиленному напряженію передней половины исчезнуть нельзя, а дно полости рта надо будетъ

оттянуть назадъ, такъ какъ оно можетъ подвинуться впередъ вслѣдствіе напряженія передней половины и вслѣдствіе своей инертности; кромѣ того, для уложенія *у* оно должно быть далеко назадъ и внизу; все это вызоветъ послѣ работы передней половины второй группы работу задней, значить, послѣ артикуляціи *е* явится переднеязычная артикуляція, обратная артикуляціи звука *г*.

Къ сказанному сейчасъ нужно еще прибавить, что такъ какъ при *йе*, т. е. при широкомъ челюстномъ растворѣ равномерная работа второй группы приводитъ языкъ въ положеніе *й*, а при узкомъ челюстномъ растворѣ, какъ мы видѣли, суженіе будетъ болѣе заднее (*г*), то поэтому, чтобъ получилось *й* при узкомъ челюстномъ растворѣ, необходима заранѣе усиленная работа передней половины второй группы, что также можетъ помочь *й* измѣниться въ переднеязычный.

Переднеязычная артикуляція, явившаяся изъ *й*, не будетъ похожа ни на одну изъ тѣхъ передне-язычныхъ, которыя развились изъ артикуляціи *г*, потому что при всѣхъ ихъ работаютъ больше язычные мускулы, тогда какъ здѣсь работаютъ мускулы второй группы, именно—передняя и задняя ея половины. Вслѣдствіе этого новая передне-язычная артикуляція не будетъ очень сильной,—языкъ будетъ сперва только доходить до нѣба своимъ концомъ, а по краямъ его образуются два прохода для воздуха. Это уложеніе звука *л*. Съ теченіемъ времени, когда артикуляція звука *л* разовьется, и языкъ станетъ сильнѣе опираться о нѣбо, то вмѣстѣ съ этимъ онъ приобрететъ способность нѣсколько сжиматься съ боковъ, чтобы сохранить уложеніе *л*; это сжатіе можетъ происходить и развиться вслѣдствіе того, что воздухъ при проходѣ будетъ постоянно нѣсколько сдавливать языкъ съ боковъ, отчего и будутъ развиваться поперечные мускульные пучки языка (*m. transversus linguae*), которые съ теченіемъ времени станутъ сжимать языкъ при всякой артикуляціи *л*.

Развитіе поперечныхъ мускульныхъ пучковъ языка поведетъ за собою захожденіе ихъ работъ, что въ данномъ случаѣ особенно возможно потому, что работы этихъ мускуловъ стоятъ особнякомъ отъ общихъ работъ артикуляціи звуковъ. Такое захожденіе мы можемъ наблюдать въ такихъ

примѣрахъ, какъ: па(д)лъ—паль, пле(т)лъ—плель; *д* и *т* здѣсь исчезаютъ потому, что ихъ артикуляція составляетъ часть артикуляціи *л*, безъ суженія языка; захожденіе этого суженія для послѣдующаго *л* и заставляеть *д* и *т* исчезать совершенно.

На сколько изложенное здѣсь объясненіе измѣненія *в* въ *вл* справедливо, видно изъ того, напр., что на промежуточныхъ ступеняхъ артикуляцій *ви* и *вю* вѣроятность измѣненія возрастаетъ съ переходомъ отъ *і* къ *ю*; такъ: трафитъ—трафень—трафлѣнь—трафлю. Изъ этого и подобныхъ ему примѣровъ видно также, какое значеніе имѣетъ здѣсь удареніе,— оно усиливаетъ артикуляцію удареннаго слога, а слѣдовательно ускоряетъ переработку, такъ-что *й* при губномъ согласномъ можетъ измѣниться даже тогда, когда далѣе слѣдуетъ *а* или *э*.

Весьма рѣзкимъ доказательствомъ справедливости сказаннаго могутъ служить также и такіе факты: каймить—каймю (вм. каймлю), клеймить—клеймю (вм. клеймлю)*); здѣсь *л* не появляется на мѣстѣ *й* (мягкости согласнаго) потому, что органы приходятъ сперва въ уложеніе *й*, которое находится предъ губнымъ звукомъ *м*, а потомъ уже и не сходятъ съ этого уложенія.

Когда на мѣстѣ артикуляціи *й* будетъ развиваться артикуляція *л* и будетъ производиться послѣ *в*, а не вмѣстѣ, какъ *й*, то вторая группа можетъ все слабѣе и слабѣе артикулировать *й*, пока *й* совсѣмъ не исчезнетъ, и въ такомъ случаѣ въ сочетаніи *влю* (в'л'у) сдѣлается твердымъ сперва *в*, а потомъ *л*. Далѣе *в* можетъ исчезнуть или измѣниться, точно также и *у* будетъ развиваться обычнымъ путемъ, а звукъ *л* сдѣлается самостоятельнымъ, т. е. будетъ входить въ сочетанія и съ другими звуками, смотря по условіямъ сочетаній.

На этомъ мы и заканчиваемъ общій обзоръ всѣхъ четырехъ различныхъ видовъ звуковыхъ измѣненій и перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ частныхъ.

А. Камскій.

*) Ѳ. П. Буслаевъ. Историческая грамматика. Изд. 2. Стр. 67.

ВУКЪ КАРАДЖИЧЬ И ЕГО СБОРНИКЪ НАРОДНЫХЪ СЕРБСКИХЪ ПЪСЕНЬ.

I.

Съ конца прошлаго и начала нынѣшняго столѣтія во всѣхъ новѣйшихъ литературахъ Европы открылось усиленное изученіе старины. Этотъ интересъ къ познанію и уразумѣнію прожитаго прошлаго возникъ не въ силу простого любопытства, а былъ неизбѣжнымъ, естественнымъ слѣдствіемъ какъ самой жизни, такъ и науки. Бытовыя и историческія условія породили и новую литературную теорію—романтизмъ. Классицизмъ къ концу XVIII вѣка изжился и пересталъ удовлетворять жизненнымъ потребностямъ ума и сердца. Протестомъ противъ него и былъ романтизмъ.

Настоящая родина романтизма Германія, гдѣ онъ явился не исключительно въ силу національныхъ условій быта и исторіи; на возникновеніе его повліялъ и тотъ новый общественный строй, который появился во Франціи, послѣ того какъ пала старая монархія. Романтизмъ на германской почвѣ выразился прежде всего въ отрицаніи классическихъ формъ, въ возвратѣ къ вѣчно-живымъ источникамъ поэзіи,—къ преданію, легендѣ, народному творчеству. Цѣлыя массы ученыхъ спускаются въ народныя хижины, прислушиваются къ разговорамъ народной рѣчи, собираютъ сказки, пѣсни, преданія, переходятъ къ полному обожанію этой народной дѣйствительности, спускаются не въ міръ идеальный, а реальный, къ быту простого народа.

Возвращеніе къ сентиментальному созерцанію среднихъ вѣковъ, съ ихъ феодализмомъ и мистицизмомъ, сдѣлалось для нѣмецкихъ романтиковъ любимѣйшею темою. Это увлеченіе средневѣковымъ бытомъ, народною поэзіею въ концѣ—концовъ достигло крайнихъ беспорядоч-

ныхъ размѣровъ; нѣмецкій романтизмъ дошелъ до того, что сдѣлался тормазомъ освободительныхъ идей и поклонникомъ средневѣковыхъ формъ жизни.

На томъ основаніи, что въ средніе вѣка, не смотря на разъединенность сословій, ярко выступало единство міровозрѣнія всѣхъ слоевъ феодальнаго общества, а поэзія и народная жизнь, которая и должна быть единственнымъ содержаніемъ поэтическаго творчества, находились въ гармоніи между собою, нѣмецкіе писатели того времени, стремясь къ достиженію этой гармоніи поэзіи и народной жизни, проповѣдовали о необходимости возстановить средневѣковой романтической міръ въ церкви, государствѣ и народной жизни. Это мнѣніе до такой степени распространилось среди нѣмецкихъ романтиковъ и увлекло ихъ до того, что Шлегель осмѣлился провозгласить растительное прозябаніе самымъ истиннымъ состояніемъ человѣческой жизни. Нельзя однако сказать, чтобы романтизмъ на германской почвѣ не принесъ ничего, кромѣ вреда. Нѣтъ, онъ принесъ значительную даже пользу: онъ окончательно разорвалъ связь съ литературными теоріями классицизма, возвратился къ лѣтописямъ, хроникамъ, къ народной жизни. Цѣлый міръ новыхъ ощущеній и невѣдомыхъ чувствъ, сильныхъ стремленій открылся уму, когда люди познакомились съ своимъ прошедшимъ.

Нѣсколько иной характеръ принялъ романтизмъ во Франціи. Здѣсь романтической протестъ принялъ революціонный характеръ и, въ силу полного разрыва съ прошедшимъ, протестъ этотъ привелъ не къ увлеченію стариной, а къ исканію освобождающихъ идей и формъ. Когда Франція познакомилась съ богатствомъ иностранныхъ литературъ, романтизмъ ея принялъ космополитическій оттѣнокъ на почвѣ національности.

Съ конца XVIII и начала XIX ст., подъ вліяніемъ освободительныхъ идей XVIII в., проявляется національное самосознаніе, сказывается привязанность къ родному языку, къ своему прошлому и у тѣхъ славянскихъ племенъ, которыя послѣ долгой и упорной борьбы съ

племенами другихъ народностей за сохраненіе своей независимости и народности принуждены были отъ изнеможенія и другихъ обстоятельствъ смириться, подпасть подъ чужое иго, носить постыдное названіе раба, затаить и подавить въ себѣ всѣ естественныя проявленія правъ человѣка, временно забыться и погрузиться въ эпилептическое состояніе. Героями-страдальцами такими, по преимуществу, являются Сербы и Чехи, долгая борьба послѣднихъ за независимость и національность и ихъ окончательное паденіе представляетъ, по выраженію Тальви, «одну изъ самыхъ поражающихъ трагедій, какія только можно найти въ человѣческой исторіи». Съ конца XVIII в. у Славянскихъ племенъ съ особенною силою сказываются восторженные порывы національнаго возрожденія. Обращеніе къ старинѣ, знакомство съ произведеніями чисто народнаго творчества и начинается сказываться прежде всего у Чеховъ и Сербовъ.

II.

Изъ всѣхъ славянскихъ племенъ самымъ поэтическимъ является Сербское племя. Нигдѣ нельзя встрѣтить такого роскошнаго обилія пѣсни, такого живучаго народнаго творчества, какъ у Сербовъ. Въ пѣснѣ, какъ въ зеркалѣ, отражается весь духовный міръ сербовъ, все ихъ прошлое, горе и радости, мысли и чувства, нравы и обычаи, словомъ вся ихъ жизнь. До XV в. произведенія народнаго творчества не попадали на страницы книги, они жили только въ устахъ народа; съ XV в. народная поэзія начинаетъ проникать и въ литературу и въ первый разъ подъ перомъ Дубровницкихъ поэтовъ, которые вносили въ свои произведенія отрывки чисто народныхъ пѣсенъ. Въ XVII и XVIII в. существовали уже, какъ свидѣлствуютъ новѣйшія открытія, цѣлые сборники народной поэзіи, которые, впрочемъ, не получили надлежащей извѣстности и оцѣнки. Всемирную извѣстность и достойную оцѣнку сербская народная поэзія получила только въ первой четверти

настоящаго столѣтія, когда вышелъ въ свѣтъ сборникъ народныхъ Сербскихъ пѣсенъ Вука Караджича. Прежде чѣмъ перейдемъ къ разбору Сербскихъ народныхъ пѣсенъ, познакомимся съ личностью Вука Караджича, какъ собирателя и издателя поэтической сокровищницы своего народа.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ родился 26 Октября 1787 г. въ Сербіи, въ селѣ Трпичѣ, въ странѣ, гдѣ легенды, старые обычаи, преданія, пѣсни сохранились въ полной силѣ. Еще ребенкомъ, Вукъ прислушивался къ рассказамъ и пѣснямъ, распѣваемымъ то домашними, то странствующими гусларами. Онъ обладалъ удивительною способностію скоро и точно запоминать разъ слышанную пѣсню, легенду, рассказъ. Мотивъ и слова разъ спѣтой пѣсни оставались у него навсегда въ памяти. Въ родной еще деревнѣ онъ научился читать и писать и притомъ такъ рано, что не помнитъ даже времени, когда былъ неграмотнымъ. Первымъ учителемъ его былъ его родственникъ Іефта Савичъ. Характеренъ и самый способъ обученія Вука грамотѣ: Савичъ разведетъ бывало пороху въ водѣ, возьметъ клочокъ патронной бумаги, да и давай писать буквы и заставлятъ Вука учить ихъ. Затѣмъ, Савичъ добылъ откуда-то букварь, по которому и учился Вукъ чтенію. На первыхъ порахъ Вукъ до того увлекся своимъ букваремъ, что всегда носилъ его при себѣ и никого не пропускалъ, чтобы не спросить—такъ ли онъ читаетъ то или другое мѣсто. Въ 1795 г., когда Вуку было 8 лѣтъ, селянинъ Гргуревичъ открылъ небольшое училище въ Лозницѣ, куда отецъ и послалъ своего маленькаго сына. Здѣсь Вукъ повторилъ азбуку и принялся, по тогдашнему обычаю, за Часословъ и уже довольно бойко читалъ эту книгу, какъ на бѣду появилась чума въ этомъ городѣ, и ученики должны были, конечно, разѣхаться по домамъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ отецъ послалъ его въ другую школу въ Трionoшскій монастырь. Сербскіе монахи, по рассказамъ Вука, проводили свое время въ молитвахъ и заботахъ о своемъ хозяйствѣ, и ученики ихъ не столько

учились, сколько занимались другими дѣлами; младшіе изъ учениковъ пасли козъ, овецъ, ходили за плугомъ, собирали сѣно, топили печки, а старшіе ходили съ монахами за милостыней для монастырей. Отецъ Вука, нанимавшій пастуха для своихъ козъ, не могъ равнодушно смотрѣть на то, что сынъ его, вмѣсто того чтобы учиться, пасъ монастырскихъ козъ.

«Если такъ», сказалъ Стефанъ, отецъ Вука, «то иди лучше домой и паси своихъ козъ» и взялъ сына изъ монастыря. Дома молодой пастухъ, отъ нечего дѣлать, среди утесистыхъ горъ, шума лѣсовъ, журчащихъ потоковъ, крика вьющихся надъ его головою птицъ, спокойно записывалъ народныя пѣсни. Стефанъ желалъ видѣть въ своемъ сынѣ купца или священника, а потому и заботился объ его образованіи. Ему досадно было, что его «бойкое дитя» пасеть козъ и, пожалуй, останется такимъ же простымъ селяниномъ, каковъ былъ и онъ. Стефанъ купилъ ему Житіе Алексія, челоуѣка Божія, Жертву Авраамову, мѣсяцесловъ и Требникъ. На семнадцатомъ году Вукъ въ своемъ селѣ сталъ уже учивѣйшимъ молодымъ челоуѣкомъ, за то и пользовался особеннымъ уваженіемъ. Женщины, которыя, по сербскому обычаю, цѣлуютъ лишь старшимъ мужчинамъ руку, подходили и къ его рукѣ; на свадебныхъ или именинныхъ пирахъ ему предоставляли мѣсто или первое, или подлѣ священника; на мірскія сходки его приглашали вмѣсто отца; даже самъ владѣтель Трпича Бегъ-Сулейманъ призывалъ его къ себѣ, въ качествѣ писаря, когда пріѣзжали для сбора податей съ селъ, и, въ знакъ особаго уваженія къ Вуку, сажалъ его вмѣстѣ съ собой за обѣденную софру. Отецъ совѣтовалъ сыну итти въ какой-нибудь городъ и сдѣлаться купцомъ или проситься въ священники. Вуку хотѣлось еще учиться, а въ Сербіи было негдѣ. Онъ просилъ отца отпустить его для этой цѣли въ Срѣмъ, но отецъ и слышать объ этомъ не хотѣлъ. Въ это время (1804 г.) началось возстаніе, подъ предводительствомъ Георгія Чернаго, къ которому примкнулъ и отецъ Вука. Скоро Стефана отпустили до-

мой, а вмѣсто него потребовали сына въ виду того, что чувствовалась при отрядѣ нужда въ грамотномъ чело-
вѣкѣ.

Турки напали на Ядрскій округъ и совершенно опустошили его. Домъ Стефана сгорѣлъ, стада угнали, и Стефанъ изъ зажиточнаго селянина сдѣлался почти нищимъ. Вукъ сталъ опять проситься у отца и матери отпустить его въ Срѣмъ, въ противномъ случаѣ, грозилъ имъ сдѣлаться гайдукомъ. «Если такъ, то Богъ съ тобой», сказали ему родители и благословили въ путь. Вукъ 17 лѣтъ прибылъ къ Карловицы. Здѣсь годъ учился онъ дома, годъ занимался въ школѣ латинской, нѣмецкой и славянской грамматиками; на третій годъ онъ хотѣлъ было поступить въ гимназію, но было уже поздно, его не приняли на томъ основаніи, что ему было уже 19 лѣтъ, его увѣряли, что онъ достаточно образованъ, чтобы сдѣлаться въ Сербіи попомъ или писаремъ. Въ Карловцахъ Вукъ въ первый разъ услышалъ о собираніи народныхъ пѣсень. Лукіанъ Мушицкій предлагалъ ученикамъ, перешедшимъ изъ Сербіи въ Срѣмъ, записать простыя сербскія пѣсни, кто какія знаетъ. Вукъ, какъ онъ самъ рассказываетъ, знаетъ тогда очень много пѣсень, но записать ни одной не смѣлъ, потому что былъ убѣжденъ, что Мушицкій смѣется надъ мальчиками, которые выросли въ лѣсу, сторожа козъ и овецъ.

Здѣсь, въ Карловцахъ Вукъ узналъ также, что на свѣтѣ есть больше наукъ, кромѣ Псалтири и Часослова, и отправился въ Петриню, гдѣ больше развлекался, чѣмъ учился. Весною 1807 г. Вукъ вернулся въ Сербію и сдѣлался писаремъ у Якова Ненадовича, который жилъ въ Лозницѣ. Здѣсь Вуку приходилось часто слышать пѣніе различныхъ пѣвцовъ. Ненадовичъ былъ страстный любитель народныхъ пѣсень и никогда почти не обѣдалъ и не ужиналъ безъ того, чтобы пѣвецъ не пѣлъ за столомъ юнацкія пѣсни. Въ 1806 году, когда Бѣлградъ былъ въ рукахъ Кара-Георгіевича, Вукъ Караджичъ переѣхалъ сюда въ качествѣ писаря правительствующаго совѣта при содѣйствіи своего прежняго учи-

теля Іефты Савича, избраннаго въ члены правительствующаго совѣта. Здѣсь онъ столкнулся съ Иваномъ Юговичемъ, человѣкомъ образованнымъ, прошедшимъ полный курсъ юридическихъ наукъ въ Пештѣ, и учился у него нѣмецкому языку. Знакомился Вукъ Караджичъ и съ нѣмецкимъ языкомъ по одной нѣмецкой книгѣ, случайно купленной имъ въ какой-то книжной лавочкѣ; въ этой книгѣ приведены были образцы поэзіи и прозы, которыя Юговичъ и переводилъ для Вука при характерной обстановкѣ. Вукъ утромъ ставилъ передъ Юговичемъ всегда бутылочку ликеру, которую онъ и попивалъ, переводя въ это время книгу, къ полудню Юговичъ обыкновенно осушалъ бутылочку, и занятія прекращались. Этотъ Юговичъ открылъ школу въ 1808 году, въ которую вступилъ и Вукъ въ качествѣ учителя. Тутъ Вукъ созналъ недостатокъ своего школьнаго образованія и рѣшился вознаградить его чтеніемъ книгъ.

Въ Бѣлградѣ Вукъ заболѣлъ и переѣхалъ на родину въ Тршичъ. Болѣзнь все усиливалась, скоро онъ потерялъ способность владѣть лѣвою ногою. Для поправленія своего здоровья, Вукъ отправился пользоваться минеральными водами, но помощи никакой не могъ получить. Пришлось взять костыль для лѣвой ноги, съ которымъ онъ не разставался во всю свою жизнь. «Со штулой», говоритъ Караджичъ, я уже не могъ думать ни о конѣ, ни о войнѣ, и волей-неволей долженъ былъ привыкать, сколько могъ, къ жизни домохозяина. Не будь со мною штулы, я бы, можетъ быть, былъ убитъ туркомъ, какъ множество другихъ моихъ сверстниковъ; а штула моя заставила меня искать покоя, покойнаго чтенія книги, покойнаго записыванія на бумагѣ того, что слышало ухо и видѣли глаза.» Въ концѣ 1810 года Вукъ Караджичъ возвратился въ Бѣлградъ и сдѣлался учителемъ бѣлградской школы; затѣмъ былъ секретаремъ у откупщика перевозовъ и таможенъ въ Кладовѣ; а въ 1813 г. былъ назначенъ правителемъ уѣзда Брзо-Паланки, на обязанности котораго лежали и судебныя дѣла. Разбирая дѣла крестьянъ, Вукъ, для памяти, изъ

простой любознательности, записывалъ каждое незнакомое ему слово. Въ этомъ же году Вукъ прибылъ въ Вѣну, самъ не зная и не думая, что изъ него будетъ.

Здѣсь онъ познакомился съ знаменитымъ Копитаромъ, и это знакомство имѣло громадное вліяніе на всю его дѣятельность. Копитару въ это время подлежала, между прочимъ, цензура журнала; «Сербске Новине», издателями котораго были Давидовичъ и Фрушичъ. Однажды Вукъ написалъ статью о паденіи Сербіи и, въ видѣ письма къ Георгію Черному, передалъ ее въ цензуру. Статья была написана на простомъ народномъ Сербскомъ языкѣ и обратила на себя этимъ самымъ вниманіе ученаго Копитара. Копитаръ познакомился съ Вукомъ и сблизился съ нимъ. Между разговорами была рѣчь и о народныхъ сербскихъ пѣсняхъ. Замѣтивъ, что Вукъ знаетъ ихъ очень много, Копитаръ убѣдилъ его записать ихъ и издать. Занятіе это Караджичу понравилось и въ 1814 году вышла въ Вѣнѣ: «Мала простонародна Словено сербска песнорица». «Тутъ нѣтъ ни одной пѣсни, говоритъ Караджичъ, которую бы духъ воображенія, обогащенный чтеніемъ книгъ, измышлялъ по правиламъ пѣснотворчества, но всѣ онѣ такіа, которыя сердце въ простотѣ и въ невинности пѣло, не заботясь о художествѣ, сообразуясь съ природою. Хотя я и не пѣвецъ, но эти пѣсни я помнилъ, когда 12 лѣтъ тому назадъ, живя въ самомъ счастливомъ положеніи смертныхъ, стерегъ овецъ и козъ». Издавая первую свою книгу, Вукъ Караджичъ думалъ, что народныя пѣсни не только могутъ, но и должны быть поправляемы. Онъ дѣйствительно въ «Малой Песнорицѣ» поправлялъ языкъ, измѣнялъ и выпускалъ нѣкоторыя мѣста пѣсенъ. О необходимости переработки народныхъ пѣсенъ Вукъ прямо говорить, что когда будутъ изданы отдѣльныя собранія народныхъ пѣсенъ и найдется какой-нибудь пѣснотворецъ, понимающій правила стихосложенія, тому приличіе всего будетъ собрать всѣ эти сборники и пересмотрѣть, а нѣкоторыя пѣсни и самому, по вкусу своему и сообразно съ характеромъ своего народа, соста-

вить, чтобы, такимъ образомъ, изъ всѣхъ малыхъ сборниковъ составилъ одинъ большой. Въ «Малую Песнорицу» Вука Караджича вошли только тѣ пѣсни, которыя онъ самъ зналъ и помнилъ; всѣхъ пѣсенъ въ этотъ первый его сборникъ вошло 106, изъ которыхъ 100 женскихъ и 6 мужскихъ. Группируя пѣсни, Вукъ Караджичъ пришелъ къ заключенію о мѣстномъ распредѣленіи народныхъ пѣсенъ. Всѣ народныя пѣсни онъ дѣлитъ на юнацкія, героическія, сопровождаемыя аккомпаниментомъ гуслей, и женскія, исполняемыя женщинами однимъ голосомъ безъ аккомпаниента гуслей. Гдѣ удержались гусли и искусство владѣть ими, тамъ поются юнацкія пѣсни, гдѣ же это искусство утрачено, тамъ героическія эпопеи забыты. По всей Босніи, Герцеговинѣ и по всей гористой южной границѣ, въ каждомъ домѣ можно было найти гусли и умѣвшихъ владѣть ими. Въ низменныхъ областяхъ княжества по берегамъ Саввы и Дуная гусли были рѣдкостью. Въ провинціяхъ же Австріи, въ Сръмѣ и Банатѣ гуслиями владѣли лишь нищіе слѣпцы, которые сопровождали ими свои просьбы. У сербовъ, поселившихся въ Венгріи, Вукъ совсѣмъ не находилъ гуслей, за исключеніемъ нѣкоего Берича, у котораго онѣ висѣли на стѣнѣ безъ употребленія, такъ какъ никто не умѣлъ въ семьѣ играть на нихъ.

Послѣ перваго своего труда Вукъ Караджичъ, по совѣту Кошитаря, ѣздилъ въ Сръмъ, Банатъ, Карловицы и тамъ собиралъ народныя пѣсни. Во время своего пребыванія въ Карловицахъ, Вукъ встрѣтилъ нѣкоего Тешана Подруговича, отъ котораго онъ узналъ много пѣсенъ. Этотъ Подруговичъ былъ родомъ откуда-то изъ мѣстъ, лежащихъ между Герцеговиной и Босніей; сначала занимался онъ торговлею, но послѣ, убивъ одного турка, предался гайдучеству. Подруговичъ очень хорошо владѣлъ гуслиями, однако не пользовался ими при воспроизведеніи народныхъ пѣсенъ; пѣсни свои онъ сказывалъ. Вукъ Караджичъ цѣнилъ болѣе искусство сказывать, нежели пѣть. Другимъ пѣвцомъ, о которомъ упо-

миваетъ Вукъ, былъ Филиппъ Вишничъ, родомъ изъ Зворницкаго округа. Будучи еще ребенкомъ, онъ ослѣпъ отъ оспы. Этотъ Вишничъ зналъ очень много народныхъ пѣсенъ и даже самъ сочинялъ ихъ. Караджичъ воспользовался его знаніемъ и записалъ отъ него не мало пѣсенъ. Другихъ пѣвцовъ Вукъ не называетъ, но, вообще, большинство такого рода пѣвцовъ и сказывателей выходило изъ слѣпцовъ—стариковъ, путниковъ и гайдуковъ. Слепцы и путники скитались по всей Сербіи, посѣщали богомолья, храмовые праздники, ярмарки и вездѣ распѣвали пѣсни. Гайдуки, переходя изъ мѣстности въ мѣстность, повсюду распѣвали и разносили свои пѣсни. Такимъ образомъ, пѣсня переходила изъ устъ въ уста, изъ мѣстности въ мѣстность, такъ что нѣтъ почти никакой возможности указать на мѣстность, гдѣ сложилась та или другая пѣсня; объ авторѣ пѣсни и говорить нечего. Никто не вмѣняетъ себѣ, по выраженію Вука, въ славу сложить пѣсню. Путешествіе Караджича имѣло то значеніе, что по возвращеніи въ Вѣну, Вукъ издалъ вторую книгу своей «Песнорицы» и посвятилъ ее Копитару.

Копитаръ, въ своей рецензіи на эту книгу, сравниваетъ эпосъ Сербскій съ эпосомъ Гомера. Къ рецензіи своей онъ приложилъ нѣмецкій переводъ нѣсколькихъ пѣсенъ, чѣмъ и заинтересовалъ нѣмецкую литературу. Съ этого времени Вукъ Караджичъ сталъ извѣстенъ образованному міру. Ему пришлось побывать въ Россіи и въ Германіи и вездѣ онъ встрѣчалъ самый радушный пріемъ и уваженіе. Во время своего путешествія онъ знакомился съ людьми науки. Такъ, въ Россіи онъ познакомился съ Срезневскимъ, Карамзинымъ, Румянцевымъ, былъ избранъ членомъ Московскаго общества любителей Россійской словесности; въ Германіи онъ познакомился съ такими замѣчательными личностями, какъ Яковъ Гриммъ и Гёте, удостоенъ былъ диплома отъ Іенскаго университета на степень доктора философіи и избранъ въ члены Геттингенскаго ученаго общества. Былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Ранке,

Добровскимъ, Тальви, а Давичича и Миклошича считалъ своими учениками.

Особенную извѣстность прибрѣлъ онъ съ тѣхъ поръ, какъ выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе Сербскихъ народныхъ пѣсенъ. Первые три тома этого изданія вышли въ Лейпцигѣ (1823—1824), четвертый томъ вышелъ въ Бечѣ 1833 г. Третій томъ этого изданія Караджичъ посвятилъ князю Сербіи Милошу Обреновичу, который способствовалъ какъ собиранію, такъ и изданію пѣсенъ. Вукъ высоко цѣнилъ содѣйствіе князя въ этомъ дѣлѣ; заслугу князя онъ ставилъ на ряду съ другими его государственными заслугами. «Когда Сербы узнаютъ лучше свои народныя пѣсни», говорилъ Караджичъ, «тогда они будутъ вполне способны оцѣнить заслугу Милоша Обреновича». Знаніе пѣсенъ должно было, по мнѣнію Вука, служить подъемомъ Сербскаго духа; цѣною лишь этого знанія Сербы могли стать на уровень тѣхъ великихъ событій, которыми съ 1814 г. сталъ руководить Милошъ Обреновичъ. Пѣсни въ этомъ изданіи безъ всякихъ измѣненій со стороны Вука Караджича; теперь онъ не позволялъ себѣ никакихъ поправокъ и передѣлокъ; все необходимое объяснено, обращено вниманіе на языкъ, слогъ и размѣръ народныхъ пѣсенъ.

Вся Европа обратила вниманіе на это изданіе. Замѣчательнѣйшія личности того времени были поражены и удивлены эпическою геніальностью Сербскаго нецивилизованнаго народа. Въ «Cöttingische gelerte Anzeigen» находимъ такой отзывъ о сербскихъ народныхъ пѣсняхъ: «Эти Сербскія пѣсни не выисканы изъ старыхъ пергаменовъ; онѣ всѣ приняты изъ теплыхъ устъ народа; быть можетъ, прежде онѣ никогда не были записаны, такъ что въ этомъ смыслѣ онѣ вовсе не древни, но онѣ сдѣлаются древними. Нѣкоторыя изъ пѣсенъ воспѣваютъ подвиги, совершенные не далѣе двадцати лѣтъ. И нельзя услѣдить, чтобы пѣсни, имѣющія предметомъ болѣе старыя, т. е. неопредѣленные событія народныхъ преданій, отличались отъ нихъ въ стилѣ и ма-

нерѣ. Эти пѣсни нельзя и сравнивать съ такъ называемыми народными пѣснями нѣмецкими. Нѣмецкія пѣсни отличаются въ формѣ такую грубостью, какая свойственна простонароднымъ нарѣчіямъ, въ содержаніи безсвязностью, неловкостью. Сербскія же пѣсни отличаются чистымъ, благороднымъ языкомъ, въ разсказѣ полны, незапутанны и ясны съ начала до конца. Въ сербскихъ земляхъ нѣтъ простонароднаго площаднаго нарѣчія, по крайней мѣрѣ, въ такой рѣзкой разницѣ, какъ у нѣмцевъ. Собиратель могъ все записывать прямо изъ устъ народа, не перемѣняя ничего въ словахъ и манерѣ. Съ двадцатыхъ годовъ въ европейской литературѣ начинается рядъ переводовъ сербскихъ народныхъ пѣсенъ на нѣмецкій, французскій, англійскій, итальянскій, мадьярскій, русскій, чешскій. Тальви, переведившая на нѣмецкій языкъ пѣсни сербскаго народа и занимавшая народною поэзіею ихъ, такъ отзывается: «Поэзія Сербовъ самымъ тѣснымъ образомъ связана съ ихъ обыкновенною жизнію. Это картина ихъ мыслей, чувствъ, дѣйствій и страданій; это поэтическое воспроизведеніе разныхъ положеній массы людей, составляющихъ народъ. Въ комнатахъ, гдѣ сидятъ у очага женщины за вязаньемъ,—въ горахъ, гдѣ псарни пасутъ вои стада,—на площадяхъ, гдѣ деревенская молодежь собирается танцовать коло,—на равнинахъ, гдѣ собирается, въ лѣсахъ, черезъ которые проѣзжаетъ одинокій путешественникъ,—ездѣ раздается пѣсня. Пѣсня сопровождаетъ всякую работу и часто относится къ ней. Сербъ живетъ своей поэзіей». Далѣе, Тальви говоритъ, что ни одинъ изъ новѣйшихъ народовъ не можетъ сравниться съ ними въ эпической производительности: «Сербь какъ будто бросили свѣтъ на великія произведенія древнихъ. Такимъ образомъ, мы безъ преувеличенія можемъ назвать изданіе Сербскихъ пѣсенъ однимъ изъ замѣчательныхъ событій новѣйшаго времени».

Вукъ Караджичъ послѣ этого изданія не переставалъ заниматься собираніемъ народныхъ пѣсенъ. Въ 1841 г. онъ началъ новое изданіе сербскихъ пѣсенъ; въ

этомъ году вышелъ первый томъ его новаго изданія, подъ прежнимъ названіемъ: «Српске Народне піесме скупио их и на свијет издао Вук. Стеф. Караџић». Въ первомъ томѣ собраны однѣ только женскія пѣсни (793); второй томъ появился въ 1845 г., третій въ 1846, въ нихъ вошли однѣ только юнацкія пѣсни: во второй — пѣсни съ содержаніемъ изъ стараго времени (101), въ третій — къ тому времени, когда Сербское государство окончательно подпало подъ власть турокъ, и народъ стоналъ подъ ихъ игомъ и претерпѣвалъ всевозможныя бѣдствія и мученія отъ своихъ деспотовъ, высасывавшихъ у нихъ всѣ матеріальныя и убивавшихъ всѣ умственныя средства; четвертый томъ, вышедшій въ 1862 году, заключаетъ въ себѣ пѣсни (62), содержаніемъ которыхъ служатъ новѣйшія событія борьбы сербовъ съ турками. Черезъ два года послѣ выхода въ свѣтъ послѣдняго тома сербскихъ народныхъ пѣсенъ, этотъ замѣчательный талантливый человѣкъ, великій знатокъ жизни своего народа, умѣвшій понять и оцѣнить гениальное творчество сербскаго народа, неутомимый труженикъ науки, богато одаренный умомъ, создатель сербской національной литературы, реформаторъ сербскаго литературнаго языка и орфографіи, — человѣкъ, которымъ Сербія, по справедливости, гордится, прекратилъ свое земное существованіе въ Вѣнѣ 26-го Января 1864 г. Надъ его могилой воздвигнуть памятникъ съ замѣчательно скромной надписью:

«Вук Стеф. Караџић. 1864 г.».

III.

Познакомившись съ жизнью и дѣятельностью Вука Караджича, какъ собирателя и издателя Сербскихъ народныхъ пѣсенъ, перейдемъ къ самымъ народнымъ пѣснямъ, собраннымъ имъ и изданнымъ. Уже Вукъ Караджичъ дѣлитъ всю Сербскую народную поэзію на два отдѣла: пѣсни юнацкія и пѣсни женскія. Юнацкія пѣ-

сни иначе называются эпическими или героическими. Въ нихъ возстаетъ передъ нами вся жизнь Сербовъ, все ихъ прошедшее, вся ихъ четырехъ-сот-лѣтняя борьба съ Турками, богатая неслыханными подвигами героизма; години рабства и счастливое правленіе Нѣманичей съ живостью возстаютъ въ этихъ пѣсняхъ. Юнацкія пѣсни производятъ впечатлѣніе одной цѣльной поэмы. «Сличая рассказы», говоритъ Прейсъ, «о событіяхъ временъ древнѣйшихъ съ новѣйшими, не находимъ рѣзкаго между ними различія ни въ тонѣ, ни въ слогѣ, ни въ приемахъ и оборотахъ эпическихъ. Тѣ и другія кажутся произведеніями одного лица. Правда, въ древнѣйшихъ пѣсняхъ на сценѣ являются преимущественно Сербы, въ новѣйшихъ большею частию изображается борьба Сербовъ съ Турками; въ первыхъ герои сражаются мечами, стрѣлами, копьями, во вторыхъ господствуетъ уже огнестрѣльное оружіе. Эпическій стиль— работа вѣковъ и поколѣній остается вездѣ одинъ и тотъ же: силѣ его подчиняется талантъ народнаго поэта, какъ бы онъ ни былъ оригиналенъ и изобрѣтателенъ». Отличительными чертами сербскихъ героическихъ пѣсенъ являются объективность и пластичность. Поэтъ, представитель всего народа, рисуетъ богатырскіе подвиги юнаковъ выдающимися чертами, языкомъ простымъ и вмѣстѣ живописнымъ, чистымъ, благозвучнымъ, пластичнымъ, часто прибѣгаетъ къ сравненіямъ, уподобленіямъ и повтореніямъ. Стихотворная форма ихъ, согласная съ просодіею языка, вездѣ одинакова. Стихъ всегда состоитъ изъ 10 слоговъ, постоянная цезура въ четвертомъ слогѣ. Это правило соблюдается до того строго, что отступленія отъ него не находится почти ни въ одной изъ героическихъ пѣсенъ. Риѣмы вѣтъ, иногда только попадаютъ созвучія. И по содержанію, и по языку, и по приѣмамъ Сербскія героическія пѣсни представляютъ собою одну цѣльную народную эпопею. Съ эпосомъ Сербовъ не можетъ сравниться не только эпосъ современныхъ европейскихъ народовъ, но даже и эпосъ прочихъ Славянскихъ племенъ. Если и можно сравнивать его,

то только съ эпосомъ древнихъ Грековъ, съ поэзіею Гомеровской.

Юнацкія пѣсни, содержаніемъ которыхъ служатъ событія того періода жизни Сербскаго народа, который непосредственно примыкаетъ къ началу борьбы Сербовъ (XIV в) съ Турками, могутъ быть названы самыми древними. Болѣе древнихъ пѣсень, пѣсень относящихся къ древнѣйшей порѣ ихъ жизни, народная память не удержала. Совсѣмъ почти нѣтъ пѣсень изъ того періода жизни Сербовъ, когда они боролись съ Печенѣгами, Болгарами, Нѣмцами, Венграми, Греками. Этотъ пробѣлъ въ народномъ Сербскомъ эпосѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что съ одной стороны народъ относился несочувственно къ этой постоянной, а иногда и не имѣющей значенія для него борьбѣ, съ другой—что почти пяти-вѣковая борьба съ Турками затмила своимъ героизмомъ все предшествовавшее ей. Последнее мнѣніе, быть можетъ, самое вѣрное. Что пѣсни въ этотъ періодъ существовали, нельзя сомнѣваться, судя по нѣкоторымъ извѣстіямъ греческихъ писателей. Народный эпосъ сохранилъ только самыя темныя воспоминанія о древнѣйшей порѣ. Остатки древнихъ мифологическихъ представленій, стараго быта и эпическихъ преданій встрѣчаются только въ нѣкоторыхъ, очень немногихъ юнацкихъ пѣсняхъ. Характерными чертами лицъ, дѣйствующихъ въ пѣсняхъ героевъ историческихъ пѣсень, служатъ главнымъ образомъ—воинственный духъ ихъ, богатырская удаль, жажда къ героическимъ подвигамъ, удивительная храбрость. Самая осанка ихъ, наружный ихъ видъ, внѣшность чисто богатырская. Одежда ихъ и оружіе отличаются необыкновенною цѣнностью; конь необходимая принадлежность героя и первый его товарищъ. Черты эти вполне естественны и объясняются исторіею народа. Постоянная и непрерывная борьба Сербовъ въ особенности съ Турками, развила въ нихъ воинственность, мужество, храбрость, рѣшимость и поддерживала ихъ героическій духъ. Изъ нравственныхъ сторонъ въ герояхъ Сербскаго народнаго эпоса развита

въ особенности любовь къ отечеству, любовь къ своему родному племени, родному очагу, безконечная дружба къ побратимству, т. е. къ лицу, дѣлающемуся братомъ другого, не по крови, не въ силу кровнаго родства, но единственно только по обоюдному соглашенію. Теперь посмотримъ, что служитъ содержаніемъ ювацкихъ пѣсенъ. Въ исторической послѣдовательности всѣ ювацкія пѣсни можно раздѣлить на четыре отдѣла. Къ первому отдѣлу можно причислить всѣ тѣ пѣсни, въ которыхъ отражаются черты отдаленнаго, патриархальнаго быта, а также пѣсни съ содержаніемъ общенароднымъ; ко второму—пѣсни, содержаніе которыхъ взято изъ блистательной эпохи процвѣтанія и политическаго могущества Сербіи; къ третьему—пѣсни, изображающія борьбу Сербовъ съ Турками, пѣсни о Коссовомъ полѣ и Маркѣ Краевичѣ; къ послѣднему, четвертому отдѣлу, принадлежатъ пѣсни о гайдукахъ и ускокахъ, сюда же причисляются и тѣ пѣсни, которыя рисуютъ событія новѣйшей борьбы съ Турками. Обратимся къ каждому изъ названныхъ періодовъ и разсмотримъ поподробнѣе какъ содержаніе пѣсенъ, такъ и героевъ и событія, воспѣваемые въ нихъ.

IV.

Въ древнѣйшихъ Сербскихъ пѣсняхъ, которыхъ, къ сожалѣнію, уцѣлѣло очень мало, сохранились слѣды стараго быта и древнѣйшихъ миѳологическихъ представленій. Дѣйствующими лицами въ этихъ пѣсняхъ являются вилы, змѣи, которыя вступаютъ въ связь съ человекомъ и держатъ его въ зависимости отъ себя. Христіанскія преданія перемѣшаны въ этихъ пѣсняхъ съ языческими. Такъ, на примѣръ, въ пѣснѣ «Сведи благо дијеле» разсказывается о раздѣлѣ богатствъ природы между святыми. Св. Петръ взялъ на свое попеченіе виноградъ, пшеницу и ключи отъ царствія небеснаго; Илья—молніи и громы; Пантелій—лѣтній зной, Іоаннь—кумовство и побратимство, Николай—воды. Въ пѣснѣ «Зиданѣ Скадра» слышится старинное миѳическое по-

вѣрье, что для успѣха извѣстнаго предпріятія нужна человѣческая жертва. Жертвы этой требуетъ въ сербской пѣснѣ вила. Вила въ сербскомъ эпосѣ представляется прекрасною дѣвицею, живущею въ горахъ и пещерахъ, лѣсахъ и около водъ. Она рѣдко дѣлаетъ зло, часто покровительствуетъ какому-нибудь герою, но въ высшей степени мстительна и раздражительна. Вила соотвѣтствуетъ приблизительно нашей русалкѣ. Въ пѣснѣ «Зиданѣ Скадра» вила требуетъ человѣческой жертвы. Пѣсня эта представляетъ намъ такое трогательное изображеніе материнской любви, какое не особенно часто попадается въ народной сербской пѣснѣ. Вотъ эта пѣсня. Трое братьевъ: Вукашинъ король, воевода Углѣша и Гойко строили городъ. Три года строили, но даже и основанія не могли вывести. Что работники выстроить за день, то разрушить вила за ночь. Для успѣха предпріятія, вила требуетъ заложить подъ башню сестру съ братомъ, сходныхъ по имени:—Стою и Стояна. Вукашинъ отправляетъ своего вѣрнаго слугу Десимира на поиски Стою и Стояна. Поиски остаются безъ успѣха. Вукашинъ, не смотря на это, продолжаетъ постройку города. Вила снова разрушаетъ и совѣтуетъ ему заложить подъ камень жену одного изъ братьевъ, ту именно, которая раньше другихъ принесетъ утромъ работникамъ завтракъ. Вукашинъ пересказываетъ братьямъ предложеніе и совѣтъ вилы. Братья поклялись не говорить объ этомъ женамъ и все предоставить судьбѣ. Вукашинъ и Углѣша измѣнили слову, вслѣдствіе чего первую прибыла Люба Гойки, которую и зарыли. Въ самое время процесса закладыванія, жена Гойки обращается съ просьбою, въ которой слышится патриархальная грубость, купить на деньги ея матери рабыню и заложить вмѣсто нея.

Просьба ея не была исполнена. Тогда она обратилась съ другою, новою просьбой, въ которой выражается замѣчательная материнская любовь, прорубить для груди ея отверстіе, чтобы могъ ея Ванюша кормиться материнской грудью, а также прорубить отверстіе и для

глазь, чтобы глядѣть ей на высокой теремъ, откуда будутъ выносить малютку и назадъ уносить отъ нея. Прорублены были оба отверстія, и мать кормила Ванюшу грудью не только въ первые 8 дней, пока была жива еще, но и послѣ смерти, что указываетъ на вѣрованіе въ продолжающееся сношеніе между мертвыми и живыми. Повѣрье о змѣяхъ, летающихъ къ женщинамъ, часто попадающееся во многихъ пѣсняхъ, служитъ отголоскомъ глубокой старины. Повѣрье это было сильно распространено не только у Сербовъ, но и у другихъ Славянскихъ племенъ. Древнѣйшій змѣй, по сербскимъ пѣснямъ, сынъ Будимскаго краля Милутина, отправляющійся за невѣстою къ кралю въ Призренъ; второй—Змѣй Деспоть Вукъ, сынъ слѣпца Грура и внукъ Юрія Бранковича, живущій въ Сремѣ, третій Змѣй отъ Ястребца, который леталъ къ Милицѣ, женѣ Лазаря, о которомъ рассказывается въ пѣснѣ «Царица Милица и змој од Јастрепца».

Отголоскомъ отдаленной поры родовой розни служитъ пѣсня «Наход Симеунъ». Въ этой пѣснѣ передается древнее сказаніе, очень распространенное у многихъ народовъ. Отецъ игуменъ отправляется къ тихому Дунаю зачерпнуть воды студеной, вдругъ видитъ онъ сундукъ свинцовый; отецъ игуменъ раскрываетъ сундукъ и находитъ въ немъ семидневнаго мальчика. Игуменъ окрестилъ его и назвалъ Симеономъ Найденышемъ. Симеонъ росъ быстро, къ ученію оказался весьма способнымъ, въ играхъ превосходилъ всѣхъ монастырскихъ ребятъ. Мальчики разъ, озлившись на Симеона, попрекнули его неимущимъ ни роду, ни племени и рассказали исторію его находки. Симеонъ сильно опечалился и отправился искать роду-племени. Послѣ долгихъ напрасныхъ поисковъ Симеонъ направляетъ своего коня обратно въ монастырь. Путь ему лежалъ черезъ Будимъ—городъ. Будимовской королевѣ приглянулся Симеонъ. Она его приглашаетъ къ себѣ, сажаетъ за столъ, угощаетъ виномъ и водкою, а сама не пьетъ, не ѣстъ, все

смотритъ на Симеона и, лишь только наступила ночь, королева обращается къ Симеону съ такими словами:

«Скидай платье, незнакомый витязь!
«Приглашаю тебя переночевать со мной
«И полюбить меня, королеву Будимскую».

Въ этомъ отношеніи королева Будимская сближается съ нашей Апраксѣвной, приглашавшей извѣстнаго богатыря «на долгіе вечера посидѣти, хорошія рѣчи побайти». Симеонъ, какъ и нашъ богатырь, разгоряченный виномъ, не могъ устоять противъ любезностей королевы и раздѣлил съ нею ночь. Назавтра, по утру, не смотря на неотступныя просьбы королевы погостить еще у нея нѣсколько времени, Симеонъ выѣзжаетъ изъ Будима, опечаленный всѣмъ тѣмъ, что произошло въ королевскихъ чертогахъ. На дорогѣ онъ опомнился, что забылъ въ теремѣ Евангеліе, и повернулъ коня обратно. Подъѣзжаетъ къ терему, сходить съ коня и входитъ въ палаты. Подъ окномъ сидѣла королева и плакала.

«Симеонъ ты, горькій горемыка!
«Въ часъ недобрый ты нашель родъ-племя,
«Въ часъ недобрый въ край Будимъ пріѣхаль,
«Ночеваль съ будимской королевой,
«Цѣловаль ее въ лице ты бѣлое,
«Цѣловаль свою ты мать родную».

Лишь только Симеонъ услышалъ эти слова, горько заплакалъ; поцѣловаль руку матери, вскочилъ на коня и помчался къ отцу—игумену. По пріѣздѣ въ монастырь, Симеонъ разсказалъ отцу—игумену все, что произошло въ Будимскомъ теремѣ. Игумень запираетъ Симеона въ смердную темницу и ключъ забрасываетъ въ Дунай рѣку, такъ разсуждая самъ съ собою:

«Коли выйдутъ ключи оттуда,
«И грѣхъ простится Симеону».

Черезъ девять лѣтъ рыбакъ поймалъ рыбу, во внутренностяхъ которой нашель ключъ. Рыбакъ явился къ игумену и вручилъ ему ключъ. Игумень отворилъ темницу.

«Въ ней воды какъ будто не бывало,
 «И невѣсть куда пропали годы.
 «Видить старецъ тамъ сіяетъ солнце,
 «Золотой въ срединѣ столъ поставленъ,
 «За столомъ сидитъ его Найденышъ,
 «И въ рукахъ Евангеліе держитъ.

Къ числу сказаній, распространенныхъ у разныхъ народовъ принадлежитъ и пѣсня «Богъ никомъ дужанъ не остае». Жили два брата, Павелъ и Радула, оба женатые. У нихъ проживала сестрица ихъ Елица. Братья очень любили сестру. Дарили ей подарки и однажды, въ знакъ особеннаго расположенія къ ней, подарили ей золоченый ножъ. Такое отношеніе братьевъ къ сестрѣ очень не понравились супругъ Павла. Ей, во что бы то ни стало, хотѣлось добиться того, чтобы братья вмѣсто любви питали къ сестрѣ ненависть. Средствами она не стѣснялась. Когда не удалось ей добыть зелья, при помощи котораго можно было бы достигнуть цѣли, она пустилась на слѣдующее: зарѣзала вороного коня, а потомъ и сокола, и во всемъ этомъ обвинила золовку. Павелъ не повѣрилъ. Наконецъ, она зарѣзала ножомъ золовки собственнаго своего ребенка и въ своемъ безчеловѣчномъ преступленіи обвинила золовку. Павелъ на этотъ разъ повѣрилъ женѣ. Онъ вывелъ свою сестру въ чистое поле, привязалъ ее къ лошадинымъ хвостамъ и погналъ ихъ по чистому полю.

«Гдѣ попала капля ея крови,
 «Выросли тамъ алые цвѣточки;
 «Гдѣ осталось ея бѣлое тѣло,
 «Церковь тамъ надъ нею соорудилась.

Черезъ нѣсколько времени супруга Павла захворала. Никакіе медикаменты не помогали ей. Вотъ она однажды и обращается къ мужу съ просьбою—свести ее къ золовкиной церкви, въ надеждѣ получить исцѣленіе. Подходя къ церкви, она услышала голосъ:

«Не входи молодая Павлиха,
 «Здѣсь не будетъ исцѣленья.

Услышавъ этотъ голосъ, больная просить мужа поступить съ нею такъ, какъ онъ поступилъ съ своею сестрою Елицей.

- «Своей Любы послушался Павелъ,
 «Привязалъ ее къ хвостамъ своихъ коней,
 «И погналъ по чистому полю.
 «Гдѣ попала капля крови,
 «Выросли тамъ терніе и крапива;
 «Гдѣ осталось бѣлое ея тѣло,
 «На томъ мѣстѣ озеро образовалось.
 «Воронъ конь по озеру выплываетъ,
 «За конемъ золоченая люлька,
 «На той люлкѣ сидитъ соколь-птица,
 «Лежитъ въ люлкѣ маленький мальчикъ.
 «Рука матери у него подъ горломъ,
 «Въ той рукѣ теткинъ ножъ золоченый.

Такой безчеловѣчный поступокъ матери, рѣшившейся пожертвовать собственнымъ даже ребенкомъ изъ ненависти къ золовкѣ, объясняется полною отчужденностью жены отъ родни мужа. Вообще, нужно замѣтить, что женщина въ юнацкихъ пѣсняхъ представляется не въ очень привлекательномъ свѣтѣ. Она гораздо ниже мужчины, вполне зависима отъ него, черты характера ея болѣе мрачны, нежели свѣтлы. Женщина въ большинствѣ юнацкихъ пѣсень представлена существомъ, на вѣрность, дружбу и любовь котораго положиться нельзя. То обстоятельство, что жены во многихъ юнацкихъ пѣсняхъ изображены невѣрными своимъ мужьямъ, объясняется отчасти очень частымъ отсутствіемъ послѣднихъ.

Въ пѣснѣ «Милан-бег и Драгутин-бег» выставляется на видъ пагубное вліяніе женщины. Братья Миланъ и Драгутинъ жили въ мирѣ, любви и согласіи. Миланъ задумалъ жениться, Драгутинъ отговариваетъ его на томъ основаніи, что жена непременно поссоритъ ихъ. Миланъ не послушался и женился. Молодая жена возненавидѣла Драгутина и довела своего мужа до того, что тотъ погубилъ его. Милану скоро жаль стало своего родного

брата. Онъ пріѣзжаетъ домой, входитъ въ теремъ жены и, въ припадкѣ сильнаго гнѣва на жену за смерть брата, выбрасываетъ ее изъ окна на мощный дворъ. Затѣмъ, съ горя и печали онъ покидаетъ родной очагъ и отправляется бродить по бѣлому свѣту. Пѣсенъ съ подобными чертами встрѣчается не мало. Таковъ мотивъ въ пѣснѣ «Муѵо-Алиѵа»; подобныя же черты находимъ мы и въ пѣсняхъ: «Радул-бег и Бугарски крал Шипман», «Диѵ оба Јакшича», «Јакшичи кушаѵ ѵубе». Вездѣ почти повторяется одинъ мотивъ: чистая, искренняя любовь двухъ братьевъ, ссора ихъ или раздѣлъ, непремѣнное участіе въ ссорѣ жены одного изъ братьевъ и гибель одного изъ нихъ по навѣтамъ и подстрекательствамъ женщины. Нельзя сказать, чтобы во всѣхъ пѣсняхъ женщина выставлялась въ такомъ мрачномъ свѣтѣ. Есть много юнацкихъ, не говоря уже о женскихъ пѣсняхъ, о которыхъ будетъ упомянуто ниже, гдѣ женщина выставляется въ самомъ привлекательномъ свѣтѣ: она нѣжна, любитъ чисто и пламенно, до самоотверженія, привязана къ своему милому или мужу, способна на проявленіе всѣхъ благороднѣйшихъ чувствъ и въ нравственномъ отношеніи прекрасна.

Изъ пѣсень, въ которыхъ отражаются древніе общенародные обычаи, назовемъ еще одну. Это «Женидба Ива Голотрба». Эта пѣсня принадлежитъ къ разряду пѣсень про похищеніе невѣсты. Извѣстно, что первую древнѣйшею формою брака, не только у славянскихъ племенъ, но и другихъ народовъ, было похищеніе невѣсты и насильственный ея увозъ. Въ сербской пѣснѣ Иванъ, по прозванію Голая Котомка, похищаетъ свою невѣсту обманомъ. Дѣло произошло такимъ образомъ. Иванъ, по прозванію Голая Котомка, далъ зарокъ не жениться ни на сербкѣ, ни на латинянкѣ, а во что бы ни стало, на дочери Аги Османа изъ турецкаго Удбинаграда. Привести въ исполненіе свое желаніе Иванъ могъ только хитростью и лукавствомъ, другими средствами достигнуть этого было нельзя. Онъ одѣвается въ богатое платье, садится на добраго коня и ѣдетъ прямо

въ Удбину. На слѣдующій день рано утромъ онъ былъ уже въ Удбинѣ и стоялъ возлѣ терема Османа. Видить: кто-то свѣсилъ изъ окошка руку. Ваня шопотомъ спрашиваетъ:

«Чья рука въ окошко показалась?
«Вдовицы-ли, или красы-дѣвицы?»

Изъ окна послышался голосъ; «Не вдовицы, а красы-дѣвицы, милой дочери Аги-Османа!» Говорить ей Ваня: О, Фатима, красная дѣвица! покажись, выгляни изъ окошка, чтобы могъ я вдоволь наглядѣться. Приходилъ я, кланялся три раза твоему отцу и просилъ тебя себѣ въ замужество, но онъ и слушать не хочетъ. Фатима поинтересовалась его именемъ и родомъ. Ваня называлъ себя Баградскимъ Муйо. Фатима упрасиваетъ его подождать немного и попросить вмѣстѣ съ нею своего отца. Ваня отвѣчаетъ, что далъ себѣ влѣтву больше не ѣздить къ Осману и при этомъ дѣлаетъ ей такое предложеніе:

«Коли хочешь вѣковать со мною,
«Соберись ты, приберись въ дорогу,
«Подожду я полчася не долго,—
«Выходи, садися и поѣдемъ.»

Фатима соглашается и чрезъ полчася выходитъ къ Ванѣ и убѣгаетъ вмѣстѣ съ нимъ изъ Удбина-града. По дорогѣ въ свой родной городъ, Ваня открываетъ ей, кто онъ и откуда. Подѣзжая къ Янску, онъ встрѣтился съ Баградскимъ Муйо и убилъ его. Пріѣхавши въ родной городъ, Ваня окрестилъ свою Фатиму и зажилъ съ нею весело и счастливо.

Этою пѣснею мы и заканчиваемъ обзоръ юнацкихъ древнихъ пѣсень, въ которыхъ попадаются древнѣйшія міеологическія представленія, языческія преданія и древнѣйшіе общечеловѣческіе мотивы.

(Продолженіе будетъ).

Ф. Веревскій.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Начинаемъ «Библіографическія замѣтки» отчетомъ о замѣчательномъ и почтенномъ трудѣ Е. В. Барсова: «Слово о Полку Игоревѣ, какъ художественный памятникъ Кіевской дружинной Руси». Москва 1887 г., два тома.

Первая глава I-го тома посвящена «Библіографіи Слова», причемъ всѣ изданія, переводы, изслѣдованія и замѣтки расположены погодно. Эта глава, хотя не безъ ничтожныхъ недостатковъ, свидѣтельствуетъ о самомъ внимательномъ со стороны автора изученіи предмета.— Во 2 й главѣ дѣлается критическій очеркъ литературы Слова. Эта обширная глава раздѣляется на 5 частей. Въ первой части, говорящей объ открытіи, изданіи Слова и другихъ важнѣйшихъ вопросахъ, касающихся рукописей «Слова», особенный интересъ представляютъ свѣдѣнія о черновыхъ бумагахъ Малиновскаго, бывшаго первымъ и главнымъ редакторомъ «Слова». Главнымъ вопросомъ является вопросъ о времени рукописи Слова. Послѣ тщательнаго сличенія и сопоставленія съ другими памятниками, съ опредѣленными хронологическими датами, авторъ приходитъ къ тому выводу, что рукопись Слова по древности своей не восходитъ далѣе XVI в. Во второй части обозрѣваются прозаическіе переводы и объясненія «Слова». Въ началѣ г. Барсовъ дѣлаетъ великое интереса замѣчаніе о всей литературѣ Слова: къ этому памятнику примѣнялись всѣ историко-литературные методы, которые выработаны Западной наукой; только не изучалось до сихъ поръ «Слово» въ связи съ древне-русской письменностью и живымъ народнымъ пѣснотворчествомъ, какъ памятникъ, выражающій самобытный творческій характеръ образованности дружинной Кіевской Руси. Въ слѣдующей части обозрѣваются поэтическія переложенія

Слова. Авторъ затронулъ прежде всего вопросъ, есть ли это произведеніе книжное или народное? Сълоняясь къ убѣжденію, что творецъ Слова былъ человекъ книжный, онъ дѣлаетъ оговорку, что книжность не отрывала его отъ народныхъ вѣрованій. Болѣе труднымъ представляется вопросъ: сложено-ли Слово по опредѣленному размѣру, или поэтическая рѣчь не подчинена въ немъ мѣрнымъ стихамъ. Не принимая на себя задачи рѣшить этотъ вопросъ, г. Барсовъ ставитъ для его разрѣшенія только вѣхи, которыя весьма удачны. Въ четвертой разсматриваются педагогическія и популярныя изданія Слова. Тутъ авторъ говоритъ много справедливаго о томъ, какъ неудовлетворительно преподаваніе этого поэтическаго произведенія въ нашей школѣ. Въ послѣдней части 2-й главы обозрѣваются изданія, переводы и объясненія Слова на иностранныхъ языкахъ и славянскихъ нарѣчій. Оказывается, что изъ великихъ европейскихъ державъ только одна Англія не имѣетъ его въ переводѣ на свой родной языкъ.

Наиболѣе важною и интересною во всемъ изслѣдованіи г. Барсова является третья глава, гдѣ разсматривается «Слово, какъ выраженіе школы Кіевской дружинной Руси». Такъ какъ въ Словѣ сливаются двѣ струи — книжная и народная, то при изученіи этого произведенія весьма важно прежде всего отдѣлить ту и другую. Но сдѣлать это теперь трудно, потому что изученіе древне-русскихъ переводовъ въ связи съ ихъ греческими оригиналами находится въ зачаточномъ состояніи. У насъ до сихъ поръ въ исторіи древне-русской литературы существуетъ даже ошибочное мнѣніе, будто наши переводные памятники непременно или Болгарскаго или Сербскаго происхожденія. На основаніи тщательнаго разбора переводной повѣсти Флавія о разореніи Іерусалима г. Барсовъ удачно выясняетъ, что въ дружинный періодъ на Руси существовала особая литературно-повѣствовательная школа съ своимъ стилемъ. Слово же, какъ произведеніе, относящееся къ той же школѣ, стоитъ въ ближайшемъ отношеніи къ этому

произведенію, что подтверждается множествомъ примѣровъ.

Въ четвертой главѣ—«Слово, какъ историческая повѣсть», многочисленными параллелями доказывается сходство Слова и Кіевской лѣтописи въ основныхъ воззрѣніяхъ и изображеніяхъ приднѣпровской Руси XII вѣка, и рисуется бытовая картина этой послѣдней. Не совсемъ удачной главой является пятая—«Слово, какъ пѣснь, подобная Бояновой», такъ какъ г. Барсову пришлось основывать все свои разсужденія на фикціи. Кромѣ того, неприятно дѣйствуетъ на читателя полемика противъ теоріи В. Миллера, предположившаго Византійско-болгарскій прототипъ Слова. Научное значеніе труда едва-ли бы пострадало, если бы этой главы совсемъ не было. Въ шестой главѣ, озаглавленной «Слово въ его отношеніи къ словамъ богатырскимъ», давъ опредѣленіе сущности и происхожденія былины и сравнивъ ее съ Словомъ, авторъ приходитъ къ такому заключенію: въ лѣтописи и Словѣ точно такъ же, какъ и въ былинѣ, изображается одна и таже дружинно-княжеская Кіевская Русь. Лѣтопись рисуетъ намъ эту Русь въ ея историческихъ походахъ и дѣлахъ, Слово... въ ея политическихъ идеалахъ, думахъ и ощущеніяхъ..., былина же изображаетъ ее такъ, какъ развилась она въ народномъ сознаніи» (I т., 425—26 стр.). Въ этой главѣ авторъ слишкомъ односторонне посмотрѣлъ на былину. Болѣе интереса и полноты представляетъ слѣдующая седьмая глава, гдѣ разсматривается «Слово въ его отношеніи къ позднѣйшимъ повѣстямъ». По мнѣнію автора, нашествіе татаръ окончательно погубило Кіевскую дружинную Русь, но умереть сразу она не могла; ея языкъ (и языкъ Слова) жилъ подъ перомъ повѣствователей о дѣяніяхъ князей и героев Сѣверной Руси. Доказывается эта мысль сравненіемъ Слова съ повѣстями о татарскомъ нашествіи, съ повѣстью объ Александрѣ Невскомъ, съ Задонщиной и т. п. Въ заключительной главѣ перваго тома «Слово въ новѣйшихъ произведеніяхъ искусства» г. Барсовъ указываетъ на тотъ фактъ,

что въ области русскаго искусства вѣтъ знаменитыхъ художественныхъ произведеній, относящихся къ Слову или вызванныхъ имъ, и объясняетъ это отсутствіемъ среди нашихъ художниковъ людей съ солиднымъ общимъ образованіемъ.

Второй томъ начинается главой «Слово о Полку Игоревѣ въ его цѣломъ и частяхъ», которая представляетъ переводъ Слова, сопровождаемый одушевленнымъ и мастерски написаннымъ комментариемъ. При чтеніи главы въ изложеніи г. Барсова невольно проникаешься его взглядомъ, что Слово въ дошедшемъ до насъ текстѣ представляетъ памятникъ удивительно цѣльный и стройный, не требующій предположеній о его испорченности и искаженіи. Нѣкоторыя его объясненія въ высшей степени интересны, напр. о Карнѣ и Желѣ и др. Мы можемъ къ этой главѣ изслѣдованія г. Барсова примѣнить его же собственное выраженіе о Словѣ, нѣсколько измѣнивъ его: его комментарий чѣмъ больше читаешь, тѣмъ больше плѣняешься имъ.—Во второй главѣ «Новѣйшій скептицизмъ въ отношеніи къ тексту Слова»—дѣлается упрекъ г. Потебнѣ за то, что онъ проложилъ путь поправокъ и перестановокъ въ текстѣ Слова, дошедшихъ до крайности въ трудахъ гг. Прозоровскаго и Андреевскаго.—Почти половину второго тома занимаетъ третья глава, посвященная «Палеографической критикѣ текста Слова». Утвержденіе, что Слово дошло до насъ въ удивительной полнотѣ и цѣльности, не исключаетъ возможности въ немъ темныхъ и неисправныхъ мѣстъ. Въ текстѣ Слова были ошибки, свойственныя вообще рукописямъ XVI-го вѣка; къ нимъ прибавились ошибки, внесенныя первыми издателями, вслѣдствіе неопытности въ чтеніи рукописей. При уясненіи и исправленіи этихъ темныхъ мѣстъ могутъ и должны имѣть мѣсто критика: историческая, филологическая, эстетическая и палеографическая. Послѣдняя должна быть главнымъ руководящимъ началомъ при этой работѣ. Съ палеографической точки зрѣнія г. Барсовъ и уясняетъ темныя и восстанавливаетъ неисправныя мѣста Слова. Свое восстановле-

ніе и толкованіе текста онъ сопровождаетъ толкованіями всѣхъ ученыхъ предшественниковъ, переводами педагоговъ, литераторовъ и поэтовъ. Что нѣкоторыя біографическія возстановленія автора въ высшей степени замѣчательны, это читатель замѣтитъ при чтеніи труда г. Барсова. На этомъ пока и остановилось изслѣдованіе; но оно не окончено, что видно изъ многочисленныхъ ссылокъ автора на «Лексикологію Слова», которая еще не явилась въ свѣтъ.

Ко второму тому приложены «Дополненія къ біографіи слова академика А. Θ. Бычкова. Тутъ указаны работы надъ Словомъ поэта Жуковскаго, проф. Бѣляева, затѣмъ другія упоминанія и изслѣдованія о Словѣ, какія проникли въ печать.

Критика (Жур. Минист. Нар. Просвѣщенія 1888 г. № 4 стр. 501—512 и № 9, стр. 174—201; Кіевская Старина 1888 г. т. XXII, стр. 1—12) уже отмѣтила нѣкоторые недостатки труда г. Барсова, такъ она указала на излишнюю полемику, неточность перевода многихъ мѣстъ греческаго текста повѣсти Флавія, нѣкоторую біографическую неполноту и пр. Однако всѣ эти недостатки, неизбежныя въ каждой работѣ, такъ незначительны и легко устранимы, что нисколько не уменьшаютъ высокой цѣны изслѣдованія.

Мы слышали, что авторъ готовится къ печати Лексикологію; кромѣ того, онъ предполагаетъ подробно остановиться на грамматикѣ и синтаксисѣ Слова; однимъ словомъ насъ ожидаютъ еще, пожалуй, два (а можетъ быть и больше) тома, посвященные художественному памятнику XII-го столѣтія. Отъ души желаемъ г. Барсову и скорѣйшаго продолженія, и счастливаго окончанія труда, и полнѣйшаго успѣха. Въ послѣднемъ мы несомнѣваемся: книга его должна сдѣлаться настольною нетолько для спеціалиста, но для всякаго образованнаго человека.

Матеріалы и замѣтки по старинной славянской литературѣ Матвѣя Соколова. Выпускъ первый. Москва. 1888 г. Цѣна 2 р.

Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что онъ подъ именемъ старинной славянской литературы разумѣетъ памятники, написанные на томъ литературномъ славянскомъ языкѣ, нормы котораго даны были въ трудахъ славян. просвѣтителей Кирилла и Меѳодія, и который надолго сталъ литературнымъ языкомъ для Болгарь, Сербовъ и Русскихъ. Изъ области этой-то старинной славянской литературы авторъ и сообщаетъ въ пяти главахъ перваго выпуска матеріалы и замѣтки. Въ первой главѣ «Сербскій пергаменный сборникъ П. С. Сречковича» описывается подробно драгоценный пергаменный сборникъ сербскаго письма, принадлежащій профессору Бѣлградской Великой Школы Пантелеймону Славковичу Сречковичу. За описаніемъ слѣдуетъ обзоръ содержанія сборника, который на 281 листѣ въ 8 д. заключаетъ почти всѣ апокрифическія сочиненія по па Іереміи и много др. апокрифовъ, извлеченія изъ Патериковъ, сборниковъ въ родѣ Пчелы и даже одно изъ сочиненій русскаго писателя XII-го вѣка Кирилла Туровскаго. Въ этой же главѣ авторъ по содержанію, начертанію и правописанію опредѣляетъ приблизительно вѣкъ рукописи—концомъ XIII или началомъ XIV вѣка.

Вторая глава носитъ названіе: «Сисиніевы молитвы отъ трясавиць». Въ ней авторъ печатаетъ изъ указанного сборника 10 текстовъ, представляющихъ богатый матеріалъ для изученія Сисиніевой легенды и заклинанія. Напечатанные тексты распредѣляются такъ: четыре первыхъ нумера представляютъ различные варианты Сисиніевой легенды, №№ 5 и 6—молитвы отъ злого духа, №№ 7—10—заклинанія св. Сисина отъ діавола. Подъ №№-ми же 11, 12 и 13 помѣщены найденныя въ томъ же сборникѣ три отреченныя молитвы или заговоры—одна отъ сердца и двѣ отъ укушенія змѣи. Въ историко-литературныхъ примѣчаніяхъ автора къ

тексту указывается отношеніе послѣдняго къ прежде напечатанному въ разныхъ изданіяхъ текстамъ.

Въ третьей главѣ «Обрѣтеніе Леопиріево о 12 пятницахъ» напечатанъ древнѣйшій изъ извѣстныхъ доселѣ славянскій текстъ сказанія о 12 пятницахъ т. н. Элевоеріевской редакціи (т. е. содержащей легенду объ отобраніи Элевоеріемъ перечня 12 пятницъ у жидовъ), группы А перваго разряда (т. е. безъ изложенія пренія Элевоерія съ жидомъ Тарасіемъ). Такъ образомъ, текстъ сказанія о 12 пятницахъ, напечатанный г. Соколовымъ, имѣетъ значеніе для хронологіи Элевоеріевой легенды въ славянскихъ пересказахъ и для установленія текста, такъ какъ послѣдній здѣсь исправленъ, чѣмъ въ др. спискахъ. Въ примѣчаніяхъ къ тексту приводятся варианты изъ др. списковъ, при чемъ удерживается обозначеніе списковъ, принятое А. Н. Веселовскимъ.

Въ четвертой главѣ напечатанъ новый апокрифъ— «Откровеніе святымъ Апостоламъ. Вотъ содержаніе его: По вознесеніи І. Хр. съ горы Елеонской, 12 учениковъ собираются въ юдоли плача и размышляютъ о человѣческомъ родѣ, о грѣхахъ людскихъ и желаютъ найти средство къ ихъ прощенію. Послѣ сорокодневной молитвы и поста на землю сходитъ въ образѣ Ангела Христосъ. Къ Нему сперва приступаетъ съ вопросомъ о значеніи поста въ Четырнадцатую Петръ, Андрей спрашиваетъ его о сравнительномъ достоинствѣ 7 дней седмицы, при чемъ особенно выдѣляются—недѣля, среда и пятница. Іаковъ вопрошаетъ о значеніи поста въ среду и пятокъ. Потомъ предлагаютъ еще вопросы Тома и Варооломей, а въ заключеніе Господь наставляетъ исполнять заповѣди. Такъ какъ въ индексахъ ложныхъ книгъ греч. и слав. нѣтъ указаній на «Откровеніе св. Ап.», то авторъ искусно подобранными параллелями изъ др. апокрифическихъ сочиненій обосновываетъ свою мысль, что Откровеніе и по формѣ и по содержанію должно быть отнесено къ числу апокрифовъ. Онъ указываетъ и поводъ къ составленію этого апокрифа, при изслѣдованіи литературнаго родства котораго, по мнѣнію

автора, слѣдуетъ обратить вниманіе на статью въ Измарагдѣ Соловецкой бібліотеки: Слово св. отца Пахомія о средѣ и пяткѣ, которое возникло, быть можетъ, въ XI или XII в., когда въ греч. и русской церкви спорили о томъ, какія допустить исключенія изъ общаго правила о постѣ въ среду и пятокъ.

Самая обширная и наиболѣе цѣнная глава во всей книгѣ г. Соколова, безъ сомнѣнія, пятая: «Компиляція апокрифовъ болгарскаго попа Іереміи». Она раздѣляется на три части. Въ первой напечатанъ новый текстъ приписываемой болгарскому попу Іереміи компиляціи апокрифовъ, при чемъ авторъ предварительно сообщаетъ свѣдѣнія объ извѣстныхъ доселѣ спискахъ ея. Всѣхъ списковъ этой компиляціи извѣстно три: сербо-хорватскій XII в., болгарскій XIII—XIV в., русскій XIV в., въ послѣднемъ упомянуто имя попа Іереміи. Текстъ г. Соколова четвертый, древнѣйшій и исправнѣйшій. Во всѣхъ спискахъ компиляція апокрифовъ представляетъ сплошной текстъ и содержитъ исторію древа, изъ котораго были сдѣланы кресты для Христа и двухъ разбойниковъ. Г. Соколовъ печатаемый текстъ раздѣляетъ на XVII главъ, принимая за основаніе для раздѣленія предположеніе особыхъ преимущественно здѣсь употребленныхъ компиляторомъ источниковъ. Сдѣлавъ краткое обзорнѣе содержанія своего текста, авторъ находитъ возможнымъ раздѣлить по взаимному отношенію всѣ 4 списка на двѣ группы: одну составляютъ сербскій списокъ Сречковича и Сербско-хорватскій глаголическій, другую—Болгарскій Берлинскій и русскій Хлудовскій.—Во 2-й части подвергается пересмотру вопросъ объ авторѣ компиляціи и о тождествѣ попа Іереміи съ попомъ Богомилемъ. На первый вопросъ авторъ считаетъ возможнымъ отвѣчать, что разсматриваемая имъ компиляція апокрифовъ могла быть составлена Болгарскимъ пресвитеромъ Іереміей. На второй же вопросъ—былъ ли Іеремія одно и тоже лицо, что и попъ Богомилъ, распространитель такъ назыв. Богомилской ереси, рѣшенный положительно Ягичемъ, Рачкимъ, Ал. Н. Веселовскимъ и др., г. Со-

коловъ отвѣчаетъ отрицательно. Подвергнувъ пересмотру доказательства, которыми обосновывалась до сихъ поръ гипотеза о тождествѣ попа Іереміи и Богомила, и проанализировавъ содержаніе извѣстныхъ сочиненій Іереміи, онъ приходитъ къ тому заключенію, что въ сочиненіяхъ Іереміи нѣтъ ничего богомилскаго, и что онъ не можетъ быть отождествляемъ съ попомъ Богомиломъ.-- Въ третьей и послѣдней части представляется нѣсколько замѣчаній о составныхъ частяхъ Слова Іереміи, могущихъ служить матеріаломъ для рѣшенія вопроса объ источникахъ и способѣ составленія компіляціи.

Книга г. Соколова, какъ видно изъ изложеннаго содержанія, представляетъ немало интереса, т. к. сообщаетъ много новыхъ данныхъ по исторіи апокрифовъ. Особенный интересъ придаетъ книгѣ, по нашему мнѣнію, поставленный авторомъ и отрицательно рѣшенный имъ вопросъ о богомилствѣ попа Іереміи и о тождествѣ его съ попомъ Богомиломъ. Этимъ онъ разрушаетъ основаніе, на которомъ построены многія изслѣдованія заграничныхъ и нашихъ ученыхъ, особенно Ал. Н. Веселовскаго. Надѣмся, что почтенный академикъ не замедлитъ дать отвѣтъ г. Соколову (въ Журн. М. Н. Пр. обѣщавъ подробный разборъ книги г. Соколова), которому отъ души желаемъ какъ можно скорѣе выпустить продолженіе «Матеріаловъ и замѣтокъ по старинной славянской литературѣ» *.

*) Примѣч. Обѣщаніе Редакціи Журнала Мин. Нар. Пр. исполнено. Въ № 8 Жур. за текущій годъ помѣщена рецензія на книгу Соколова, написанная А. Н. Веселовскимъ. Указавъ нѣкоторые недостатки въ трудѣ г. Соколова, почтенный Академикъ приходитъ къ слѣдующему заключенію о новой оцѣнкѣ Іереміи въ разбираемой имъ книгѣ. «Въ оцѣнкѣ литературной роли богомиловъ, какъ расиространителей апокрифическихъ и смежныхъ съ ними повѣствовательныхъ сюжетовъ, зашли, быть можетъ, слишкомъ далеко (Hasden, Goster); но воздержаніе отъ гипотезы»

Докторъ Францискъ Скорина. Его переводы, печатныя изданія и языкъ. Исслѣдованіе П. В. Владимірова. Спб. 1888 г.

Роскошно изданная докторская диссертация состоитъ изъ предисловія и двухъ частей. Въ предисловіи, къ которому тѣсно примыкаетъ обзоръ литературы предмета, мотивируется необходимость настоящаго труда и указываются задачи его: «выясненіе личности Скорины въ связи съ общимъ состояніемъ умственной жизни юго-зап. Россіи въ XV—XVI вѣкѣ, опредѣленіе направленія и вліянія литературной дѣятельности Скорины, выразившейся преимущественно въ переводахъ Св. Писанія на русскій языкъ, изученіе изданій Скорины въ типографскомъ отношеніи и характеристика языка Скорины». Первая часть состоитъ изъ 4 хъ главъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ иногда нѣсколько подраздѣленій. Въ 1-й гл. изображается сперва состояніе нравственно-религіозной и умственной жизни въ юго-запад. Россіи въ XV и XVI в. Въ то время духовенство сильно пало и его мѣсто заступаютъ міряне и особенно братства. Обозрѣвая затѣмъ ц-слав. письменность въ юго-зап. Руси съ конца XIV до половины XVI в., авторъ подчеркиваетъ два стремленія, сказавшіяся въ ней: выставлять на поляхъ ц-слав. рукописей объясненія нѣкоторыхъ непонятныхъ старо-славян. выраженій русскими словами и введеніе этихъ словъ въ бѣльшемъ количествѣ въ новые переводы и исправленія библейскихъ книгъ. Обращались братства и міряне въ своемъ стремленіи къ умственному развитію къ западной наукѣ. Отсюдашло два направленія: католическое и протестантское. Заканчивая главу сообщеніемъ біографическихъ свѣдѣній о Скоринѣ, авторъ указываетъ на связь его личности и съ ю-зап.

тезы, оправдываемой ходомъ европейской культуры, тоже крайность: воздерживая отъ апіорныхъ построеній, она задерживаетъ и возможность открытій, ибо такія апіорныя послышки могутъ оправдаться фактами»... (ibid. стр. 469).

Русью и съ Западомъ Европы. Во 2-й гл. разсматриваются пражскія изданія Скорины. Указавъ отношеніе пражскихъ изданій Скорины къ предшествующимъ ц-слав. изданіямъ, связаннымъ съ нѣмецкими и итальянскими, и типографскія особенности ихъ, авторъ дѣлаетъ слѣд. заключеніе объ ихъ происхожденіи: 1) пражскія изданія Скорины связаны всего болѣе съ современными нѣмецкими (нѣкоторыя буквы, гравюры, украшенія, вводные листы) и съ зап.-русск. и цер-слав. рукописями (правописаніе, видъ большей части буквъ, кирилловская нумерація листовъ, заставки); 2) въ отношеніи къ предшествующимъ ц-слав. изданіямъ книги Скорины всего болѣе связаны съ Краковскими изданіями Фѳоля (часто встрѣчающійся одинъ и тотъ же бумажный знакъ, опытъ кирилловской нумераціи по листамъ, размѣръ строчнаго шрифта, общая связь съ русскими рукописями, съ русскимъ правописаніемъ); но въ типографскомъ отношеніи изданія Скорины превосходятъ всѣ предшествующія ц-слав. изданія; 3) они равняются лучшимъ нѣмецкимъ изданіямъ вачала XVI в. (до изд. Библии Лютера). Переходя затѣмъ къ обзорѣню отдѣльныхъ книгъ, изданныхъ Скориной въ Прагѣ, авторъ останавливается сперва на 1 й изданной книгѣ—Псалтири 1517 года, при изданіи которой Скорина пользовался русскими списками XV—XVI вв. и текстомъ чешской Псалтири. Затѣмъ разсматриваются и другія библейскія книги Скорины. О переводѣ ихъ г. Владиміровъ даетъ такое заключеніе. 1) Переводъ библейскихъ книгъ совершенъ Скориной на основаніи двухъ главныхъ источниковъ: чешской Библии 1506 года и ц-слав. текстовъ нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта. Кромѣ того, пособіемъ ему могли служить комментаріи Николая Лирана; 2) о непосредственномъ отношеніи всего перевода Скорины къ чешской Библии 1506 г. можно заключать изъ многихъ внѣшнихъ особенностей и особенностей перевода; 3) ц-слав. тексты нѣкоторыхъ книгъ Ветхаго Завѣта и пареміи служили Скоринѣ для подбора словъ, но иногда онъ выписывалъ изъ нихъ пѣлыя главы и стихи; 4) переводъ Скорины

страдаетъ отсутствіемъ системы и критики; этотъ переводъ и толкованія въ предисловіяхъ не имѣютъ отношенія къ протестантскимъ переводамъ св. Писанія; 5) Но переводъ Скорины и его объясненія нельзя считать и выраженіемъ исключительно католическаго направленія. Отношеніе къ ц-слав. текстамъ, сохраненіе ихъ особенностей, отсутствіе догматическихъ положеній и какихъ либо католич. церковныхъ особенностей указываютъ на назначеніе всей «Библии русской» для православныхъ читателей юго-зап. Руси; 6) Скорина хотѣлъ дать читателямъ полную и понятную Библию, и потому свободно переводилъ и пополнялъ текстъ чешскій и ц-славянскій безъ отношенія къ текстамъ еврейскому, греческому и латинскому; 7) Скорина имѣлъ въ виду придать своему труду назначеніе—нравственное, религіозное и просвѣтительное.

Въ третьей главѣ разсматриваются сперва виленскія изданія Скорины въ типографскомъ отношеніи. Вотъ выводъ автора: 1) Связь виленскихъ изданій по шрифту и бумагѣ съ пражскими указываетъ на перенесеніе типографіи изъ Праги въ Вильну; 2) особенности виленскихъ изданій (большая часть шрифта, украшенія, гравюры) указываютъ на тѣ же связи съ нѣмецкими типографіями, что и въ пражскихъ изданіяхъ; 3) по существу украшенія и шрифта виленскія изданія составляютъ продолженіе пражскихъ. Изъ отдѣльныхъ книгъ, изданныхъ Скориной въ Вильнѣ, авторъ разсматриваетъ Апостолъ 1525 г. и «Малую подорожную книжку». Апостолъ при нѣкоторыхъ отличіяхъ представляетъ сходство съ ц-слав. текстомъ 1479 и сходными съ нимъ печатными изданіями XVI в. и съ чешской Библіей. Составъ «Малой подор. книжицы» походитъ на составъ ц-слав. псалтирей съ изслѣдованіемъ; поэтому каждая изъ 5 частей малой книжицы и разсматривается въ связи съ рукописными и печатными псалтирями съ изслѣдованіемъ. Последняя глава 1-й части посвящена разсмотрѣнію вліянія изданій Скорины на дальнѣйшія славянскія и русскія изданія въ типографскомъ отношеніи и въ

отношеніи къ редакціи текста. Оказывается, что издательская и типографская дѣятельность Скорины, хотя прекратилась въ 1525 или 1526 году, оказала вліяніе не только на Юго-зап. Россію, но и на западную Европу, именно Германію. Тюбингенскія изданія Примуса Трубера (1561—1563) представляютъ по строчному шрифту и нѣкоторымъ большимъ буквамъ продолженіе изданій Скорины. Волѣ сильное вліяніе имѣли изданія Скорины, конечно, въ ю-зап. Руси; оно сказалось на Несвижскомъ Катихизисѣ, на Евангеліи Тяпинскаго, на Псалтиряхъ—Заблудовской 1570 г., Виленской 1586 и 1593 годовъ и даже на Острожской 1580—81 г. Въ заключеніи этой главы авторъ останавливается на переводахъ Скорины, сохранившихся въ рукописяхъ XVI в. Въ печатныхъ изданіяхъ его сохранилось указаніе, что имъ переведены всѣ библейскія книги Ветхаго и Новаго Завета, между тѣмъ изданы не всѣ книги. Можетъ быть, предположеніе г. Владимірова подтверждается рукописью Московскаго Чудова книгохранилища №⁵²/₂₈₄, гдѣ на л. 20 читаемъ: «послѣдуетъ еще рядовой чинъ его же содержать книга Библия, сирѣчь книга обѣихъ завѣтовъ, ветхаго и новаго». Тутъ есть предисловія Скорины, отмѣченныя г. Владиміровымъ, и другія—ко всѣмъ книгамъ Ветх. и Новаго Завета, передано и содержаніе книгъ.

Вторую часть своего изслѣдованія, авторъ посвятилъ «языку Скорины». На языкъ Скорины, который онъ самъ называетъ русскимъ языкомъ, отразились тѣ же вліянія, что и въ литературныхъ трудахъ. Самое глубокое вліяніе ц-славянское, затѣмъ—чешское, польское и литовское. Эти всѣ вліянія авторъ и слѣдитъ въ звукахъ и формахъ языка Скорины. Таково содержаніе обширнаго и замѣчательно богатаго положительными и плодотворными результатами труда г. Владимірова. Въ немъ освѣщена дѣятельность малоизвѣстнаго до сихъ поръ и спорнаго литературнаго дѣятеля XVI вѣка.

С. Бѣлокуровъ. Адамъ Олеарій о греко-латинской школѣ Арсенія грека въ Москвѣ въ XVII вѣкѣ. Москва 1888 года.

Въ этой небольшой статьѣ, представляющей отискъ изъ апрѣльской книжки Чтеній въ Обществѣ любителей духовн. просвѣщенія за нынѣшній годъ, затронуется интересный и темный вопросъ изъ исторіи нашего просвѣщенія въ XVII ст. Извѣстный голштинецъ Ад. Олеарій въ описаніи своего путешествія оставилъ извѣстіе о существованіи въ Москвѣ въ его время близъ патріаршаго двора латинской и греческой школы. Это извѣстіе Олеарія и вопросъ о школѣ греко-латинской породили большое разногласіе въ трудахъ нашихъ историковъ: арх. Амвросія, митр. Евгенія, арх. Игнатія, А. В. Горскаго, арх. Филарета. С. К. Смирнова, С. М. Соловьева, Знаменскаго, Мирковича, П. Θ. Каптерева, Колосова, митр. Макарія и И. Е. Забѣлина. Чтобъ разобраться въ этой массѣ мнѣній и рѣшить вопросъ о школѣ въ Москвѣ во время Олеарія, г. Бѣлокуровъ считаетъ необходимымъ рѣшить два вопроса: 1) когда открыта греко-латинская школа — при патріархѣ ли Филаретѣ, или при патр. Никонѣ, или «неизвѣстно — когда»; 2) кого нужно разумѣть подъ Арсеніемъ Грекомъ, о которомъ упоминаетъ Олеарій, — Арсенія ли Глухого, или Арсенія Грека, дѣятеля времени патр. Никона или какогонибудь другого Арсенія Грека, намъ неизвѣстнаго? Разсмотрѣвъ подробно по документамъ, хранящимся въ Московскомъ главномъ архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ, сношенія Москвы съ Востокомъ по вопросу объ открытіи греко-латинской школы, разбравъ свидѣтельство Олеарія и различныя изданія его «Reisebeschreibung'a», г. Бѣлокуровъ приходитъ къ такимъ выводамъ. 1) Греко-лат. школа, о которой говоритъ Олеарій во второмъ (авторъ подчеркиваетъ, п. ч. въ первомъ изд. нѣтъ свѣдѣній о гр-лат. школѣ) изданіи своего путешествія, открыта при патр. Никонѣ въ промежутокъ времени 1653—1655 г.г., вѣроятно же въ 1653

году; 2) подѣ Арсеніемъ Грекомъ необходимо разумѣть Арсенія Грека, извѣстнаго дѣятеля времени патр. Никона, пріѣхавшаго въ Москву 26 Января 1649 года и занимавшагося педагогическою дѣятельностью. Статейка интересна тѣмъ, что еще разъ показываетъ, какъ опасно брать свидѣтельства о чемъ нибудь изъ вторыхъ рукъ.

Въ заключеніе обращаю вниманіе читателей «Филологич. Зап.» на интересную замѣтку г. Богданова, помѣщенную въ мартовской кн. Журн. Министер. Нар. Просв. за текущій годъ подѣ заглавіемъ: «Къ вопросу о желательномъ единообразіи въ русской учебной грамматикѣ». Въ ней авторъ проводитъ мысль о необходимости ввести единообразіе въ терминологіи и въ опредѣленіяхъ правильныхъ формъ въ измѣняющихся частяхъ рѣчи, чего наша учебная грамматика не имѣетъ. Если «Русское правописаніе» Я. К. Грота установило единообразіе въ орфографіи въ нашей школѣ, то трудъ подобный долженъ ввести единообразіе и въ учебной грамматикѣ. Вполнѣ раздѣляемъ мысль г. Богданова и желаемъ, чтобъ его статья не прошла незамѣченной тѣми, отъ кого больше всего зависитъ осуществленіе высказываемаго желанія. Что вопросъ этотъ одинъ изъ животрепещущихъ въ нашей школѣ—всякій педагогъ знаетъ хорошо; для не педагога же станетъ это яснымъ, если онъ просмотритъ многочисленныя замѣтки по русскому синтаксису на страницахъ Фил. Зап., Рус. Филол. Вѣстника, Женскаго Образованія и другихъ журналовъ.

С. Ольгинъ.

Изданъ.
1888 г.

Лекціи по исторіи римской литературы, читанныя въ Клевскомъ и С.-Петербургскомъ университетахъ В. И. Модестовымъ. Полное изданіе (три курса) въ одномъ томѣ. Спб. 1888. V, 764 XXII стр.

Нельзя не привѣтствовать появленія въ свѣтъ этого единственнаго и притомъ вполнѣ самостоятельнаго

курса исторіи римской литературы. Почтенный проф. Модестовъ издалъ первый свой курсъ, доведенный до эпохи Августа, пятнадцать лѣтъ тому назадъ (Кіевъ, 1873), а второй, обнимающій вѣкъ Августа, — два года спустя послѣ перваго. Въ 1876 г. уже понадобилось второе изданіе перваго курса, а въ серединѣ восьмидесятыхъ годовъ уже не было въ продажѣ и перваго изданія втораго курса. Въ настоящее время авторъ къ новому изданію двухъ прежнихъ курсовъ прибавилъ третій, законченный Ювеналомъ и краткимъ обзорѣнемъ послѣдующей литературы. Можно пророчить, что вскорѣ потребуется новое изданіе этой прекрасной книги. Не безъ пользы можетъ быть прочтено предисловіе проф. Модестова, въ коемъ высказываются совершенно вѣрные взгляды на состояніе и положеніе у насъ преподаваемой имъ науки. Мысли автора на этотъ счетъ нашли уже сочувственную оцѣнку въ нѣкоторыхъ лучшихъ органахъ нашей прессы (см., напр., «Вѣстникъ Европы», «Русскія Вѣдомости» и др.), и остается только пожелать, чтобы указанія проф. Модестова не остались гласомъ вопіющаго въ пустыни. Что касается до самаго курса, то онъ состоитъ изъ 56 лекцій, представляющихъ изъ себя весьма цѣльныя по содержанію, живыя по изложенію главы, въ коихъ читатель найдетъ и образцы произведеній въ прекрасныхъ переводахъ, и обильныя указанія на изданія классиковъ и на литературу предмета. Пользованіе книгой облегчено подробнымъ индексомъ именъ и сочиненій древнихъ авторовъ. Прибавимъ еще, что недавно проф. Модестовъ выпустилъ въ свѣтъ свой переводъ сочиненій Тацита, о которомъ въ свое время было говорено въ «Филологическихъ Запискахъ», и редижированный имъ переводъ извѣстнаго «Реальнаго словаря классической древности» Фр. Любкера.

ВВЕДЕНИЕ ВЪ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКА. КЪ ТЕОРИИ И МЕТОДИКЪ СРАВ. ЯЗЫКОЗНАНІЯ.

(Продолженіе).

б) К л а с с ы к о р н е й.

Большѣ слѣдующимъ образомъ говорить о классахъ корней: „Въ санскритѣ и родственныхъ ему языкахъ существуютъ два класса корней: отъ одного, сравнительно болѣе многочисленнаго, происходятъ глаголы и имена (существительныя и прилагательныя); послѣднія относятся къ глаголамъ какъ братья, а не какъ дѣти къ отцу, т. е. не произведены ими, но вмѣстѣ съ ними происходятъ изъ одного общаго источника. Все-таки для отличія и по принятому обыкновенію мы называемъ ихъ глагольными корнями. Отъ втораго класса происходятъ мѣстоименія, всѣ первоначальные предлоги, союзы и частицы; этотъ классъ мы называемъ „мѣстоименными корнями“, такъ какъ всѣ они выражаютъ мѣстоименное понятіе, которое въ предлогахъ, союзахъ и частицахъ лежитъ болѣе или менѣе скрыто“. Къ этому раздѣленію примкнулъ цѣлый рядъ ученыхъ ²³⁾, хотя нѣкоторые изъ нихъ предпочитаютъ иныя названія для этихъ классовъ; изъ нихъ самымъ удовлетворительнымъ мнѣ кажется названіе—предикативные и демонстративные, предложенное Максомъ Мюллеромъ ²⁴⁾.

²³⁾ G. Curtius, Zur Chronologie der indogermanischen Sprachforschung [Abh. der phil. hist. Classe der sächsischen Ges. der Wiss.] II Aufl. Leipzig, 1873. Whitney, Sprachwissenschaft, übersetzt von Jolly, München 1874, p. 389.

²⁴⁾ Курціусово названіе «именующіе» (nennende) корни (вмѣсто предикативныхъ) оказывается непрактичнымъ при попыткѣ вывести части рѣчи изъ

Съ другой стороны противъ взгляда Боппа были высказаны нѣкоторыя возраженія, ихъ можно свести къ слѣдующему:

Прежде всего было выражено сомнѣніе, дѣйствительно ли можно признать исконную двойственность въ этихъ классахъ, и нельзя ли произвести демонстративный классъ изъ предикативнаго. Этому взгляда держался Яковъ Гриммъ, Шлейхеръ ²⁵⁾, Веберъ ²⁶⁾. Они производятъ напр. мѣстоименную основу *ta* отъ *ta n* тянуть, а мѣстоименіе перваго лица *ta* отъ *ta ā* мѣрять (здѣсь Шлейхеръ предполагаетъ такой ходъ значеній: мѣрять, мыслить, человѣкъ, я.).

Частию примыкаетъ къ нимъ Шереръ ²⁷⁾, высказывая, что кое-что изъ того, что утверждаетъ въ этомъ отношеніи Веберъ, останется достояніемъ науки—но онъ отличается отъ названныхъ ученыхъ тѣмъ, что предполагаетъ происхожденіе предикативныхъ корней отъ пространственныхъ пред- ставленій.

Я считаю невѣроятными всѣ эти производства, а потому осмѣливаюсь утверждать, что единство, будто бы лежащее за той двойственностью корней, о которой говорилъ Боппъ,—не доказано.

Особенный взглядъ, частию совпадающій съ вышеупомянутыми, высказалъ Бенфей. Онъ точно также предполагаетъ, что предикативные корни были основаніемъ всѣхъ корней, но онъ опредѣляетъ ихъ уже, чѣмъ Боппъ и другіе языковѣды. А именно—между тѣмъ какъ Боппъ полагаетъ, что имя и глаголъ какъ близнецы произошли отъ предикативныхъ корней, Бенфей признаетъ первоначальными одни глаголы и поэтому называетъ односложные первоначальные элементы, существованіе которыхъ признаетъ и онъ, не корнями, а первобытными глаголами; такимъ обра-

двухъ классовъ корней. Въ самомъ дѣлѣ, если производить отъ «именующихъ» корней глаголъ и имя, и отличительнымъ признакомъ послѣдняго считать то, что оно «именуетъ», тогда какъ глаголъ «высказываетъ», то приходится употреблять терминъ «именовать» въ *двухъ* различныхъ техническихъ смыслахъ.

²⁵⁾ ср. Curtius, *Chronologie*², 24.

²⁶⁾ *Indische Studien*, 2, 406.

²⁷⁾ *Zur Geschichte der deutschen Sprache*², 451.

зомъ онъ производитъ весь запасъ индогерманскихъ словъ изъ первичныхъ глаголовъ. Эта теорія основывается главнымъ образомъ на Бенфеевской теоріи суффиксовъ. А такъ какъ я не могу согласиться съ этой теоріей (какъ будетъ показано ниже), то не могу принять и ея слѣдствія, т. е. односложныхъ первичныхъ глаголовъ.

Общая черта упомянутыхъ доселѣ взглядовъ состоитъ въ томъ, что всѣ они съ большей или меньшей опредѣленностью стремятся свести всѣ корни къ одному классу, тогда какъ Боппъ дѣлилъ ихъ на два класса. Но возраженіе противъ Боппа можетъ быть поднято съ противоположной стороны. Достаточно ли тѣхъ классовъ, которые установилъ Боппъ? Можно ли произвести изъ нихъ всѣ существующія части рѣчи безъ остатка? Серьезныя затрудненія возникаютъ уже при попыткѣ выведенія предлоговъ и частицъ, не говоря о числительныхъ, которыхъ происхожденіе намъ совершенно неизвѣстно. Поттъ не относитъ предлоговъ ни къ тому, ни къ другому классу, но предполагаетъ, что они части рѣчи *sui generis*, и точно также первоначальны, какъ и мѣстоименія. Я не думаю, чтобы удалось хоть съ какою либо степенью достовѣрности анализировать первоначальные предлоги индогерманскаго языка (я не считаю удовлетворительною попытку Грассмана²⁸⁾; однако ясно, что они по своему понятію стоятъ въ близкомъ отношеніи къ мѣстоименіямъ, и на этомъ основаніи ихъ можно бы отнести къ одному классу съ ними; гораздо болѣе сомнѣній возбуждаютъ нѣкоторыя частицы, напр. частицы предостереженія и ободренія, *má* и *pú*. Трудно сказать, какимъ образомъ подвести подъ тотъ или другой классъ эти слова, которыя и не обозначаютъ какого либо явленія, и не ставятъ говорящаго въ отношеніе къ окружающему. Быть можетъ, придется установить еще третій классъ, куда взойдутъ именно такіе корни, роль которыхъ состоитъ въ сопровожденіи болѣе общихъ чувствованій человѣка, и которые близко стоятъ къ междометіямъ (послѣднихъ конечно нельзя вовсе исключать изъ языка).

²⁸⁾ Kuhn's Zeitschrift 23, 559 sqq.

Все-таки въ этой области трудно достигнуть чего нибудь прочнаго со средствами индуктивнаго языкознанія, даже если, серьезнѣе приступивши къ ученію о частяхъ рѣчи, мы и подвинемся въ этомъ отношеніи далѣе чѣмъ теперь. Здѣсь непремѣнно придется считаться съ психологическою вѣроятностью, и такимъ образомъ поставить этотъ вопросъ иначе и подвергнуть его болѣе подробному обсужденію, чѣмъ то, которое я въ состояніи дать въ этомъ общемъ обзорѣ.

с) Ф о р м а к о р н е й.

О формѣ корней Боппъ говоритъ, что корни не подвержены кромѣ закона односложности никакому дальнѣйшему ограниченію. Того же взгляда держатся Бенфей, Курціусъ и др., а Шлейхеръ прибавляетъ еще тотъ признакъ, что корень не можетъ заключать въ себѣ подъятаго звука, но лишь основную гласную (i, u). Для постоянной односложности корней приводится прежде всего, такъ сказать, философское основаніе, которое Аделунгъ выражаетъ такимъ образомъ: „каждое корень-слово было первоначально односложнымъ, такъ какъ первобытный человѣкъ, находившійся еще въ дикомъ состояніи, выражалъ свое представленіе однимъ раскрытіемъ рта“. Нѣсколько утонченнѣе выражается Вильгельмъ Гумбольдтъ: „если смотрѣть на вопросъ, выходя изъ общихъ идей, то врядъ ли можно считать слишкомъ смѣлымъ общее предположеніе, будто первоначально каждое понятіе обозначалось лишь однимъ звукомъ. Понятіе, съ точки зрѣнія языкознанія, есть то впечатлѣніе, которое производитъ на человѣка внѣшній или внутренній объектъ, а звукъ вырвавшійся изъ груди вслѣдствіе живости этого впечатлѣнія есть слово. Такимъ путемъ врядъ ли могутъ два звука соотвѣтствовать одному впечатлѣнію“²⁹⁾. По тому же пути идетъ и Курціусъ³⁰⁾ говоря: „я и въ томъ схожусь съ большинствомъ языковѣдцевъ, что приписываю корнямъ односложность. Подобно молніи, какъ говорятъ, прорывается единое пред-

²⁹⁾ Приведено у Pott, Wurzeln, p. 216.

⁴⁰⁾ Chronologie, 23.

ставленіе въ одномъ звуковомъ комплексѣ, который долженъ быть различимъ въ одинъ моментъ“. Ясно, что подобныя разсужденія, не смотря на свою заманчивость, мало убѣдительно, и поэтому все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ привести эмпирическое доказательство въ пользу этой односложности. Корень находятъ, отдѣлившіи отъ слова всѣ образовательные слоги; и если при этомъ всегда будетъ оказываться, что зерно слова, остающееся послѣ этой операціи, будетъ односложнымъ, то положеніе доказано. Но это доказательство вращается въ кругу. Корень—это то, что не есть образовательный слогъ, а образовательный слогъ—то, что не есть корень; гдѣ же провести границу между тѣмъ и другимъ?—Это и долженъ рѣшить грамматическій анализъ. А что, если бы мы ошиблись при этомъ анализѣ,—напр. разложили бы *gamati* (онъ идетъ) не на *gam-a-ti*, а на *gam-a-ti*, и получили бы такимъ образомъ двусложный корень?

Насколько справедливы подобныя предположенія, можно видѣть изъ новѣйшихъ изслѣдованій по исторіи и развитію корней. Я сообщу самое необходимое объ этихъ изслѣдованіяхъ.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ корни, которые мы, въ сущности по примѣру индусскихъ грамматиковъ, обыкновенно считаемъ индогерманскими, стоятъ не на одной исторической ступени, такъ что между ними часто слѣдуетъ различать болѣе древнія и болѣе новыя образованія. При попыткѣ такого различенія Поттъ руководился слѣдующею мыслию, теперь (вполнѣ справедливо по моему мнѣнію) уже оставленной: именно, онъ предполагалъ, что въ начальныхъ звукахъ корней очень часто скрываются предлоги или какіе нибудь другіе префиксы; такъ напр. *svād* „находить удовольствіе“ онъ производилъ отъ *su ā ad* „хорошо для тѣды“³¹⁾. Противоположнаго метода держится Курціусъ; онъ отдѣляетъ многія конечныя согласныя, считая ихъ позднѣйшими приставками, такъ называемыми детерминативами корня;

³¹⁾ Ср. полемику противъ такого способа объясненія у Курціуса въ его *Grundzüge*⁵, 32 sqq.

такъ напр. онъ производитъ *ju dh* „сражаться“ и *jug* „связывать“ отъ общаго первоначальнаго корня *ju*, не высказывая впрочемъ ничего опредѣленнаго о природѣ и происхожденіи этихъ детерминативовъ. По стопамъ Курціуса пошелъ Фиккъ, предпринявшій широкую попытку разложенія корней въ томъ отдѣлѣ своего корнеслова, который носитъ заглавіе „корни и детерминативы корней.“

При этомъ Фиккъ пришелъ къ слѣдующему общему выводу: „первоначальный корень можетъ состоять 1) изъ одной гласной (*a, i, u*), 2) гласной *a* + согласная (*ad, ap, as*), 3) изъ согласной или двойной согласной + гласная *a* (*da, pa, sa; sta, pra, sna*). Всѣ корни, имѣющіе иной или болѣе развитой видъ, или произошли изъ первоначальныхъ корней вслѣдствіе ослабленія звука (напр. *ki* изъ *ka*, *gi* изъ *ga*, *tu* изъ *ta*), или развились изъ нихъ чрезъ присоединеніе детерминативовъ“. Поттъ пытается оправдать свое положеніе и на опытѣ, указывая, что всѣ или почти всѣ корни, которые по своему виду не подходятъ къ вышеупомянутымъ категоріямъ, свободно можно свести по формѣ и значенію къ корнямъ, подходящимъ къ тѣмъ тремъ видамъ.

Чтобы показать, какъ дѣлается это подведеніе, я приведу одинъ примѣръ:

ka звучать
ka-n сапеге, звучать, звенѣть
ka-k смѣяться
ka-t шумѣть, болтать
ka-g звать, называть
ka-g-k, ka-g звучать, смѣяться,
 кряхтѣть = *kgu-k* (то же знач.)
ka-g-d, ka-g шелестить, звучать
ka-g-p шумѣть, жаловаться;
 ср. сискр. *ka-gu-pa* жалкій.
kgu слышать, ср. арійск. *ka-gu* пронизательность.

(*kgu-k* кривать, каркать, кряхтѣть сначала вѣроятно произошло отъ *ka-g-k*.)

kgu-s слышать.

ka-s объявлять, прославлять, хвалить.

ka-s кашлять

ku кричать, выть

ku-k кричать, выть.

ku-g визжать, чиркать

ku-d шумѣть, ругать.

Въ послѣднее время Фиккъ ³²⁾ значительно измѣнилъ эту теорію тѣмъ, что во всѣхъ предполагаемыхъ имъ детерминативахъ онъ видитъ уже остатки слоговъ. „Если формы какъ *mak*, *star*, *dam* произошли отъ сложенія первичныхъ корней *ma*, *sta*, *da* со вторымъ членомъ, то безъ всякаго сомнѣнія продукты этого сложенія должны были звучать *ma-ka*, *sta-ra*, *da-ma*, такъ какъ въ индогерманскомъ языкѣ совсѣмъ нѣтъ такихъ элементовъ, какъ *k*, *r*, *m*, *t*. е. согласныхъ безъ гласной, и поэтому съ ними никогда нельзя было оперировать“: Сообразно съ этимъ Фиккъ полагаетъ, что *gamati* (прежній нашъ примѣръ) нужно разлагать на *ga-ma-ti*, и смотрѣть на *gama* какъ на двусложный корень вторичнаго образованія, происшедшій изъ первичнаго корня *ga* посредствомъ присоединенія *ma*.

Еще раньше Фикка ту же въ сущности теорію предлагалъ Асколи ³³⁾; недавно онъ снова затронулъ ее въ вступительномъ письмѣ о палеонтологическихъ конструкціяхъ языка въ *Studj critici* ³⁴⁾. Вотъ его слова: „оказывается, что очень многіе корневые комплексы индоевропейскаго словаря потеряли свое значеніе настоящихъ первичныхъ элементовъ, настоящихъ корней, односложныхъ отъ происхожденія, и допускаютъ точный анализъ, которымъ можно доказать, что они суть комбинаціи одного дѣйствительно первобытнаго односложнаго элемента съ однимъ или нѣсколькими приходящими элементами (деривативными, детерминирующими, дополнительными, какъ бы ихъ ни называть), такъ что эти кажущіеся корни на дѣлѣ оказываются стяженіями двусложныхъ (или даже трехсложныхъ) агрегатовъ, стяженіями и выдѣленіями, никогда не имѣвшими самостоятельной жизни, но происшедшими вслѣдствіе соединенія прежнихъ агрегатовъ съ новыми вспомогательными элементами инаго деривативнаго или флекціональнаго значенія. Такъ напримѣръ оказывается, что въ языкѣ Аріевъ до ихъ раздѣленія суще-

³²⁾ Bezenberger—Beiträge I, I sqq.

³³⁾ Въ своихъ *Studj ariosemitici* 1865.

³⁴⁾ Пѣн. переводъ: Ascoli, G. J. Kritische Studien zur Sprachwissenschaft. Autorisirte Uebersetzung von Reinhold Merzdorf, zu Ende geführt von Bernhard Mangold. Weimar 1878.

ствовали звуковой комплекс SKID (разсѣкать, раскалывать, латин. scid-, зенд. s̥kīd и т. п.) съ гласной i; но вмѣстѣ съ тѣмъ сохранились прямыя наслѣдники однозначащаго съ нимъ SKAD (зенд. s̥keīda и др.) и тоже однозначащаго SKA (SAK-A; санскр. kḥā, лат. sec-); и на дѣлѣ слѣдуетъ перейти отъ skid къ ska-da. Для понятія „бѣжать“ Арии до своего распадѣнія имѣли звуковой комплекс DRAM (скр. dram, греч. δρεμ-), который собственно имѣетъ видъ DRAMA; DRA является въ однозначащемъ drā въ индійскомъ и греческомъ языкѣ (ξ-δρα-ν); въ третьемъ синонимѣ, индійскомъ dru (drava-ti) гласную u конечно нельзя считать первоначальною. Такой же привзошедшій элементъ, какъ въ DRAM, является и въ TRAM (TRA-MA; лат. trem- и т. д.), настоящее корневое основаніе котораго опять является въ однозначащемъ соединеніи TRAS (TRA-SA; скр. tras, греч. τρεσ-τρέω) и TRAP (TRA-PA; напр. лат. trepidus). Подобнымъ же образомъ отъ скр. kṛt „рѣзать“ (ср. κείρω) мы должны перейти къ KAR-TA (рядомъ съ KARA), а отъ зендскаго s̥takh-ra („то, что оказываетъ сопротивленіе, прочно стоитъ“) къ STA-KA; и т. дал. въ другихъ безчисленныхъ случаяхъ“.

Изъ разбора этихъ взглядовъ можно вывести слѣдующее заключеніе: отъ фактовъ существованія jug рядомъ съ ju, dram наряду съ drā и т. д. дѣйствительно недалеко заключеніе, что корни подвергаются дальнѣйшему образованію черезъ привхожденіе новыхъ элементовъ. Равнымъ образомъ очень естественно предположить, что эти элементы первоначально состояли не изъ отдѣльныхъ буквъ, а изъ слоговъ. Такимъ образомъ въ общемъ ничего нельзя возразить противъ предположенія, что на ряду съ односложными корнями существовали и двусложные.

Въ частныхъ случаяхъ конечно могутъ возникнуть важныя затрудненія. Напримѣръ можно держаться различныхъ мнѣній по поводу того, какъ смотрѣть на второе a въ индійской формѣ praesentis gamati. Чтó слѣдуетъ предположить,—что gam a въ gamati есть древняя двусложная форма корня,—или что изъ gam a еще въ дофлекс-

сивный періодъ вышло *g a m*, и отъ него уже образовано *praesens g a m-a-ti* съ суффиксомъ *a* (существованіе котораго Фиккъ правда отрицаетъ, но безъ котораго нельзя обойтись, какъ я докажу ниже)? Самыя важныя по моему мнѣнію затрудненія возникаютъ по поводу значенія этихъ корней. Неужели въ самомъ дѣлѣ можно предполагать, будто древнѣйшіе корни могли имѣть такое общее и блѣдное значеніе, какъ „звучать“? Скорѣе не говоритъ ли все за то, что такія характеристическія явленія, какъ „журчать“, „пѣть“, „смѣяться“ и др., значеніе которыхъ Фиккъ выводитъ изъ значенія „звучать“, — гораздо раньше нашли себѣ выраженіе въ языкѣ?

Впрочемъ я не имѣю намѣренія входить въ подробный разборъ этихъ изслѣдованій, находящихся еще въ самыхъ зачаткахъ. Я хотѣлъ только показать, какого рода соображенія могутъ привести современнаго языковѣда къ признанію и двусложныхъ корней на ряду съ односложными.

Въ заключеніе я скажу нѣсколько словъ о взглядѣ Шлейхера на гласную въ корнѣ. У индійскихъ грамматиковъ заимствовали мы теорію, что изъ основныхъ гласныхъ *i* и *u* черезъ подъятіе образуются дифтонги, — и главнымъ образомъ по ихъ примѣру приписываемъ мы корнямъ простыя гласныя и такимъ образомъ считаемъ корнемъ *i* (идти), а не *ei*, *g u k* (свѣтитъ), а не *ge u k*. Но здѣсь возникаетъ одно затрудненіе. Вѣдь если въ формахъ *praesentis e i m i*, *i m á s* мы считаемъ корнемъ *i*, то чтобы быть послѣдовательными, мы должны корнемъ формъ *á s m i*, *s m á s* считать *s*³⁵). Конечно, еще въ словахъ праязыка появились такія формы корня какъ *s*, *p t*, *b h s*³⁶), но невѣроятно, чтобы они существовали какъ самостоятельные элементы языка уже въ періодѣ корней. Скорѣе нужно предположить, что въ періодѣ корней существовали не иныя формы, какъ *es*, *pet*, и т. п., слѣдовательно не *i*, но *ei*. Стало быть, господствовавшее до сихъ поръ мнѣніе о подъятіи гласной въ корнѣ должно

³⁵) Ср. Begemann, *Das schwache Praeteritum*, Berlin. 1873. IX sq. q.

³⁶) Ср. Brugman, *Morphol. Untersuchungen* I, 11.

быть измѣнено въ противоположную сторону; и это дѣйствительно сдѣлали нѣкоторые ученые ³⁷⁾; однако систематическаго изложенія этой теоріи еще нѣтъ. Для нашей цѣли мы можемъ ограничиться выводомъ, что взглядъ Шлейхера на корневую гласную нельзя считать необходимымъ и навсегда установленнымъ результатомъ.

Вотъ все, что нужно сказать о формѣ корней. Важнѣйшая точка зрѣнія, которой пусть и держится читатель, состоитъ въ слѣдующемъ: Намъ даны лишь слова. Изъ нихъ мы извлекаемъ корни посредствомъ грамматическихъ операцій; но въ нихъ мы можемъ ошибаться, и мнѣнія о томъ, что истинно и что ложно, могутъ измѣняться. Такимъ образомъ съ формой корней выходитъ то же самое, что и съ формой словъ въ Шлейхеровскомъ праязыкѣ. Что нѣкогда до флексіи такъ называемые корни были словами праязыка — это фактъ установленный, если окажется вообще состоятельнымъ весь анализъ Боппа; что же касается той формы, которую придаютъ отдѣльному корню, то ее слѣдуетъ считать только показателемъ мнѣній ученыхъ о томъ способѣ, какимъ нужно разлагать сохранившіяся слова индогерманскихъ языковъ.

II. Имя (nomen).

а) Основообразовательные суффиксы.

Какъ извѣстно, въ индогерманскихъ языкахъ есть именныя формы, которыя образуются непосредственнымъ присоединеніемъ падежной примѣты къ корню, какъ напр. *du-s*, тогда какъ въ множественномъ числѣ между корнемъ и падежной примѣтой являются извѣстныя элементы, которые мы называемъ основообразовательными суффиксами. Эти послѣдніе состоятъ то изъ одной (простой) гласной, то изъ согласной и гласной, напр. *ta*, *na*, *ga*, то изъ гласной и согласной, напр. *as*, то имѣютъ болѣе полный видъ, какъ *tar*, *tama*, *mant* и т. д. О суффиксахъ, состоящихъ

³⁷⁾ Paul und Braune, Beiträge 6, 408.

изъ одного а, і или ц, Боппъ сначала думалъ неувѣренно, съ отголосками теоріи Шлегеля; вотъ какъ онъ говоритъ въ академической статьѣ отъ 28 іюля 1831 г. (стр. 15): „Благодаря ихъ тощему составу, очень легко не замѣтить древнѣйшаго сложенія, въ тѣхъ глагольныхъ корняхъ, которыхъ они дѣлаютъ словами, приводятъ къ жизни, облачаютъ личностью. Можно пожалуй видѣть въ этихъ звукахъ, такъ сказать, ноги, которыя приданы корню или выросли у него для того, чтобы онъ могъ двигаться на нихъ въ склоненіи; можно также смотрѣть на нихъ какъ на духовныя эманации корня, которыя, какимъ бы то ни было образомъ, выходятъ изъ лона корней, и имѣютъ лишь кажущуюся индивидуальность, но сами по себѣ составляютъ съ корнемъ одно цѣлое, или его органически распустившійся цвѣтъ или плодъ. Но мнѣ кажется, что предпочтенія заслуживаетъ самое простое объясненіе, подкрѣпляемое притомъ генезисомъ основъ въ другихъ языкахъ³⁸⁾; и такъ какъ нѣтъ ничего естественнѣе, что все словообразованіе, какъ и вообще грамматика, основывается на соединеніи значащаго съ значащимъ, то, какъ мнѣ кажется, врядъ ли подвержено сомнѣнію, что а напр. въ *dam a* „успокаивающій, укротитель“ стоитъ для того, чтобы выразить лицо, которое носить въ себѣ значеніе корня *dam*; такимъ образомъ *dam-a* есть нѣчто вродѣ третьяго лица глагола, которое находится въ состояніи имени существительнаго или прилагательнаго, независимо отъ опредѣленія времени“. Гораздо увѣреннѣе, какъ уже замѣчено, выражена эта теорія въ Сравнительной грамматикѣ, и тамъ-же большинство основообразовательныхъ суффиксовъ произведено отъ мѣстоименій, а для нѣкоторыхъ (напр. *-tar*) сдѣлана попытка приведенія ихъ къ предикативнымъ корнямъ.

Къ мнѣнію Боппа присоединился въ существенныхъ чертахъ Поттъ³⁹⁾; Шлейхеръ и Курціусъ уклоняются отъ него въ томъ, что они не допускаютъ произведенія этихъ

³⁸⁾ Нѣсколько выше передъ этимъ (стр. 14) Боппъ говорилъ о семитическихъ языкахъ.

³⁹⁾ *Etymol. Forsch.* I изд. II, 454 sqq.

суффиксовъ отъ предикативныхъ корней; и напр. *tag* объясняютъ изъ двухъ мѣстоименныхъ корней *ta* и *ga* ⁴⁰⁾. Шереръ напротивъ держится за предикативные корни и даетъ этому способу произведенія гораздо большее мѣсто, чѣмъ Боппъ; такъ напр. онъ считаетъ возможнымъ привести суффиксъ *va* въ связь съ глаголомъ *av* „насыщаться, наполняться“.

Само собой понятно, что приверженцы Бопповской теоріи агглютинаціи обращались при попыткахъ объясненія основообразовательныхъ суффиксовъ къ обоимъ классамъ корней, установленныхъ Боппомъ, или къ одному изъ нихъ. Я однако (вполнѣ соглашаясь въ этомъ отношеніи съ Шереромъ) долженъ сознаться, что могу ясно представить себѣ лишь производство суффиксовъ изъ предикативныхъ корней, такъ какъ за это производство говоритъ превосходная аналогія нѣмецкихъ суффиксовъ *-bar*, *-heit*, *-thum*. За предположеніе, что во многихъ суффиксахъ скрыты мѣстоименія, конечно говорить формальное тожество или сходство ихъ съ мѣстоименными корнями, но съ другой стороны трудно найти духовную связь между тѣми и другими. Можно сказать, что мѣстоименіе обозначаетъ лицо или вещь вообще, которыя затѣмъ ближе опредѣляются даннымъ предикативнымъ корнемъ ⁴¹⁾, или что мѣстоименіе указываетъ подобно члену на готовое уже слово ⁴²⁾ — все-таки всегда будетъ казаться страннымъ, что такъ много суффиксовъ появляются рядомъ другъ съ другомъ въ одинакомъ почти значеніи, и что въ нихъ никакъ нельзя открыть специфическаго смысла мѣстоименій.

При такомъ положеніи дѣла нѣтъ ничего удивительнаго, что дѣлались попытки инаго объясненія основообразовательныхъ суффиксовъ; такую попытку сдѣлалъ Бенфей, а также, ограничиваясь впрочемъ лишь нѣкоторыми видами суффиксовъ, Шереръ и Фиккъ.

Бенфей изложилъ свою теорію въ различныхъ мѣстахъ, въ своихъ статьяхъ въ *Kieler Monatschrift* 1854 г., въ

⁴⁰⁾ Также и Кунъ въ своей *Zeitschrift* 14, 229.

⁴¹⁾ Такъ думаетъ Windisch въ *Curtius' Studien* 2, 402.

⁴²⁾ Вурциусъ въ своей *Chronologie*.

краткой санскритской грамматикѣ, въ своемъ журналѣ *Orient und Occident* по разнымъ мѣстамъ, а короче и яснѣе всего въ статьѣ, помѣщенной въ 9-мъ томѣ *Zeitschrift* Куна: „Отрывокъ изъ моей лекціи о сравнительной грамматикѣ индо-германскихъ языковъ“⁴³). Какое практическое значеніе имѣеть эта теорія, удобнѣе всего видѣть изъ сравнительной грамматики греческаго и латинскаго языка Лео Мейера⁴⁴).

Эта теорія Бенфея (въ которой впрочемъ имѣютъ нѣкоторую долю участія Эбель (Ebel) и Кунъ) вкратцѣ состоитъ въ слѣдующемъ. Суффиксы, имѣющіе столь разнообразный видъ въ сохранившихся языкахъ, въ самомъ началѣ не имѣли этихъ различій; гораздо вѣроятнѣе, что всѣ они, или почти всѣ произошли изъ одной основной формы *ant*, являющейся въ причастіи настоящаго времени дѣйствительнаго залога. Но самое это *ant* превратилось изъ третьяго лица множественнаго числа на *anti*. Такимъ образомъ изъ *bhaganti* „они несутъ“ произошло *bhagant* „несущій“, изъ него *bhaga-* носитель и т. д. Ибо первоначальное *ant* претерпѣло длинный рядъ звуковыхъ измѣненій, причемъ *ant* ослабилось въ *at*, въ *an* и затѣмъ сократилось въ *a*, *at* измѣнилось въ *as*, *an* въ *ar*, *a* перешло въ *i*, и такимъ образомъ произошли основы на *it*, *in*, *is*, затѣмъ посредствомъ присоединенія „мѣстоименной темы *a*“ произошли *anta*, *ata*, *ana*, *ara*, *asa*, *isa* и т. д., и т. д.... Точно также суффиксы, имѣющіе вначалѣ *v* или *m*, какъ *mant* и *vant*, вѣроятно принадлежатъ по своему происхожденію сюда же. Вѣроятно, что и *vant* произошло изъ третьяго лица множеств. числа *van̄ti*, которое принадлежитъ къ *perfectum* съ *v*. Но это *perfectum* съ *v* сложено съ *bhū* (быть) и *v* есть послѣдній остатокъ отъ *babhūva*. Суффиксъ *mant* съ своей стороны произошелъ вѣроятно изъ *tmant*, а *tmant* изъ *tvant*, а *tvant*, можетъ быть, есть причастіе отъ *tu* „быть силь-

⁴³) Ein Abschnitt aus meiner Vorlesung über vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen.

⁴⁴) Leo Meyer, Vergleichende Grammatik der griechischen und lateinischen Sprache, II B., Berlin 1865.

нымъ". ⁴⁵⁾ Затѣмъ это *tvant* съ теченіемъ времени различнымъ образомъ дифференцировалось, такъ что съ одной стороны оно развилось въ *tva*, съ другой въ *māna*.

Если бы можно было доказать всѣ эти положенія и такимъ образомъ свести всѣ или почти всѣ суффиксы къ *ant*, которое въ свою очередь происходитъ отъ третьяго лица множ. числа *anti*, то этимъ было бы вмѣстѣ съ тѣмъ доказано, что всѣ имена происходятъ отъ глаголовъ, и такимъ образомъ упомянутая выше гипотеза „первичныхъ глаголовъ“ была бы оправдана.

Но противъ вѣратцѣй представленной здѣсь теоріи говорить слѣдующія вѣскія основанія.

1) Никоимъ образомъ нельзя объяснить, какъ можетъ произойти причастіе изъ третьяго лица множественнаго числа. Гораздо легче представить себѣ совершенно обратное (см. ниже).

2) При превращеніяхъ суффиксовъ Бенфей предполагаетъ такія звуковыя явленія, которыхъ нигдѣ въ другихъ случаяхъ нельзя указать. Именно: весьма сомнительно, чтобы при одинаковыхъ условіяхъ одна и та же форма могла развиться въ совершенно различные виды, какъ напр. *tvant* съ одной стороны въ *tva*, а съ другой—въ *māna*.

3) Если наконецъ всѣ имена сводятся къ образованіямъ посредствомъ *ant*, то нужно предположить, что такъ часто встрѣчающіяся въ древнѣйшей индійской литературѣ имена безъ суффиксовъ, вродѣ *dvish*, *ud* и т. д. имѣли нѣкогда суффиксы и уже затѣмъ (конечно въ древнѣйшее время) утеряли ихъ. Самъ Бенфей дѣлаетъ такое предположеніе; однако, какъ мнѣ кажется, его ничѣмъ нельзя подтвердить, развѣ только тѣмъ, что этого требуетъ система. Наконецъ нужно указать еще и на то, что въ концѣ концовъ все-таки нельзя вывести всѣхъ суффиксовъ изъ *ant*, и иногда Бенфею приходится обращаться къ мѣстоименіямъ за источниками суффиксовъ. ⁴⁶⁾ На этихъ основаніяхъ я не

⁴⁵⁾ Benfey, Kurze Sanskritgrammatik § 366 Bem. p. 212.

⁴⁶⁾ Подробнѣе критикѣ Бенфеевскаго взгляда, съ которой согласны и мои возраженія, можно найти у Циммера—Zimmer, Die Nominalsuffixe a und ā. Strassburg. 1876.

могу согласиться со взглядомъ Бенфея, но само собою разумѣется, что отвергая его гипотезу вообще, я не отвергаю всѣхъ его произведеній одного суффикса изъ другаго; въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ нужно особо рѣшать,—принимать ли то или другое производство.

Шереръ, общіе взгляды котораго на суффиксы уже упомянуты мною, сдѣлалъ о нѣкоторыхъ суффиксахъ предположеніе, что они собственно суть примѣты мѣстнаго падежа, и слѣд. всѣ, образованныя посредствомъ нихъ основы, имѣютъ мѣстное значеніе. Онъ, напримѣръ, такъ говоритъ о суффиксѣ *a*: „Тѣ, которые говорятъ, что *a* сообщаетъ корню субстанціальный смыслъ, будетъ ли это общее оно или, въ отношеніи къ лицамъ, общее онъ,—витаютъ въ такой заоблачной высотѣ отвлеченностей, на которую я никакъ не въ состояніи подняться. Всѣ мои понятія объ языкѣ идутъ совершенно въ разрѣзъ этому. Я полагаю, что основообразовательное *a* есть то же самое, что *a* въ словообразованіи т. е. въ склоненіи. Мы знаемъ мѣстное значеніе этого *a*, и его предложное употребленіе, которое исходитъ изъ значенія связи съ чѣмъ либо. Какимъ же способомъ можно проще и яснѣе всего обозначить обладателя тѣмъ или другимъ свойствомъ, состояніемъ, совершителя того или другаго дѣйствія?—да не иначе, какъ говоря, что онъ находится въ такомъ-то свойствѣ, такомъ-то состояніи, такомъ-то дѣйствіи, что онъ связанъ съ ними“⁴⁷⁾.

На это я возразилъ бы, что при подобномъ взглядѣ совершитель дѣйствія, обладатель качества собственно говоря вовсе не выражается (такъ какъ *h a g-a* по этой теоріи скорѣе будетъ значить „въ несеніи“, а не „тотъ, кто находится въ несеніи“). Но, что важнѣе всего, я убѣжденъ вмѣстѣ съ Куномъ⁴⁸⁾, что нельзя даже и указать подобнаго суффикса *a* съ мѣстнымъ значеніемъ, какъ предполагаетъ Шереръ, и вообще я не думаю, чтобы Шереръ доказалъ съ большей или меньшей вѣроятностью, будто склоненіе предшествуетъ образованію основы,—а слѣдовательно не могу

⁴⁷⁾ Zur Geschichte der deutchten Sprache, 331.

⁴⁸⁾ Kuhn's Zeitschrift 18, 365 sqq.

согласиться съ его объясненіемъ основообразовательнаго суффикса изъ мѣстнаго падежа.

Наконецъ Фиккъ въ одной статьѣ въ Beiträge Бецценбергера ⁴⁹⁾ вообще отвергаетъ существованіе суффикса *a*. Онъ исходитъ изъ предположенія, что тѣ основы, въ которыхъ до сихъ поръ замѣчали суффиксъ *a*, въ сущности тождественны съ нѣкоторыми основами настоящаго времени, какъ напр. *δῶμο-* съ основой наст. времени *δεμο*—въ *δέμομεν*. Руководствуясь своей теоріей о корняхъ (про которую мы выше говорили), онъ разлагаетъ эти основы настоящ. времени иначе, чѣмъ это дѣлалось до сихъ поръ, именно *δεμο*—онъ разлагаетъ не на *δεμ-ο*, а на *δε-μο*, индогерм. *da-ma*, и производя всюду подобное разложеніе, онъ убѣждается, что нормальнаго основообразовательнаго суффикса *a* никогда не существовало. Но этотъ выводъ вызываетъ серьезныя затрудненія. Именно, стоитъ только сообразить слѣдующее: неужели въ самомъ дѣлѣ можно разлагать корни *a v* „услаждать“, *a s* „рыть“, *a n* „дышать“, *a m* „угнетать“ и цѣлый рядъ другихъ такого же образованія на *a-v a*, *a-s a* и т. д. и считать *a* ихъ основнымъ элементомъ, и слѣдовательно простѣйшимъ видомъ корня? Вѣдь при подобномъ предположеніи врядъ ли уже можно будетъ считать древнѣйшій языкъ понятнымъ. Если бы методъ Фикка былъ математически вѣренъ, то, конечно, пришлось бы согласиться съ этимъ страннымъ результатомъ, какъ это дѣлаетъ Бецценбергеръ ⁵⁰⁾; но въ данномъ случаѣ, въ виду такого невозможнаго результата, гораздо вѣрнѣе будетъ заподозрить правильность метода. Поэтому я не могу рѣшиться отказать элементу *a* въ названіи суффикса; замѣчу кромѣ того, что даже появленія *a* въ образованіи временъ недостаточно (какъ будетъ указано ниже), чтобы отказать ему въ качествѣ именнаго суффикса.

На этихъ основаніяхъ я долженъ признаться, что изъ всѣхъ приведенныхъ мною теорій я скорѣе всего склоняюсь на сторону теоріи Боппа. Конечно, съ полнымъ правомъ

⁴⁹⁾ I, 1 sqq.

⁵⁰⁾ Gött. Gel. Anz. 1879 18 p. 558.

можно сомнѣваться, удастся ли вообще въ этой области достигнуть чего нибудь бóльшаго, чѣмъ только извѣстной вѣроятности.

Въ заключеніе я долженъ категорически замѣтить, что на реальность основъ въ отдѣльныхъ языкахъ мы должны смотрѣть совершенно также, какъ и на реальность корней. Основы могли существовать лишь въ общемъ языкѣ до развитія падежа. Если несмотря на это мы говоримъ о греческихъ, латинскихъ и др. именныхъ основахъ, то лишь изъ чисто практическихъ видовъ.

б) Образованіе падежей.

Если при разборѣ индогерманскихъ падежей воспользоваться аналогіей склоненія въ финско-татарскихъ языкахъ, то легко можно придти къ двумъ предположеніямъ, которыя кромѣ того сами собой напрашиваются по своей естественности:—во 1-хъ, что и въ индогерманскихъ языкахъ каждый падежъ имѣлъ лишь одну и ту-же примѣту во всѣхъ числахъ, и во 2-хъ, что существовала особая общая примѣта множеств. числа. Между тѣмъ подкрѣпить оба эти предположенія (которыя руководились сознательно или безсознательно уже многіе ученые при попыткахъ объяснить падежные суффиксы) дѣйствительно сохранившимися въ индогерманскихъ языкахъ падежными суффиксами до сихъ поръ все еще никакъ не удается. Мы встрѣчаемъ не только самыя различныя примѣты для одного и того-же падежа въ различныхъ числахъ (напр. въ род. п. ед. ч. *as* и *sja* и во множ. *ām*), но и въ однихъ и тѣхъ же числахъ существуютъ различныя примѣты для одного падежа (напр. мѣстн. един. ч.), и Шлейхеръ несмотря на всѣ старанія не могъ доказать прежняго существованія примѣты множ. ч. *s* во всѣхъ падежахъ множ. числа. Съ другой стороны нельзя отрицать, что есть данныя, говоряція въ пользу обоихъ указанныхъ предположеній; и такимъ образомъ не далеко до догадки, что первоначальный видъ индогерманскаго склоненія измѣнился до неузнаваемости; основанія для подобнаго искаженія легко могли представиться. Именно, болѣе чѣмъ вѣроятно, что первоначально въ индогерманскомъ языкѣ было гораздо болѣе

падежей, чѣмъ тѣ, которые сохранились въ именномъ склоненіи въ санскритѣ; такимъ образомъ весьма возможно, что тамъ, гдѣ мы видимъ теперь нѣсколько окончаній одного падежа, было первоначально на дѣлѣ нѣсколько падежей, — и что потерялись тѣ самыя окончанія, которыя могли бы составить недостающія параллели къ дошедшимъ до насъ окончаніямъ.

При такомъ безнадежномъ положеніи дѣла я не считаю нужнымъ входить въ подробности различныхъ попытокъ объясненія, сдѣланныхъ донинѣ, а удовольствуюсь тѣмъ, что вкратцѣ укажу на два главныхъ направленія, выяснившихся въ этихъ попыткахъ. Либо 1) можно предположить, что падежные суффиксы искони присоединялись съ цѣлью выразить нѣчто подобное нынѣшнимъ падежамъ, и затѣмъ видѣть въ нихъ мѣстоименные или мѣстоименные и предложные элементы, — или 2) что основообразовательные суффиксы развились въ падежные суффиксы (что напр. род. пад. на sja есть не что иное, какъ основа въ адъективномъ употребленіи). Последнее мнѣніе выражалъ Курціусъ объ нѣкоторыхъ падежахъ, Абель Берганъ ⁵¹⁾ о большинствѣ изъ нихъ, Людвигъ — обо всѣхъ.

Я не думаю, чтобы въ принципѣ можно было что либо возразить противъ того, чтобы дать мѣсто тому и другому взгляду (какъ это дѣлаетъ Курціусъ); но вообще здѣсь во всемъ такъ мало надежнаго, что, часто обдумывая этотъ вопросъ (къ которому мнѣ постоянно приходится возвращаться при моихъ синтаксическихъ работахъ), я не пришелъ ни къ чему иному, кромѣ постоянного неотвязчиваго *non liquet*.

III. Глаголь (verbum).

Въ этомъ отдѣлѣ читатель конечно не долженъ ожидать опыта исторіи происхожденія глагольной системы (поэтому я оставляю безъ разьясненія многое, о чемъ уже была рѣчь въ хронологіи Курціуса и недавно въ моихъ Основаніяхъ

⁵¹⁾ Abel Bergaigne, Mém. de la soc. de linguistique 2, 358 sqq.

греческаго синтаксиса ⁵²⁾); здѣсь дѣло идетъ лишь объ томъ, насколько теорія агглютинаціи оправдывается на глаголѣ. Поэтому я буду говорить лишь а) объ основахъ времени, б) объ основахъ наклоненій, и с) о личныхъ окончаніяхъ.

а) Основы времени.

Изъ основъ времени мы рассмотримъ прежде всего различныя формы основы настоящаго времени.

О характеристичныхъ слогахъ основъ настоящаго времени Боппъ говорилъ въ Системѣ спряженія слѣдующимъ образомъ: „Въ греческомъ языкѣ, какъ въ санскритѣ, къ корнямъ приставляются извѣстныя случайныя буквы, которыя, какъ въ индійскомъ языкѣ, удерживаются лишь въ нѣкоторыхъ временахъ, а въ остальныхъ снова исчезаютъ. По нимъ можно было бы раздѣлить глаголы, какъ въ санскритѣ, на различныя спряженія, которыя по своимъ признакамъ болѣею частью совпадали бы съ индійскими“ ⁵³⁾. Большой прогрессъ сравнительно съ этими словами представляетъ то, что говоритъ Боппъ въ сравнительной грамматикѣ: „Врядъ ли возможно сказать что либо достовѣрное о происхожденіи этихъ слоговъ. Мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ, что большинство изъ нихъ суть мѣстоименія, посредствомъ которыхъ абстрактно выраженное въ корнѣ дѣйствіе или свойство становится чѣмъ либо конкретнымъ, какъ, напр., выраженіе понятія любитъ становится выраженіемъ лица, которое любить. Но каково это лицо,—я, ты или онъ—это ближе опредѣляется личнымъ окончаніемъ.“ ⁵⁴⁾. Въ этихъ словахъ уже виденъ намѣкъ на то, что потомъ высказали Бенфей и Кунъ относительно основы настоящаго времени на пц,—именно что она есть собственно именная основа,—что, напр., основа настоящаго времени *dhṛishñi* въ *dhṛishñumás* „мы осмѣливаемся“ есть не что иное, какъ прилагательное *dhṛishñús* „смѣлый“. Это объясненіе было затѣмъ распространено и на другія основы насто-

⁵²⁾ Synt Forsch. IV.

⁵³⁾ Conjugationssystem p. 61.

⁵⁴⁾ Vergleich. Gramm. § 495.

ящаго времени, между прочимъ на тѣ, которыя оканчиваются на а. По этой теоріи въ о/ε формъ λέγο-μεν, λέγε-τε, φεύγο-μεν, φευγε-τε видятъ не соединительную гласную, которая вставляется по фонетическимъ причинамъ или (какъ предполагалъ Поттъ) представляетъ связку (copula),—но именной суффиксъ а, о которомъ была рѣчь выше. Что же касается того, можетъ ли подобный взглядъ быть примѣненнымъ ко всѣмъ основамъ настоящаго времени,—то въ этомъ между учеными нѣтъ полнаго единодушія; такъ Курціусъ видитъ въ примѣтѣ настоящаго вр. ја глаголь jā,—другіе именной суффиксъ ia⁵⁵). Во всякомъ случаѣ можно думать, что большинство основъ настоящаго врем. суть собственно именныя основы, къ которымъ личныя окончанія приставляются какъ къ корнямъ, такъ что напр. въ ἄγο-μεν заключается тотъ же самый элементъ какъ въ ἄγο-ς (погонщикъ),—и так. обр. первоначальное ageti обозначаетъ собственно: „онъ есть погонщикъ“.

Противъ этого взгляда высказался Фиккъ въ двухъ статьяхъ въ первомъ томѣ Beiträge Беценбергера. Прежде всего онъ констатируетъ тотъ фактъ, что именныя основы и основы времени во многихъ случаяхъ совпадаютъ (въ то время онъ еще не обращалъ вниманія на различіе въ гласной,—напр. въ δόμο-ς и δέμο-μεν,—которое навѣрное восходитъ къ праязыку); отсюда Фиккъ заключаетъ, что въ такихъ случаяхъ нельзя говорить объ особыхъ именныхъ суффиксахъ. Правда, изъ одного факта тождества именныхъ основъ и основъ времени еще нельзя вывести этого заключенія, ибо это тождество могло произойти и такимъ путемъ, что самостоятельно образовавшаяся именная основа впоследствии вошла составнымъ членомъ въ систему времени; но не одно это тождество побудило Фикка къ его полемикѣ противъ извѣстныхъ именныхъ основообразовательныхъ суффиксовъ. По-видимому онъ, кромѣ того, держится еще и мнѣнія, что основы времени постоянно древнѣе по своему происхожденію. Я говорю „по-видимому“, такъ какъ онъ, насколько я знаю, не

⁵⁵) Ср. Brugman Zur Geschichte der präsenstambbildenden Suffixe в Sprachw. Abhandlungen, hervorgegangen. aus Georg Curtins' grammatischer Gesellschaft zn Leipzig-Zeipzig bei Hirzel 1879.

высказался ясно насчетъ этого пункта; но у него можно найти рядъ клонящихся къ тому намековъ, напримѣръ: „*ἔρος μάχη βοσχος* суть не что иное какъ формы глагола въ именномъ употребленіи“, или: „указаніе, что такъ называемыя именныя основы на *a* тождественны съ глагольными основами на *a*“,—при чемъ нужно обратить вниманіе на то, что лишь именныя основы, къ которымъ Фиккъ вообще относится съ нѣкоторой ироніей, носятъ эпитетъ „такъ называемыя“. Затѣмъ онъ говоритъ объ измѣненіи *ε* въ *ο* при имени⁵⁰⁾, слѣдовательно считаетъ глагольную гласную первоначальною и т. д. Если же глагольныя основы древнѣе, то естественно является вопросъ, откуда же возникаютъ въ глаголѣ эти элементы, не имѣющіе уже права носить названіе суффиксовъ. Для суффикса *a* Фиккъ сдѣлалъ попытку объясненія, о которой была уже рѣчь выше, для *ia* (о которомъ онъ говоритъ во второй статьѣ, такой попытки у него нѣтъ. Такимъ образомъ, чтобы произнести окончательное сужденіе о теперешнихъ воззрѣніяхъ Фикка нужно подождать, до тѣхъ поръ, пока онъ не дастъ имъ болѣе обстоятельнаго изложенія.

При настоящемъ состояніи изслѣдованій дѣло повидимому находится въ слѣдующемъ положеніи. Очевидно, что прототипы извѣстныхъ основъ времени и извѣстныхъ именныхъ основъ одни и тѣже. Фактъ этотъ допускаетъ тройное толкованіе: либо эти прототипы не имѣли ни глагольнаго, ни именнаго характера, имѣя так. обр. такой же смыслъ, какой мы приписываемъ корнямъ (мнѣніе Шлейхера)—либо, они были первоначально именами, вошедшими затѣмъ въ глагольную систему,—либо глагольными основами, получившими именное употребленіе. Но какого толкованія держаться,—каждый будетъ рѣшать смотря по тому представленію, кзкое онъ составилъ себѣ о развитіи индогерманской флексіи.

Перехожу къ *a*ористу и будущему времени.

Какъ указано выше, главнымъ образомъ схоластическое заблужденіе насчетъ трехъ частей рѣчи привело Боппа

⁵⁰⁾ Стр. 14 указан. сочин.

въ предположенію, что въ аористѣ на *s* и будущемъ времени заключается корень *as*. Так. обр. происхождение гипотезы не можетъ служить надежнымъ ручательствомъ за ея правильность. Посмотримъ, нельзя ли привести въ ея пользу другихъ основаній.

Боппъ находитъ такое подтвержденіе въ томъ обстоятельстве, что въ одной формѣ санскритскаго аориста *s* является въ удвоенномъ видѣ, напр въ *ájāsisham* отъ *jā* (идти); это несомнѣнно внушаетъ предположеніе, что *s* принадлежитъ глаголу. Противъ этого взгляда Бругманъ⁵⁷⁾ возразилъ—1) что неясно, для чего здѣсь удвоеніе и 2) что изъ санскритскихъ формъ можно почерпнуть болѣе простое и естественное объясненіе этому явленію. Въ санскритѣ существуютъ аористы *ájāsam* *ájāsīs* *ájāsīt* и *ávedisham* *ávedīs* *ávedīt*; не естественно ли, что по аналогіи съ *ávedisham* для 2-го лица *ájāsīs* образовалось 1-е л. *ájāsisham*? Это предположеніе особенно вѣроятно еще и потому, что такой аористъ можно указать только въ санскритѣ. Если этотъ взглядъ Бругмана справедливъ⁵⁸⁾, то изъ него слѣдуетъ, что форма *ájāsisham* нисколько не говоритъ въ пользу гипотезы о глагольномъ происхожденіи *s* въ аористѣ.

Впрочемъ нельзя отрицать, что гипотеза Боппа имѣетъ за себя извѣстную внутреннюю вѣроятность. Ибо весьма естественно предположеніе, что на ряду съ прямой флексіей глагола могла употребляться и непрямая, состоящая въ присоединеніи формъ вспомогательнаго глагола *as* (причемъ можно держаться различныхъ мнѣній на счетъ смысла и такого способа соединенія)⁵⁹⁾.

Во всякомъ случаѣ доказать этого предположенія нельзя, и потому не удивительно, что наряду съ нимъ появилось и другое. А именно: Асколи⁶⁰⁾ полагаетъ, что основа аориста, точно также какъ вышеупомянутыя основы наст. времени,

⁵⁷⁾ Curtius Studien 9, 312.

⁵⁸⁾ Вещенбергеръ (Beiträge 3, 159 прим.) оспариваетъ его. Ср. однако Brugman Morph. Untersuch. 3, 83 прим.

⁵⁹⁾ Ср. Curtius, Chronologie, 55 и 64.

⁶⁰⁾ См. Курциусъ въ указ. соч., также Kuhn's Zeitschrift 16, 148.

можетъ быть именной природы. Однако для основы аориста нельзя найти такихъ удобныхъ опорныхъ пунктовъ, какъ при основахъ наст. времени;—почему это предположеніе и кажется мнѣ менѣе вѣроятнымъ.

Тоже самое, что объ основѣ аориста,—можно сказать *mutatis mutandis* и объ основѣ будущаго времени.

б) Основы наклоненій.

Иоганнъ Шмидтъ указалъ ⁶¹⁾, что въ индогерманскомъ языкѣ примѣтой желательн. наклон. было *iā* и *i*, и притомъ *iā* во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ на этомъ слогѣ лежитъ удареніе, а *i* тамъ, гдѣ этого нѣтъ. Отсюда можно заключить, что *iā* есть первоначальная форма, а *i* образо валось изъ нея посредствомъ стяженія.

Можно ли затѣмъ сопоставлять это *iā* съ индійскимъ глаголомъ *jā*? Противъ этого взгляда (въ существенн. чертахъ Бопповскаго) говоритъ значительное затрудненіе (указанное и Шмидтомъ) со стороны значенія формы. Именно: первое лицо пожалуй можно объяснить этимъ способомъ, но втораго и третьяго нельзя; напр. *h a n j ā s* (какъ мнѣ кажется) при такомъ предположеніи можетъ означать лишь: „ты желасшь убить“, а не то, что оно означаетъ въ дѣйствительности, т. е. „я желаю, чтобы ты убилъ“. Однако это еще вопросъ, должна ли отъ подобнаго затрудненія рушиться вся гипотеза; напр. можно было бы предположить, что значеніе перваго лица повліяло на значеніе втораго и третьяго; или, съ другой стороны, можно было бы признать первоначальнымъ значеніе будущаго времени и изъ него произвести значеніе желанія ⁶²⁾. Оставляя до другаго случая разъясненіе этого труднаго вопроса, я довольствуюсь тѣмъ, что указалъ здѣсь на различные возможные взгляды.

Что касается сослагательнаго наклоненія, примѣтой котораго, какъ извѣстно, служитъ *a*, то Шереръ видитъ въ *a* формы *h a n a t i* то самое *a*, въ которомъ онъ

⁶¹⁾ Kuhn's Zeitschrift 24, 303 sqq.

⁶²⁾ Synt. Forsch 4, 115 sqq.

видитъ суффиксъ мѣстнаго падежа. Подобное пониманіе во всякомъ случаѣ подходитъ къ смыслу сослагательнаго наклоненія (ибо *hanati* обозначало бы здѣсь „при убиваніи“); но какъ я замѣтилъ выше, я не могу признать въ индогерманскомъ языкѣ существованіе суффикса мѣстнаго падежа *a*.

Такимъ образомъ попытка Шерера не можетъ поколебать взгляда Курціуса, по которому сослагательное наклоненіе есть не что иное по своей формѣ, какъ изъявительное накл., напр. сослагат. накл. *hanati* не иное образованіе, какъ изъявит. накл. *bharati*. Курціусъ полагаетъ, что первоначально такія формы изъявительнаго наклоненія имѣли смыслъ длительности (*durativus*), и старается вывести отсюда понятіе сослагательнаго накл., — въ чемъ прежде и я согласился съ нимъ⁶³). Но въ настоящее время я полагаю, что такой переходъ значенія неубѣдителенъ, и потому я не рѣшился бы основывать на немъ производство сослагательнаго наклоненія изъ изъявительнаго, хотя и теперь виѣшнее сходство формъ вродѣ *hanati* и *bharati* кажется мнѣ весьма рѣшительнымъ доводомъ въ пользу признанія ихъ первоначальнаго тождества. На сослагательное наклоненіе съ *ā* я вмѣстѣ съ Курціусомъ смотрю какъ на нѣчто вродѣ образованія по аналогіи. Что касается распредѣленія значенія по лицамъ, то и при сослагат. накл. встрѣчаются тѣже затрудненія, какъ при желательномъ.

с) Личныя окончанія.

Я уже выше призналъ вѣроятнымъ предположеніе, что въ личныхъ окончаніяхъ глагола заключены мѣстоименія, и потому не буду еще разъ касаться вопроса, — приложима ли здѣсь агглютинація, или нѣтъ, но укажу лишь на то, что мнѣ кажется достойнымъ разъясненія уже въ предѣлахъ агглютинаціонной теоріи.

Прежде всего нужно поставить на видъ, что не всѣ ученые, вообще считающіе агглютинацію вѣроятною, признаютъ ее для всѣхъ лицъ глагола въ частности; а именно,

⁶³) Synt. Fororh I.

среди нихъ нѣтъ согласія въ объясненіи 3-го лица множ. ч. дѣйств. зал. Сходство между этимъ лицомъ и причастіемъ наст. вр. дѣйств. зал. такъ поразительно, что весьма естественной является мысль попытаться, поставить обѣ эти формы въ генетическое отношеніе другъ къ другу. Бенфей сдѣлалъ такую попытку, производя *ant* изъ *anti*. Выше я уже высказался противъ этого взгляда. Противоположнымъ путемъ пошли Асколи и Бругманъ. Послѣдній говоритъ⁶⁴): „Кто знаетъ, быть можетъ *bhāgantī* есть основа причастія (*bhāgant*), которую наши индогерманскіе предки употребляли въ качествѣ 3 л. множ. ч., и къ которой они позднѣе, однако еще въ періодъ общаго языка, присоединили *-i* по аналогіи съ *bhāgati*“. Трудно рѣшить, чтó вѣроятнѣе,—этотъ взглядъ или взглядъ Потта, по которому въ окончаніи *ntī* заключаются двѣ мѣстоименныя основы *na* и *ta* (я совсѣмъ не буду говорить о взглядѣ Боппа, по которому *n* символически означаетъ множ. число). Дальше названныхъ ученыхъ пошелъ Шереръ, который и 3-е лицо ед. ч. понимаетъ въ именномъ смыслѣ, именно какъ *localis* причастія. Но нѣтъ ни одного причастія, которое стояло бы къ 3 л. ед. ч. въ такомъ близкомъ отношеніи, какъ *part. praes. act.* къ 3 л. множ. ч., а потому мнѣ кажется наиболѣе естественнымъ обычный взглядъ, по которому въ суффиксѣ *ti* скрыта основа *ta* (которая по формѣ, а также по недостатку въ обозначеніи рода, примкнула къ *ti* и *si*)⁶⁵.

Такимъ образомъ оказывается вѣроятнымъ, что окончанія трехъ лицъ единств. числа и двухъ первыхъ множественнаго (двойственное мы оставляемъ безъ разясненій) можно объяснить изъ мѣстоименныхъ корней (которыя вступаютъ въ соединеніе съ глаголомъ въ болѣе общемъ смыслѣ, чѣмъ это можетъ выразить какой либо изъ позднѣйшихъ падежей); что же касается третьяго лица множеств. числа, то оно, быть можетъ (хотя этотъ вопросъ остается открытымъ), первоначально было именнымъ (подобно латинскому

⁶⁴) Morphol. Untersuch. 1, 137.

⁶⁵) Ср. также ст. Куна въ его Zeitschrift, 18, 402 spq.

a t a m i n i), затѣмъ присоединилось къ системѣ окончаній и ассимилировалось съ другими формами ⁶⁶).

Весьма мало довѣрія внушаютъ всѣ догадки о соединеніяхъ, измѣненіяхъ и искаженіяхъ, которымъ будто бы подвергались личныя окончанія въ праязыкѣ. Приведемъ одинъ примѣръ. Если бы кто нибудь предположилъ, что сі произошло изъ tva, то конечно нельзя было бы доказать, что этого не могло быть, но съ другой стороны и подтвердить эту догадку какимъ-либо аналогичнымъ фактомъ праязыка точно также мудрено; она покоится исключительно на внутренней вѣроятности предположенія, что суффиксы 2-го лица сводятся къ одной основѣ. Но эта вѣроятность вовсе уже не такъ велика, что-бы предотвратить всякое сомнѣніе. Почему бы (спрашиваетъ Бругманъ) ⁶⁷) не могло существовать для мѣстоименія 2-го лица двухъ основъ, также какъ и для перваго, гдѣ уже конечно никто не станетъ сводить такихъ формъ, какъ n a s и v a j a n къ одной формѣ основы?

Въ томъ же самомъ положеніи находится объясненіе окончаній medii изъ двойныхъ мѣстоименій. Правда, связь ихъ съ окончаніями дѣйствительнаго залога несомнѣнна; но путь, по которому пошло развитіе отдѣльныхъ формъ medii, врядъ ли можно опредѣлить съ точностію. Пусть обратятъ вниманіе на слѣдующее затрудненіе. Шлейхеръ и Курціусъ объясняютъ отдѣльныя формы каждую особо, признавая такимъ образомъ, что въ каждой формѣ совершился процессъ комбинаціи и искаженія. Но развѣ не такъ же естественно предположить, что сходство окончаній отчасти основывается на аналогіи? Точно также и другую теорію, по которой въ a i medii является подъятіе гласной, нельзя считать безусловно убѣдительною, такъ что я долженъ остаться при мнѣніи, высказанномъ мною въ синтаксическихъ изысканіяхъ ⁶⁸), —именно, что ни одно изъ существующихъ объясненій не

⁶⁶) То же самое слѣдуетъ признать и для суффикса tat въ повелит. накл., который Шореръ, а за нимъ Бругманъ объясняли какъ ablativus. См. по этому поводу интересную статью Турнейзена (Thurneysen, Der indogermanische Imperativ, въ Kuhn's Zeitschr. 27, 179).

⁶⁷) Morphol. Unters. 1, 135.

⁶⁸) Syntakt Forsch. IV, 69.

настолько достовѣрно, чтобы на немъ можно было построить синтаксическіе или какіе либо другіе выводы.

Въ такомъ же состояніи находится дѣло и съ другими вопросами, которыя подлежатъ здѣсь разсмотрѣнію. Какъ я полагаю, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ оказывается, что нашъ матеріалъ слишкомъ недостаточенъ, чтобы можно было сдѣлать вѣрный выборъ между различными представляющимися возможностями развитія. Кромѣ того мы не должны забывать, что тѣ формы, которыя мы выводимъ посредствомъ сравненія отдѣльныхъ языковъ, имѣютъ за собой уже значительный періодъ развитія, которое, быть можетъ, до такой степени измѣнило эти формы, что въ нихъ уже невозможно стало узнать ихъ первоначальный характеръ.

Уже изъ разъясненія понятія корня получился выводъ, что въ исторіи индогерманскаго языка мы должны различать два періода, — дофлективный или корневой періодъ, и флективный. Правда, Боппъ не высказывалъ прямо этой мысли, а Поттъ даже отрицалъ ее (хотя и не послѣдовательно, какъ мы видѣли); но она, какъ выше показано, есть неизбежный выводъ изъ анализовъ Боппа. Но и флексія не могла совершиться съ одного разу, процессъ ея развитія тоже долженъ былъ пройти нѣсколько различныхъ ступеней, такъ что и флективный періодъ въ свою очередь долженъ распадаться на подраздѣленія. Курціусу главнымъ образомъ принадлежитъ та заслуга, что онъ выставилъ на первый планъ ⁶⁹⁾ въ этомъ вопросѣ ту мысль, что въ развитіи языка нужно различать отдѣльные слои, подобно геологическимъ пластамъ.

Но иной вопросъ, удалось ли ему (или кому-либо другому, хоть Шереру) установить хотя бы съ нѣкоторою вѣроятностью тѣ періоды, которые дѣйствительно прошло образованіе индогерманской флексіи. Соотвѣтственно тому, что я высказалъ въ этой главѣ, я не чувствую расположенія разбирать этотъ вопросъ. При всякомъ гипотетическомъ построеніи предполагается, что существуетъ извѣстное количество от-

⁶⁹⁾ Въ своемъ сочин.: Zur Chronologie и т. д.

дѣльныхъ гипотезъ, изъ которыхъ каждую, взятую отдѣльно, можно считать достаточно укрѣпленною, и на которыя затѣмъ могли бы опереться менѣе укрѣпленныя гипотезы. Но занявъ болѣе или менѣе скептическое положеніе по отношенію ко всѣмъ отдѣльнымъ анализамъ формъ, я долженъ теперь вывести заключеніе, что изъ этого матеріала нельзя построить никакого зданія. Поэтому я вполнѣ соглашаюсь съ тѣмъ, что флексія произошла не сразу, а развилась постепенно, — но сомнѣваюсь, достаточно ли нашего матеріала, чтобы установить періоды этого развитія.

Другое дѣло, если бы можно было привлечь къ сравненію еще новый матеріалъ. Таковую попытку и сдѣлалъ Асколи. Этотъ замѣчательный лингвистъ, одинаково хорошо знакомый съ индогерманскими и семитическими языками, предполагаетъ, что индогерманскій и семитическій праязыки вышли изъ одного общаго источника, и что они даже имѣютъ нѣкоторыя общія именныя основы и общее начало склоненія. Если бы это предположеніе было справедливо, то такимъ образомъ было бы доказано, что флексія индогерманскаго языка началась съ образованіемъ именныхъ основъ. Я не могу ничего сказать о доказательствѣ Асколи, такъ какъ не могу быть самостоятельнымъ судьей въ области семитическихъ языковъ, а потому я долженъ буду къ моему сожалѣнію удовольствоваться тѣмъ, что отошлю читателя къ изложенію самого Асколи ⁷⁰⁾.

Теперь, по окончаніи спеціальнаго разбора, я возвращаюсь къ началу этой главы, и спрашиваю: оправдалась ли теорія агглютинаціи на частностяхъ? Не думаю, чтобы терпѣливый читатель, слѣдовавшій за мною въ ходѣ моего изложенія, съ увѣренностью отвѣтилъ: да. Ибо въ самыхъ лучшихъ случаяхъ отдѣльные анализы оказывались лишь вѣроятными, а нерѣдко приходилось довольствоваться и однимъ *non liquet*. Такимъ образомъ послѣ долгаго и утомительнаго странствія мы не подошли ближе къ цѣли. И теперь мы ничего не можемъ утверждать, кромѣ того, что утверждали

⁷⁰⁾ Лучше всего обратиться къ *Kritische Studien*, 21.

выше, т. е. что принципъ агглютинаціи есть единственный принципъ, способный дать понятное объясненіе формамъ.

Кромѣ этого принципа намъ не встрѣчалось другого, если только не говорить о такъ называемомъ символическомъ объясненіи, къ которому въ нѣкоторыхъ случаяхъ прибѣгаетъ Боппъ, и которое Поттъ признаетъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ. Я не чувствую себя въ состояніи ближе касаться этого способа объясненія, ибо, по моему убѣжденію, онъ до такой степени субъективенъ, что не можетъ подлежать обсужденію *pro* и *contra*.

Если такимъ образомъ изъ всей системы можно спасти только одинъ принципъ агглютинаціи, то естественно возникаетъ вопросъ, не лучше ли совершенно отказаться отъ этой метафизики языковѣдѣнія и ограничиться тѣмъ, что доступно знанію, т. е. поставить задачею индогерманскаго языковѣдѣнія—установленіе основныхъ формъ (въ Шлейхеровскомъ смыслѣ) и объясненіе изъ нихъ отдѣльныхъ формъ? Какъ мы видѣли выше, Іоганнъ Шмидтъ высказывалъ мнѣніе, клонящееся къ этому же, и, навѣрное, съ нимъ согласны многіе языковѣды.

Но я не думаю, что этотъ взглядъ найдетъ всеобщее признаніе. Попытки разлагать формы праязыка въ концѣ концовъ основываются вѣдь не на произвольныхъ выдумкахъ ученыхъ, но опираются на нѣкоторые факты языка (напр. на сходство личныхъ и основообразовательныхъ суффиксовъ съ нѣкоторыми мѣстоименіями и т. под.), а потому вѣроятно будутъ повторяться и въ будущее время. Достигнуть ли эти попытки болѣе удовлетворительнаго результата—рѣшать это не дѣло настоящаго времени; но безъ сомнѣнія, если онѣ окажутся удачнѣе, чѣмъ теперь, то лишь въ томъ только случаѣ, если будетъ привлечено къ изслѣдованію безконечно больше матеріала, чѣмъ это обыкновенно дѣлается теперь, если, слѣдовательно, обратятъ больше вниманія на виѣиндогерманскій міръ языковъ.

В. Преображенскій.

Вопрос о том, как и кем осуществлялось управление делами в этот период, является предметом настоящего исследования. В основу работы положены материалы архива, хранящиеся в Государственном архиве Республики Беларусь. В работе использованы также материалы, опубликованные в периодической печати. В работе использованы также материалы, опубликованные в периодической печати.

В. П. Давидович

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ ИСТОРИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“.

Живѣе, чѣмъ гдѣ либо, необходимость южнорусскаго историческаго изданія чувствуется въ самой редакціи. За короткое сравнительно время въ нашемъ портфельѣ собрано такое количество разнообразныхъ матеріаловъ, обнимающихъ всѣ стороны и эпохи историческаго бытія южной Руси, новые матеріалы прибываютъ въ редакцію съ такимъ постоянствомъ, что въ этомъ отношеніи дальнѣйшее существованіе нашего изданія можетъ считаться прочно и вполнѣ обезпеченнымъ. По мѣрѣ накопленія матеріала увеличивается число сотрудниковъ нашего изданія, своимъ дѣятельнымъ участіемъ ясно свидѣтельствующихъ о томъ, какое множество вопросовъ въ бытовой исторіи южнорусскаго края ждетъ подобающаго освѣщенія и разрѣшенія.

Съ особеннымъ удовольствіемъ редакція отмѣчаетъ тотъ фактъ, что на ея призывъ къ участию откликаются не только мѣстные научныя и литературныя силы; на страницахъ нашего изданія появилось уже нѣсколько работъ, принадлежащихъ перу хорошо извѣстныхъ публикѣ столичныхъ литературныхъ дѣятелей.

Въ то же время никто яснѣ самой редакціи не видитъ и не знаетъ недостатковъ изданія, неизбѣжныхъ во всякомъ подобномъ начинаніи и понятныхъ для каждаго, мало-мальски знакомаго съ условіями литературнаго изданія въ провинціи. Достаточно понимать эти условія, чтобы не слишкомъ строго судить насъ за наши невольныя ошибки. За то съ чистою совѣстью мы можемъ сказать, что съ нашей стороны приложено было и прилагается всяческое стараніе къ тому, чтобы улучшить изданіе, по мѣрѣ возможности удовлетворить читателей и, внимательно прислушиваясь къ голосу серьезной критики, устранить на будущее время замѣченные недостатки. Самый объемъ и составъ выпущенныхъ уже книжекъ, смѣемъ думать, достаточно свидѣлствуютъ, что старанія наши въ этомъ направленіи были не напрасны. Такъ, вмѣсто обѣщанныхъ 10—12 листовъ редакція выпускала книжки

журнала въ 16—22 листа и болѣе; что касается состава вышедшихъ десяти книжекъ, то о немъ можно судить по прилагаемому ниже списку напечатанныхъ статей:

Проф. В. Б. Антоновича: Грановщина, эпизодъ изъ ист. брацл. Украйны и Обзорніе предметовъ вел. княж., эпохи, хранящихся въ музеѣ древн. и мюнцъ кабинетѣ унив. св. Владимира.

Ганны Барвинокъ: Молотники (бытов. разсказъ).

Проф. А. С. Бершадскаго: Аврамъ Езофовичъ Ребичковичъ, подскарбій земск. вел. кн. литовскаго.

Н. Ѡ. Бѣляшевскаго: Два предмета кiev. перк.-археол. музея и Клады вел. княж. эпохи въ Кіевѣ.

Проф. Алексѣя Ник. Веселовскаго: Воспоминанія объ А. А. Котляревскомъ.

Проф. М. Ф. Владимірскаго-Вуданова. Передвиженіе южнорусск. населенія въ эпоху Богд. Хмельницкаго.

А. А. Востокова: Нѣжинская рада 1663 г.

Проф. П. В. Голубовскаго: Болгары и хазары при Владимірѣ св. **В. П. Горленка:** Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій.

А. Я. Ефименко: Двѣнадцать пунктовъ Вельяминова.

П. С. Ефименка: Рудни въ Сѣверчинѣ.

И. П. Житецкаго: Графиня Е. М. Румянцева.

П. И. Житецкаго: Очеркъ литературной исторіи малорусскаго нарѣчія въ XVI в.

И. М. Каманина: Послѣдніе годы самоуправленія Кіева по магдебург. праву, Кіевляне и Богд. Хмельницкій.

П. Л. Объ изображеніяхъ св. Владимира и св. Ольги. О началѣ христіанства въ Кіевѣ. Св. Владиміръ (лѣтописное сказаніе).

Л. Изъ прошедшей жизни малорусскаго дворянства.

О. И. Левицкаго: Ганна Монтовтъ (ист.-бытъ. очеркъ изъ жизни волин. дворянства).

Ю. Г. Левицкой-Пашенно: Порченая (бытов. повѣсть).

Проф. И. А. Линниченка: Архивы въ Галиціи.

Проф. И. В. Луцицкаго: Кіевъ въ 1766 г.

Мирона: Слава Богу, для начала и это хорошо (этюды изъ жизни прикарпатскаго народа).

Михайлогорскаго: Нелишнее слово о виршахъ.

В. П. Науменка: Къ литературѣ рождественскихъ и пасхальныхъ виршъ.

Н. О. „Бунтъ“ сквирскаго магистрата. Памятникъ Богд. Хмельницкому.

Проф. Н. И. Петрова: Къ исторіи колонизаціи слободской Украйны.

Проф. А. А. Потební: Сочиненія П. П. Артемовскаго-Гулака.

Равиты: На рубежѣ, истор. романъ.

Проф. А. В. Романовича-Славатинскаго: Воспоминанія объ Архивѣ Госуд. Совѣта.

А. В. Стороженка: Леонардъ Совинскій.

Проф. Н. П. Стороженка: Четыре первые года ссылки Шевченка.

Проф. Н. Ѡ. Сумцовъ: Историч. очеркъ попытокъ ввести въ южн. и зап. Россію Григоріанскій календарь.

И. В. Теличенка: Протестъ слободской Украйны противъ реформы 1765 г. и Очеркъ исторіи кодификаціи малороссійскаго права до введенія Свода Законовъ.

Х. П.

Ящуржинскаго: Херсонесъ во время крещенія въ немъ св. Владиміра.

Сверхъ того помѣщено 54 рецензіи на вновь вышедшія книги, и 66 документовъ и замѣтокъ. Въ библиографическомъ листкѣ редакція слѣдила, по возможности, за журнальными и газетными статьями, касающимися южн. Россіи. Въ приложеніяхъ были напечатаны: Наказы малороссійскимъ депутатамъ 1767 г. Словарь книжной малорусской рѣчи, по рукописи XVII в. Слово Теофана Прокоповича. Дума о Б. Хмельницкомъ и Барабашѣ съ нотами Н. В. Лисенка. Къ книгамъ были приложены слѣдующіе рисунки: Видъ запорожскаго храма въ Новомосковскѣ. Портретъ А. А. Перовскаго. Изображеніе св. Владиміра, по рис. художн. Васнецова. Памятникъ Б. Хмельницкому въ Кіевѣ, по рис. В. Н. Николаева. Видъ храма, построеннаго П. Могилою изъ развалинъ Десятинной церкви.

Условія подписки на 1889 г.

Безъ доставки на годъ **8 р. 50 к.**, на полгода **5 р.** Съ доставкой и пересылкой во все мѣста Россіи на годъ **10 р.**, полгода **6 р.** За границу на годъ **13 р.**, полгода **7 р.** Книгопродавцамъ дѣлается уступка въ размѣрѣ **50 к.** съ годоваго экземпляра. Кредита и разсрочекъ по доставляемымъ ими подпискамъ не допускается.

За перемѣну городскаго адреса на иногородній и обратно уплачивается **50 к.** За перемѣну адреса на адресъ той же категоріи уплачивается **25 к.** При перемѣнѣ адреса на заграничный доплачивается разница подписной цѣны.

Подписка принимается въ г. Кіевѣ въ конторѣ редакціи, Театральная д. № 4 и въ книжн. магазинѣ Н. Я. Оглоблина.

Въ редакціи можно получать „Кіевскую Старину“ за 1883—87 гг. по 8 руб. 50 к. безъ пересылки и по 10 р. съ пересылкой. При покупкѣ разомъ за все годы дѣлается 20% уступки. Отдѣльныя книги за 1882—87 г. продаются по 1 р. съ пересылкою.

Редакторъ-Издатель **А. С. Лашкевичъ.**

2-й годъ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1889 годъ изданія
на ежемѣсячный историко-литературный журналъ

„ПАНТЕОНЪ ЛИТЕРАТУРЫ“

— Въ предстоящемъ году, «Пантеонъ Литературы» будетъ издаваться по той же программѣ, при прежнемъ составѣ редакціи и прежнихъ сотрудникахъ. —

— Назначеніе журнала—путемъ интереснаго и общедоступнаго чтенія содѣйствовать ознакомленію публики съ первоклассными писателями и распространенію историко-литературныхъ знаній. —

— Въ журналъ участвуютъ слѣд. лица: В. А. Алексѣевъ, проф. А. С. Архангельскій, Е. В. Базобанова, пр.-доц. Ф. Д. Батюшковъ, акад. и проф. Ф. П. Буслевъ,

прив.-доц. Л. П. Бѣльскій, гр. П. Д. Бутурлинъ, Э. К. Ватсонъ, акад. и проф. А. Н. Веселовскій, проф. А. Н. Веселовскій, проф. А. Я. Гаркави, акад. Я. К. Гротъ, проф. А. П. Кириичниковъ, М. П. Кудришекъ, прив.-доц. Р. Ф. Ланге, А. П. Майковъ, П. В. Майковъ, проф. Ф. Ф. Миллеръ, прив. доц. П. Ф. Морозовъ, А. П. Мысовская, А. А. Рейнгольдъ, проф. Н. П. Стороженко, Н. С. Соколовъ, М. К. Цебрикова, Ф. П. Чумина и др. —

— Подобное объявленіе высылается желающимъ по первому требованію. —

ПОД П И С К А Я Ц Ъ Н А:

Съ доставкой въ Петербургъ и пересылкой во все города годъ. мѣс. 6
8 р 5 р.

За границу 10 —

Разсрочка допускается по 1 руб. въ мѣсяцъ до уплаты всей суммы.

— Желающіе приобрести 12 кн. «Пантеона Литературы» также и за 1888 годъ высылаютъ, за оба года, 15 руб. —

— Подписка принимается: въ редакціи журнала П. К. С.-Петербургъ, Захарьевская ул.; д. 19, кв. 10, а также въ книж. маг. Нов. Врем. въ С.-Петербургъ, Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ. —

Редакторъ-издатель А. Чудиновъ.

Филологическія Записки издаются

въ ВОРОНЕЖѢ. Выходятъ безсрочными выпусками— по шести выпусковъ въ годъ.

Цѣна годовому изданію **6** руб. **30** коп. съ пересылкой.
За границу **7** руб.

Подписка преимущественно принимается:

въ ВОРОНЕЖѢ въ Редакціи Филологическихъ Записокъ; также въ извѣстныхъ столичныхъ книжныхъ магазинахъ и въ другихъ городахъ.

Въ Редакціи также можно получать:

Годовое изданіе «Филологическихъ Записокъ» и за прежніе годы, а равно и нѣкоторыя отдѣльныя изданія, а именно:

О происхожденіи языка, Э. Ренана. Пер. съ фр. А. Н. Чудинова. 1865. Цѣна съ перес. 1 р. сер.

Обзоръ Исторіи Чешской Литературы и Языка. Съ Чешскаго. Переводъ К. Медвѣдева и Н. Артемьева. 1866. Цѣна 40 к. съ пересылкою.

Наука о языкѣ. Новый рядъ чтеній Макса-Мюллера.—Шесть лекцій. Выпускъ I. Перев. съ Англ. Д. Лавренка и Г. Кайзера. 1868 г. Цѣна 1 р. 40 к. съ перес.

Наука о языкѣ. Выпускъ II, заключающій въ себѣ послѣднія шесть лекцій Макса-Мюллера—VII—XII. Пер. съ Англ. Г. Кайзера. Цѣна 1 р. 10 к. съ перес.

Искусство въ Италіи и Нидерландахъ. Лекціи Тэна. Выпускъ II. 1871 г. Перев. съ франц. А. Н. Чудинова. Цѣна 1 р. за экз. съ пер.

Сборникъ классическихъ иностранныхъ произведеній, въ переводахъ русскихъ писателей, I томъ, котораго составляютъ образцовыя произведенія Скандинавской поэзіи, изд. подъ редакціей А. Н. Чудинова 1875 г. Ц. 2 р. за экз.

Редакторъ-Издатель **А. Хованскій**.

ПРОГРАММА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХЪ ЗАПИСОКЪ.

I. ИЗСЛѢДОВАНІЯ. 1) Изложеніе и развитіе разныхъ вопросовъ по Русскому языку и Словесности; 2) пробныя и другія лекціи, или отрывки изъ нихъ по Рус. яз. и Сл., Поэзіи, Исторіи литературы;—будутъ помѣщаться также цѣлые курсы, руководства или учебники.

II. ЗАМѢТКИ. Наблюденія надъ составомъ Рус. яз. и живымъ его употребленіемъ въ изустной рѣчи и въ литературѣ;—разныя мнѣнія, сужденія объ улучшеніи преподаванія;—разныя методы и программы;—указанія на различія и излишества, на тотъ или другой недостатокъ въ руководствахъ и проч. и проч.

III. СЛАВЯНСКІЙ ВѢСТНИКЪ. Изслѣдованія по Славянскимъ нарѣчіямъ (по языку и литературѣ), старинѣ и народности.

IV. КРИТИКА и БИБЛОГРАФІЯ. 1) Критическіе разборы статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ другихъ періодическихъ изданіяхъ; 2) библиографія учебныхъ руководствъ по Рус. яз. и Сл.; 3) разборы лучшихъ литературныхъ произведеній современныхъ нашихъ писателей относительно языка, съ указаніемъ содержанія и расположенія мыслей цѣлаго сочиненія или какой либо статьи, отличительныхъ особенностей, тонкостей, мѣткостей, силы выраженія и красота языка какъ въ словахъ, такъ и въ оборотахъ рѣчи; 4) библиографическій указатель книгъ и статей по Рус. яз. и Сл., отдѣльно вышедшихъ и помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ.

V. СМѢСЬ. Сюда войдутъ: 1) статьи, касающіяся свойствъ разговорнаго языка, въ особенности народнаго,—(народная словесность, народные говоры; 2) разныя филологическія и лингвистическія извѣстія, краткія замѣтки о языкѣ, письма, запросы, отвѣты, поправки и т. п.

VI. ПРИЛОЖЕНІЯ. 1) Извлеченія изъ статей филологическаго содержанія, помѣщенныхъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, особенно чѣмъ либо замѣчательныхъ, или заимствованіе нѣкоторыхъ изъ нихъ; 2) переводы и извлеченія изъ произведеній извѣстнѣйшихъ филологовъ и эстетиковъ; 3) обзоръ вновь выходящихъ замѣчательныхъ произведеній иностранныхъ филологовъ и лингвистовъ и 4) изслѣдованія по изученію общей сравнительной филологіи и лингвистики, старины и народности, классическихъ древностей, этнографіи, сравнительной мѣологии и народной психологіи.

